

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН Федерального научного центра
«Владикавказский научный центр РАН»

СЕРИЯ «ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

Т.Т. ДАУЕВА

**КОНФЛИКТЫ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ
ПРАКТИКИ В ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)**

Владикавказ 2017

ББК 63.5
Д 21

Серия «Первая монография»

Дауева Т.Т. Конфликты и миротворческие практики в осетинском обществе (конец XVIII – начало XX в.): Монография. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – 226 с.

ISBN 978-5-91480-275-9

Научный редактор – доктор исторических наук, профессор,
директор СОИГСИ ВНЦ РАН *З.В. Канукова*

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор,
зав. отделом этнологии СОИГСИ ВНЦ РАН
А.А. Чибиров;
кандидат исторических наук, ст. научный
сотрудник ИГИ КБНЦ РАН *А.Х. Абазов*

В монографии осуществлено комплексное исследование конфликтогенных факторов и миротворческих практик в осетинском обществе в конце XVIII – начале XX в. Рассмотрена трансформация традиционной системы посредничества и ее влияние на миротворческую деятельность в контексте сложных процессов взаимодействия традиционного третейского суда с новым российским законодательством. Выявлены новые виды конфликтов, появившихся в эпоху пореформенной модернизации и связанных с коммерческими сделками. Определены методы адаптации традиционных медиаторских практик к новым условиям, а также степень востребованности / невостребованности миротворческих способов, предложенных российским законодательством. Исследована традиционная система композиций в условиях новых экономических и правовых отношений; выявлены новые миротворческие формы.

Печатается по решению Ученого совета СОИГСИ ВНЦ РАН

ISBN 978-5-91480-275-9

ББК 63.5

© СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017
© Дауева Т.Т., 2017

«Несмотря на то, что вопросы народного права осетин, традиционного судопроизводства неплохо освещены в научной литературе, ощущается потребность в их дальнейшей разработке, в частности, в ракурсе традиций миротворчества. Рецензируемая работа в значительной степени восполняет этот пробел, и не только в плане потребностей науки. Она может быть весьма полезна и практически — все многообразие конфликтногенных коллизий и примиренческих стратегий, правовых и коммуникативных компонентов осетинского судопроизводства, систем композиций и пр. не только входят в опыт историко-культурного развития народа. Они все ещё перспективны как активный инструментальный социальный, культурного и государственного строительства в такой многонациональной и поликультурной стране, как РФ... Важно, что рецензируемая работа является первой попыткой столь широко представить традиционные миротворческие практики в самых многообразных проявлениях».

*С. А. Арутюнов, член-корреспондент РАН,
зав. Отделом Кавказа ИЭ АРАН*

«Автору удалось выявить, систематизировать и проанализировать конфликтногенные факторы, систему профилактических и миротворческих практик и институтов в динамике общественного развития осетинского социума, а также процессы трансформации миротворческих институтов и форм урегулирования конфликтов под влиянием политики Российской империи. Широкое использование конкретного этнографического материала, воссоздает не только анализируемые ею правовые установления, но и контекст той повседневности, в которой они бытовали».

В. А. Дмитриев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российского этнографического музея

«Исследование является актуальным как в научно-теоретическом, так и практическом отношении. В теоретическом плане оно имеет важное значение для понимания особенностей адаптации традиционных общественных институтов народов Северного Кавказа к политической и социокультурной системе России. В практическом — позволяет охарактеризовать наиболее типичные виды социальных конфликтов у осетин и выявить наиболее функциональные формы их урегулирования в прошлом, некоторые из которых могут быть вполне применимы и в современной миротворческой практике».

*А. Х. Абазов, кандидат исторических наук,
ст. научный сотрудник ИГИ КБНЦ РАН*

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ — сложный регион, благополучие которого требует как позитивного межэтнического взаимопонимания населяющих его народов, так и внутренней стабильности каждого этноса. Как показывает исторический опыт, далеко не всегда этот край был местом действия острых межэтнических и социальных столкновений. С глубокой древности на Северном Кавказе проживали представители разных культур, выработавшие особую систему меж- и внутри — этнического взаимодействия, в основе которой заложены нормы обычного права, в частности, традиционные миротворческие практики.

Изучение обычного права, включенного в широкий контекст гуманитарной, жизнеобеспечивающей и нормативной традиционной культуры, способствует его новой интерпретации в исследовательской парадигме переходного общества, с учетом соотношения традиций и инноваций, их взаимосвязи и взаимообусловленности на различных этапах развития социума. Проблема возникновения и разрешения конфликтов появилась вместе с самыми ранними формами самоорганизации социума; в разные периоды и в разных культурах она ставилась и решалась по-разному. Исследование конфликтогенных факторов и миротворческих практик традиционных обществ позволяет существенно расширить сложившиеся представления об этнокультурных основах обычного права, о ценностных и ментальных аспектах этнической культуры, которые способствовали реализации ее регулятивной функции и обеспечивали внутреннюю стабильность жизнеустройства.

Миротворческая деятельность осетинского традиционного общества в его взаимодействии с другими северокавказскими этносами представляет особый интерес, так как исторический опыт свидетельствует об ее мощном позитивном потенциале регулятора общественных отношений.

Исследование правовой жизни этноса как социокультурного единства, актуально не только в теоретическом, но и в практическом применении в современных условиях, когда на-

блюдается повышенное внимание к традиционным методам разрешения конфликтов, в частности, к медиаторству. Сложившаяся в России система судопроизводства предоставляет определенные возможности для обращения к историческому опыту посредничества. Существующие в стране программы реализуются за счёт партнерства общественности и правосудия, но на Северном Кавказе наиболее успешной представляется модель примирения, основанная на традиционной и вполне жизнеспособной системе медиации

Анализ традиций в урегулировании конфликтов, популяризация примирительных практик, принятых в правовой культуре осетин и других северокавказских народов, формирует культурный фундамент для развития примирительных практик в современном мире и играет ключевую роль в формировании отечественных институтов медиации.

Объектом исследования является обычное право традиционного осетинского общества в динамике общественного развития, в том числе охватывающего процессы российско-осетинского взаимодействия и пореформенной модернизации. Предметом исследования является система традиционного миротворчества, включавшая медиативные институты обычного права, практики разрешения конфликтных ситуаций, механизмы исполнения приговоров; традиции и инновации в миротворческой практике осетинского общества в условиях общественных трансформаций.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление и изучение конфликтогенных факторов, профилактических и миротворческих практик и институтов, осуществляющих функции регулирования хозяйственных, общественных, семейных и межличностных отношений в динамике общественного развития осетинского социума. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

– выявить деятельность основных институтов осетинского общества, имевших функции регуляции общественных отношений, направленную на преодоление конфликтных ситуаций;

- исследовать условия и правила создания, функционирования традиционного третейского суда и его последующее взаимодействие с российским законодательством;
- выявить основные и наиболее часто возникающие в традиционном осетинском социуме виды конфликтов, причины их появления и способы разрешения;
- рассмотреть конфликты и миротворческие практики в условиях капитализации экономики и влияния российского законодательства на традиционную правовую культуру;
- проанализировать особенности функционирования системы композиций, ее трансформации в пореформенное время;
- исследовать причины, последствия, а также способы урегулирования кровной мести;
- исследовать феномен умыкания девушек как распространенный конфликтогенный фактор;
- выявить миротворческие практики и ресурсы в разрешении имущественных, наследственных и других семейных конфликтов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII до начала XX в., что позволяет исследовать порядок регулирования отношений согласно нормам обычного права осетин и их трансформации под влиянием присоединения Осетии к России. Значимой гранью исследования являются 60-70-ые годы XIX в., когда традиционная миротворческая практика адаптировалась к результатам административных, судебно-правовых, экономических и ряда других реформ, породивших новые способы разрешения конфликтов.

В монографии впервые осуществлено комплексное исследование конфликтогенных факторов и традиционных миротворческих практик в динамике общественного развития осетинского общества.

Впервые:

- на основе полевого этнографического материала исследованы конфликтогенные факторы и миротворческие практики посреднических институтов с учетом локальных (ущельных) вариантов традиционной соционормативной культуры;

обнаружены неизвестные ранее способы разрешения конфликтов;

- рассмотрена трансформация традиционной системы посредничества и ее влияние на миротворческую деятельность в контексте сложных процессов взаимодействия традиционного третейского суда с новым российским законодательством;

- выявлены новые виды конфликтов, появившихся в эпоху пореформенной модернизации и связанных с коммерческими сделками, незаконным захватом общинных земель, повышением фискальных платежей, столкновением с должностными лицами, увеличением размера калыма и умыканием девушек и др.;

- определены методы адаптации традиционных медиаторских практик к новым условиям, а также степень востребованности / невостребованности миротворческих способов, предложенных российским законодательством;

- исследована традиционная система композиций в условиях новых экономических и правовых отношений; выявлены новые миротворческие формы, такие как вклад виновной стороны в строительство церкви или школы, в благоустройство территории села, участие духовенства в примирительных процедурах и т.п.;

- в результате анализа судебных хроник выявлены инновации в практиках разрешения семейных конфликтов, в примиренческих процедурах, связанных с мощными конфликтогенными факторами — похищением девиц, кровной мезтью, распределении имущества в связи с участившимся разделом больших семей;

- в научный оборот введены новые архивные и полевые материалы, в том числе собранные соискателем в ходе экспедиции в Турцию с целью комплексного изучения анатолийских осетин в 2013 и 2015 г. Выявлены неизвестные ранее в специальной литературе методы разрешения конфликтных ситуаций.

Основным методологическим принципом исследования является системность — исследование конфликтов и миротворческих практик во взаимосвязи с другими аспектами тради-

ционной культуры — хозяйственным укладом, общественным и семейным бытом, религиозными верованиями, духовными ценностями, обрядовой культурой.

Применение принципа историзма призвано обеспечить анализ событий и явлений в контексте социально-экономического, административно-правового и культурного развития осетинского общества. Принцип объективности предполагает всестороннее рассмотрение конфликтов и способов их разрешения с точки зрения объективных закономерностей, с максимально возможным использованием источников.

Основным предлагаемым методологическим подходом является междисциплинарный, который включает источники, материалы и методы, сложившиеся в этнологии и истории, с широким привлечением фольклорного материала, что позволяет глубоко и комплексно исследовать проблему.

В процессе исследования применен историко-сравнительный метод, привлечен материал по обычному праву других народов Северного Кавказа с целью выявления общих закономерностей и отличительных особенностей. В работе использован метод контент-анализа в изучении архивных источников (судебного делопроизводства) и периодической печати.

Выводы и положения работы, ставшие результатом осмысления широкого круга различных источников, дают возможность углубленного исследования осетинского традиционного общества, его правовой культуры, в частности, конфликтогенных факторов и миротворческих практик. Проведенное исследование имеет значение для более объективного понимания места традиционной культуры в процессах модернизации общественной жизни и в условиях внешних влияний. Результаты работы могут быть использованы в кросс-культурных исследованиях современных представлений о способах разрешения конфликтов и примирении.

Материалы исследования могут быть применены при создании учебно-методических комплексов, учебных курсов и лекций по истории России и Северного Кавказа, в просветительской и популяризаторской деятельности.

Полученные результаты также могут быть использованы в разработке миротворческих методик, при создании проектов, направленных на внедрение традиционных элементов урегулирования споров и криминальных ситуаций в деятельность официальной юстиции, в образовательные курсы по восстановительному правосудию.

Несмотря на то, что проблема миротворчества не становилась предметом специального исследования в осетиноведении, отдельные, связанные с ней вопросы, нашли отражение в историко-этнографической и публицистической литературе.

В историографии изучаемой проблемы можно выделить три основные группы — дореволюционную, советскую и постсоветскую, включая современную, что позволяет определить преемственность в развитии исследовательского процесса.

Дореволюционная историография богата материалами русских и западных ученых. Вхождение региона в общероссийское правовое, экономическое, а также социо-культурное пространство вызвало интерес исследователей к Кавказу. К тому же в связи с административными изменениями края возникла необходимость в изучении правовой культуры местных народов с целью ведения эффективного управления. Первыми авторами стали русские ученые, иностранцы, находившиеся на службе в русской армии, христианские миссионеры, путешественники.

В результате путешествия на Кавказ в 1781 г., Л. Л. Штедер оставил дневник, в котором содержится ценный этнографический материал о жителях Осетии, в частности, о сословных различиях, о традиционных правовых нормах¹. Путешественник конца XVIII в. Я. Рейнеггс в работе «Общее историко-топографическое описание Кавказа» представил сведения об обычае кровной мести². Ю. Клапрот всесторонне описал быт

¹ Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 27-70.

² Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 90-104.

и нравы народов Северного Кавказа, в частности, социальные отношения осетин, обычаи кровной мести³. Весьма ценные сведения об обычном праве осетин содержатся в работе путешественника К. Коха, который обстоятельно изучил вопросы кровной мести с приведением примеров вражды между фамилиями⁴. Ценные сведения из области обычного права осетин приводит академик А. М. Шегрен⁵.

Столкновение новой правовой культуры с традиционной, особенно с существовавшим обычаем кровной мести, вызвало новый интерес к традиционной культуре. Обычай кровной мести в историографии толкуется неоднозначно. Ю. Клапрот, Н. Ф. Дубровин, Л. Л. Штедер, Н. Берzenов рассматривают это явление как первую реакцию потерпевшей стороны в виде ответного убийства⁶. Другое понимание кровной мести включает в себя как понятие обязательного возмездия, так и композицию, предполагающую выплату выкупа преступником и его родственниками пострадавшей стороне. А. А. Бадтиев, С. Г. Каргинов, М. М. Ковалевский, И. Бларамберг подчеркивают санкционирование практики кровной мести и признают ее обычаем⁷.

³ Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д. 6; Он же. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 105-180.

⁴ Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 222-274.

⁵ Шегрен А. М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях // Кавказ. 1846. № 29.

⁶ Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф.4. Оп.1. Д. 6; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1888. Т. 1; Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 27-70; Берzenов Н. Г. Из записок об Осетии // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн.1. С. 126-132.

⁷ Бадтиев А. А. Кровничество четырех фамилий // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 95; Каргинов С. Г. Кровная месть у осетин // ППКОО. Владикавказ, 2014. Кн. 7. С. 580-604; Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Современный обычай и древний закон

Следует указать, что все исследователи, описывая кровную месть, указывают на следующие ее общие характеристики – наличие самосуда, стремление к равному возмездию, участие всей фамильной группы в поисках и преследовании убийцы. Н. Ф. Дубровин указывает, что «в старые годы, привезши в дом труп убитого, родственники его мазали себе лоб, глаза, щеки и подбородок кровью, истекавшей из его раны, заклиная в то же время друг друга отомстить за его смерть»⁸. Исследователи также солидарны в том, что со временем на смену кровной мести приходит композиция. Работа А. Гакстаузена содержит ценные сведения об уголовных преступлениях среди осетин, а также некоторые примирительные формы. Автор приводит некоторые адаты касательно кровной мести⁹. С. М. Броневский в двухтомном труде «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» провел параллели между способами урегулирования конфликтов на Кавказе и на Руси, на материалах «Русской Правды», что также дает возможность проведения сравнительного анализа примиренческих практик осетин и адыгов¹⁰. И. Бларамберг, исследуя обычай кровной мести, делает вывод о том, что основной его функцией было регулирование взаимоотношений в обществе, защита личности и имущества в различных ситуациях того времени¹¹. А. Г. Яновский подробно описал процедуру разбора дела о кровной мести, функционирование медиаторского суда, композиции за убийство¹².

(обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. В 2-х т.; Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999.

⁸ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 359.

⁹ Гакстаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношения народов, обитающих между Черным и Каспийским морями: в 2 ч. СПб., 1857. Ч. 2.

¹⁰ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х частях. СПб., 1823.

¹¹ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010.

¹² Яновский А. Осетия // Обозрение российских владений за Кав-

В. Б. Пфаф главное внимание уделил детальному исследованию традиций гражданского, уголовного, наследственного права. Автор провел сравнительный анализ обычного права осетин с памятниками римского, немецкого и славянского права. В. Б. Пфаф, используя судебные журналы сельских судов, опросы судей и местных жителей, подробно остановился на судеустройстве, процедуре создания медиаторского суда, разборе тяжёлого дела, а также привел примеры конкретных судебных решений¹³. М. М. Ковалевский исследовал нормы обычного права, регулировавшие различные аспекты общественного быта, детально изучил имущественно-правовые отношения, традиционное судеустройство и судопроизводство. М. М. Ковалевский на примере осетин исследовал большую патриархальную семью, причины ее распада, детально осветил вопросы наследственного и имущественного права. В исследовании «Закон и обычай на Кавказе» автор провел сравнительный анализ правовых систем народов Северного Кавказа¹⁴.

В «Присяге по обычному праву осетин» Дж. Т. Шанаев подробно рассмотрел судебную процедуру осетин в XIX в.: описал действующих лиц судебного процесса, обычай принятия клятвы и ее разновидности¹⁵. Его же статья «Свадьба у северных осетин» содержит полезные сведения о калыме, о формах за-

казом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. II.

¹³ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 178-220. 1872. Т. 2. С. 258-325; Он же. Этнологические исследования об осетинах // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 80-144.

¹⁴ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. В 2-х т. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания, 1995; Он же. Закон и обычай на Кавказе. В 2-х т. М., 1890; Он же. Поземельные и сословные отношения горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12. С. 137-154.

¹⁵ Шанаев Дж. Т. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 1-20.

ключения брака, которые нередко служили конфликтогенными факторами¹⁶.

На страницах периодической печати конца XIX – начала XX в. проходил острый общественный дискурс о «вредных обычаях», «отрицательных явлениях в жизни», к которым относили выплату калыма, умыкание девиц, принуждение к мужеству. В заметках общественных деятелей А. Медоева, Х. Уруймагова, Г. Цаголова, А. Гатуева, А. Гассиева освящаются общественно-политические и государственно-правовые взгляды представителей осетинской интеллигенции, большая часть которой рассматривала и призывала общественность на борьбу с этими обычаями¹⁷. Публицистические материалы К. Л. Хетагурова «Не везет нам на старшин», «Сословный вопрос в Осетии», «Народное совещание», «Неурядицы Северного Кавказа», «Горский словесный суд» содержат описание норм обычного права в области семейных и уголовных преступлений, характерных для исследуемого периода¹⁸.

¹⁶ Шанаев Дж. Т. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 1-30.

¹⁷ Кануков И. Д. К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев // ППКОО. Цхинвал, 1987. Кн. 3. С. 383-388; Ме-в А. Из сел. Христианского // ППКОО. Цхинвал, 1987. Кн. 3. С. 359-361; Уруймагов Х. Еще о калыме у осетин // Казбек. 1900. № 712; Он же. Старый, но вечный вопрос // Терек. 1915. № 5201; Он же. К съезду представителей осетинского народа // Терек. 1908. № 261. Гатуев А. Об искоренении суеверных и разорительных обычаев в Осетии // Терские ведомости. 1881. № 36; Цаголов Г. Она бежала // Казбек. 1898. № 341; Гассиев А. Нечто о положении женщины у горцев-мусульман // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн. 1. С. 219-224.

¹⁸ Хетагуров К. Л. Горский словесный суд // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 88-114; Он же. Народное совещание // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 286-287; Он же. Не везет нам на старшин // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 34-35; Он же. Неурядицы Северного Кавказа // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 131-159; Он же. Общественный приговор // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 7-16; Он же. Особа (этнографический очерк) // Полн. собр. Соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 313-374.

Дореволюционная литература богата общими работами по этнографии осетин, такими как рассказы и этнографические очерки И. Д. Канукова, В. С. Толстого, Г. С. Гордеева, Н. Г. Берзенова, в которых также рассматриваются вопросы, связанные с особенностями обычного права¹⁹. В этих работах содержится ценный материал по таким интересующим нас вопросам, как функции ныхаса как миротворческого органа, процедура разбирательства в третейском суде, семейный уклад и конфликтогенные факторы во внутрисемейной среде²⁰. Некоторые исследова-

¹⁹ Кануков И. Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985; Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997; Гордеев Г. С. Вероисповедание, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн.1. С. 14-48; Берзенов Н. Очерки Осетии // Кавказ. 1850. № 15, 47, 48, 93, 95; Он же. Из записок об Осетии // ППКОО. Цхинвали, 1981. Кн.1. С. 126-132; Он же. Из воспоминаний об Осетии // Кавказ. 1851. № 92; Борисевич К. И. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. №1-2. С. 225-265; Жданов Н. Рассказ о кавказском племени осетинах. М., 1898; Кокиев С. В. Записки о быте осетин // ППКОО. Владикавказ, 2014. Кн. 7. С. 521-547; Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 2007; Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869; Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк // Труды ЗНА. Тифлис, 1925; Бутаев Д. Б. В горах Осетии // Казбек. 1902. № 1398, № 1402; Красницкий К. Кое-что об осетинском округе и о правах туземцев его // Кавказ. 1865. № 29-33.

²⁰ Чиковани Г. Д. Осетинский ныхас // КЭС. Тбилиси, 1979. Т. V. Вып. 2. С. 29-107; Марков Е. Л. Очерки Кавказа. СПб. – М., 1904; Лиахвели Г. Древнее судопроизводство у осетин // Юридическое обозрение. 1885. № 197; Он же. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1886. № 292. М. Г. Приговор осетин // ТВ.1879. № 50; Дункель – Веллинг Н. Некоторые исконные обычаи у осетин Кударо-Мамисонского ущелья // Кавказ. 1855. № 24; Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // ППКОО. Цхинвали, 1982. Кн. 2. С. 122-137; Гаглоев Х. Д. Из истории судопроизводства у осетин // Изв. ЮОНИИ. Вып. 13. 1964. С. 257-260; В. Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 340; Гассиев А. Нечто о положении женщины у горцев-мусульман // Тифлисский вестник. 1887. № 30;

дователи предпринимали попытки определения влияния российского законодательства на традиционное судоустройство и судопроизводство²¹.

Таким образом, в отечественной дореволюционной историографии не было исследования, специально посвященного миротворческим практикам, и далеко не все из них получили отражение в рассмотренных трудах, но накоплен ценный фонд этнографических исследований, на основе которых развивалась советская этнография. Большинство рассмотренных сочинений легло в основу советских и современных исследований.

В советский период также не появилось специальных исследований по рассматриваемой проблеме, но отдельные ее аспекты получили дальнейшее развитие.

Большой вклад в развитие этнологии права внесли А. И. Першиц, Ю. И. Семенов, М. О. Косвен, Я. С. Смирнова, В. К. Гарданов, Х. М. Думанов, А. С. Омаров, Р. М. Магомедов, С. Ш. Гаджиева и др.²²

Фарфаровский С. В. Брак у осетин // Естествознание и география. М., 1910. №7. С. 65-72.

²¹ Иваненко В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. М., 1904. №4. С. 205-225; №5. С. 1-22; №6. С. 89-136. Лавров Д. Я. Заметки об Осетии и осетинах // ППКОО. Цхинвали, 1989. Кн. 4. С. 37-99.

²² Алексеев В. П. Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990; Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи / Ю. И. Семенов. М., 1974; Косвен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.-Л., 1925; Он же. Семейная община и патронимия. М., 1963; Он же. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII- начале XIX вв. // СЭ. 1960. №5. С. 12-29; Думанов Х. М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). Нальчик, 1976; Из истории права народов Дагестана. (Материалы и документы) / Сост. А. С. Омаров. Махачкала, 1968; Магомедов Р. М. Адаты дагестанских горцев как исторический памятник. М., 1960; Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1985.

Попытки обобщения материала по обычному праву осетин предпринимались Б. М. Каргиевым. В работе «Обычаи и обряды осетин дореволюционного периода», автор дает подробную характеристику таких видов преступлений, как ранение, кровная месть, умыкание, воровство, а также форм наказаний, принятых в Осетии²³. В работе З. Н. Ванеева «Избранные работы по истории осетинского народа» содержится ценнейший материал, в том числе полевой, по обычному праву в Южной Осетии²⁴. А. М. Ладыженский в работе «Адаты горцев Северного Кавказа» уделил особое внимание юридическим нормам народов Северного Кавказа. В основу предложенной им классификации адатов заложен сословный принцип, с учетом этнических особенностей²⁵. В. К. Гарданов рассматривал обычное право народов Кавказа как важный источник изучения социальных отношений²⁶.

В связи с тем, что одной из приоритетных тем советской этнографии становилось изучение семьи и семейного быта народов страны, оживился интерес и к семейным конфликтам. Видный российский ученый М. О. Косвен изучал семейную общину у народов Кавказа, подробно рассмотрел основные положения фамильно-патронимического права. Следует отметить труды Я. С. Смирновой, Б. В. Скитского, А. А. Магометова, Б. А. Калоева, З. Д. Гаглойти, Н. Ф. Такоевой и других авторов, которые исследовали внутрисемейные отношения, гендерные и имущественно-правовые нормы, отдельные виды

²³ Каргиев Б. М. Старинные обычаи и нравы осетин (из жизни жителей Куртатинского ущелья) // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1. Д. 109.

²⁴ Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1990. Т.2. 431 с.

²⁵ Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. М., 1947; Он же. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы. 1997. № 2. С. 80-89.

²⁶ Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // СЭ. 1960. № 5. С. 12-29

конфликтов, связанных с наследственными и имущественными вопросам, а также указывали на динамику обычного права в условиях новых экономических отношений²⁷.

Таким образом, советская историография существенно пополнилась исследованиями по вопросам обычного права, но рассматриваемая в монографии тема не стала предметом специального исследования.

В постсоветский и современный период видение проблемы обычного права существенно изменилось, получили развитие междисциплинарные научные направления, в частности, антропология права (юридическая этнология). Предметом междисциплинарных исследований стали правовые системы и явления: нормы, правоотношения, идеи и представления о праве, правовые институты, процедуры и способы регуляции поведения, защиты порядка, разрешения конфликтов, которые складываются в различных сообществах, у разных народов, в разные эпохи и в разных регионах мира.

Этнокультурная парадигма в исследовании права дает возможности его интегративного понимания, целостного рассмотрения этнической специфики правового бытия, особенностей правового сознания, правового мышления и поведения.

Теоретическим аспектам становления и развития антропологии права посвящены труды В. А. Тишкова, Н. И. Новиковой, А. А. Никишенкова,²⁸ давшие новый импульс развитию

²⁷ Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983; Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968; Он же. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974; Калоев Б. А. Осетины. Историко-этнографическое исследование. М., 1967.

²⁸ Тишков В. А. Этничность, право и закон // Человек и право: книга о летней школе по юридической антропологии Института этнологии и антропологии РАН; Комиссия по обычному праву и правовому плюрализму Международного Союза антропологических и этнологических наук. 1999. С. 189-195; Антропология права начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон

этого направления на материалах обычного права народов Северного Кавказа. В трудах Ю.Д. Анчабадзе, И.Л. Бабич, В.А. Дмитриева, Ю.Ю. Карпова, А.Х. Абазова, В.Х. Кажарова, в новых работах Х.М. Думанова изучены различные аспекты правовой культуры, виды преступлений и наказаний, отношение к ним традиционных обществ, взаимодействие обычного права с духовными ценностями, способы изживания конфликтных ситуаций²⁹. Эти работы опираются на зна-

и жизнь. / Отв. ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М., 2000. С. 7-14; Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии: Сборник научных статей / Отв. ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М., 2002; Никишенков А.А. Обычное право народов России. Библиографический указатель. 1890-1998. М., 1998; Он же Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века. М., 2003.

²⁹ Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М., 2012; Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М., 1999; Она же. Правовая культура осетин и судебные реформы в XIX-XX вв. // Этнографическое обозрение. М., Наука, 2001. С. 50-64; Она же. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М., 1995; Думанов Х.М. Думанова-Крымшокалова Ф.Х. Право и судебные органы адыгов // ИВ КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 111-141; Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик, 1990; Думанов Х.М. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII-XIX в. (совместно с Ю.М. Кетовым, Нальчик, 2000; Кажаров В.Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик, 2014; Дмитриев В.А. Способы преодоления насилия в традиционном обществе горских народов Северного Кавказа // Адат. Кавказский культурный круг: традиции и современность / гл. редактор и сост. Дмитриев В.А. М.-Тбилиси, 2003. С. 24-43; Карпов Ю.Ю. Народные собрания и старшины в вольных обществах Северной Осетии в XVIII-XIX вв. // Археология и этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985. С. 78-102. Абазов А.Х. О месте и роли третейских судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII-XIX вв.// Северо-Кавказский юридический вестник, 2014, №1. С.49; Он же. Образы прошлого в системе регулирования общественных отношений у кабардинцев в XIX – начале XX в.: особенности формирования и проблемы сохранения // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII среднеази-

чительный фактический материал, что делает их особо значимыми.

Появилось немало работ по обычному праву осетин, его эволюции в ходе общественных модернизаций и влияния российского законодательства. Серьезный вклад в исследование адатной системы осетин внес Ф. Х. Гутнов, поставив вопрос о «надежности опубликованных адатов, так как списки обычного права, содержат противоречивые, а нередко и просто ошибочные нормы»³⁰. В работах Е. И. Кобахидзе, З. В. Кануковой, в коллективной монографии «Осетины» (серия «Народы и культуры») исследованы процессы взаимодействия обычного права и российского законодательства, влияние буржуазных реформ на традиционную правовую культуру³¹. Интересующие

атско – кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнография, история, археология, культурология. СПб., 2013. С.312-313; Он же. Основные виды исполнения наказаний в судебной системе Кабарды в 20-60-х гг. XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 55-71.

³⁰ Гутнов Ф. Х. Источниковедческие проблемы нормативной этнографии Осетии // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 17-40; Он же. Обычное право осетин. Часть I. Адаты Тагаурского общества: Список Норденстренга, 1844 г. Владикавказ, 2012; Он же. Древние обряды Дигорского общества. 1844 г. // Известия СОИГСИ. 2013. № 9 (48). С.118-128; Он же. Адаты осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 31-56; Он же. П. К. Услар и адаты западных осетин // Известия СОИГСИ. 2014. № 12 (51). С. 97-117; Он же. Нормы обычного права осетин. Часть. II. Адаты обществ Западной Осетии. Владикавказ, 2015.

³¹ Кобахидзе Е. И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII-XIX вв.). Владикавказ, 2008; Она же. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII- начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010; Она же. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сб. док. сост., вступ. Ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ, 2012; Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992; Она же. Посемейные списки осетинских крестьян как этнографический источник //

нас сведения феномена абречества как конфликта личности и общества содержатся также в исследованиях Ю.М. Ботякова, В.О. Бобровникова, Ю.В. Хоруева³². По нашему мнению, правомерно рассматривать абречество как способ урегулирования конфликта путем изгнания виновного из общества.

В рамках юридической этнологии проведены исследования различных аспектов права учеными-юристами А.И. Ковлером, В.С. Дробышевским, А.Ф. Калининым, О.А. Пучковым и др.; в контексте традиционной нормативной культуры народов Северного Кавказа выполнены исследования С.Р. Чеджемова, А.М. Цалиева, в которых рассматриваются традиционные институты власти, а также правовые воззрения осетин³³.

Таким образом, историографический анализ показывает, что проблемам обычного права было посвящено немало исследований дореволюционного и советского периода, значительная часть которых стала основой развития дальнейших этноправовых исследований. Методологические подходы постсоветского и современного периода открыли новый этап в истории изучения обычного права. Однако, несмотря на то,

Проблемы этнографии осетин. 1992. Вып. 2. С.138-152; Она же. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 73; Она же. Семья // Осетины. М., 2012. С. 323-332; Осетины. М., 2012. См. также: История Осетии. В 2-х томах. Владикавказ, 2012.

³² Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 19-46; Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб., 2004; Хоруев Ю.В. Абреки на Кавказе. Владикавказ, 2011. Изд. 3-е доп.

³³ Ковлер А.И. Антропология права: Учебник для вузов. М., 2002; Дробышевский В.С., Калинин А.Ф. Введение в юридическую антропологию: Проблемы методологии права. Ч. 1. Чита, 2004; Пучков О.А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве (теоретические основы). Дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Цалиев А.М. Чеджемов С.Р. Институты власти и правовые воззрения в Северной Осетии (конец XVIII – начало XX в.). Владикавказ, 2004.

что многие вопросы права рассматривались в связи с другими аспектами жизнедеятельности традиционного общества, пока нет специального исследования, посвященного конфликтогенным факторам и миротворческим практикам осетин.

Источниковой базой настоящего исследования стали полевые этнографические материалы, архивные источники, опубликованные документы, материалы периодической печати.

Полевой материал. Сбор полевого материала проводился в Цхинвальском, и Джавском районах Южной Осетии, в Ирафском, Дигорском, Кировском, Алагирском и Ардонском районах Северной Осетии в 2011-2015 г. Полученные сведения о третействе, обычае кровной мести, преступлениях (ранения, кражи, умыкание девиц), конфликтах и способах их устранения, показывают многообразие локальных (ущельных) вариантов обычного права и позволяют существенно расширить сложившиеся представления о конфликтах и формах миротворчества. В результате фольклорно-этнографической экспедиции в Турцию (2013 и 2015 г.) был проведен сбор полевого материала среди анатолийских осетин в Стамбуле, Анкаре и Иозгате. Собранный материал, большей частью характеризующий семейные конфликты, связанные с наследственным и имущественным правом, умыканием девушек, расторжением брака, содержит сведения как о распространенных в Осетии, так и о не сохранившихся на родине практиках разрешения конфликтов, что существенно расширяет источниковую базу исследования.

Архивные материалы Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А), а также научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (НА СОИГСИ) составили важную часть источниковой базы.

В работе использованы материалы следующих фондов ЦГА РСО-Алания: Ф.11 – Терское областное правление. Канцелярия общего присутствия; Ф.12 – Канцелярия начальника Терской области. 1отделение. 1 и 2 столы. (1858-1870); Ф.113 – Владикавказский окружной суд (1872-1919.); Ф.117 – Осетино-ин-

гушский смешанный суд (1908-1910); Ф.119 – Терский областной прокурор (1863-1919); Ф.120 – Прокурор владикавказского окружного суда (1884-1919); Ф.196 – Владикавказский городской нотариальный архив (1843-1919); Ф.224 – Г. Баев – городской голова г. Владикавказа за 1865-1920 г.; Ф.290 – Управление начальника Владикавказского военного округа.

Официальная делопроизводственная документация представлена протоколами общественных собраний, распоряжениями, рапортами сельских старшин, материалами по выборам должностных лиц сельского управления, заявлениями, прошениями, рапортами окружных чиновников (Ф.11). Они характеризуют деятельность российской администрации и суда в сельских обществах пореформенного времени и позволяют исследовать их взаимодействия с традиционным управлением и правом.

Ценным источником для исследования миротворческой деятельности служат «Общественные приговоры» сельских сходо́в (Ф.12) о различных вопросах общественной жизни – изменение размера калыма, о новых порядках его приема, о мерах по борьбе с воровством, грабежами или поджогами на территории обществ, о распределении земельных участков между жителями обществ и пр.

Материалы судебно-следственных дел (Ф.113), в частности дела об убийствах и умыканиях девушек, дают возможность рассмотрения конкретных конфликтных ситуаций, их причин, процесса судебного разбирательства и судебных решений. Протоколы судебных материалов, а также жалобы отдельных лиц (Ф.117) проясняют вопросы судебной практики, обычно-правового регулирования общественных отношений, трансформации обычно-правовых норм под влиянием российского законодательства.

Большую ценность представляют нормативные документы и материалы законодательного характера – нормативные акты, постановления и указы, такие как правила деятельности сельских судов, сельских должностных лиц и т.д., характеризующие эволюцию обычного права, взаимодействие его отдель-

ных норм с новым законодательством. Большая часть данных источников впервые вводится в научный оборот.

Архивный материал представлен также рукописями этнографических очерков из фондов «Этнография» (Ф.4), «Фольклор», Г.А. Кокиева (Ф. 33), История Осетии до 1917 г. (Ф.1) Научного архива Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Ценные сведения извлечены из материалов этнографических экспедиций СОИГСИ разных лет.

В работе используются опубликованные источники, в частности сборники материалов и документов. Важным источником является двухтомное собрание адатов Ф.И. Леонтовича, материалы которого представляют собой богатейший и далеко не в полной мере использованный источник для изучения обычно-правовых отношений, в частности, по выявлению композиций за различные виды преступлений³⁴. В «Материалах по истории Осетии» для нашего исследования представляет интерес третий том, в котором содержатся прошения жителей Осетии, характеризующие конфликтные ситуации (1868-1904 г.)³⁵.

Газеты «Терские ведомости», «Новое обозрение», «Тифлисский листок», «Казбек» содержат богатый материал о различных видах конфликтов, а также о реакции населения на различные нововведения. На страницах периодической печати интеллигенция остро поднимала актуальные вопросы и предлагала способы урегулирования конфликтов. В рубрике о текущих событиях отложен богатейший материал о конкретных случаях умыкания девиц и формах улаживания конфликтов, о случаях кровной мести между определенными фамилиями и их примирении, о случаях воровства скотины и т.д. В работе использован сборник «Периодическая печать Кавказа об Осетии

³⁴ Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1882. Вып. I. 1883. Вып. II.

³⁵ Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868-1904 г. / Сост. Д. А. Дзагуров. Дзауджикау, 1950. Т. 3.

и осетинах» в 7 томах – уникальное собрание материалов периодической печати по истории, этнографии, культуре Осетии, которое позволило выявить наряду с традиционными формами примирения конфликтующих сторон, инновации, порожденные новым временем и зафиксированные в прессе в качестве необычных явлений³⁶.

В работе использованы также материалы таких изданий как «Сборник сведений о Кавказе», «Сборник сведений о кавказских горцах», «Терский календарь».

³⁶ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. В 7 кн. / Сост. Л. А. Чибириков. Цхинвали – Владикавказ, 1981-2014.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И МЕДИАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С РОССИЙСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ

1.1. Миротворческая деятельность осетинской сельской общины

Осетинская община в начале XIX в. – сложное социальное образование, состоявшее из кровнородственных и территориально-соседских объединений, которые различались по количеству членов и по отношению к собственности. Исследователи выделили около 6 видов общины в осетинской среде. Согласно категориям, это:

1 – общины, населенные только одним родственным объединением; его члены вели общее хозяйство, а земля находилась в общем владении;

2 – общины, населенные только одним родственным объединением, однако земля разделялась подворно;

3 – большие родственные объединения, которые проживали в нескольких соседних обществах и в редких случаях с общим хозяйством;

4 – общины, населенные несколькими отдельными родственными объединениями, сильными, многочисленными и менее сильными;

5 – общины, населенные множеством родственных объединений, а также коленами распавшихся патронимий и живущих в отдельных дворах;

6 – общины, населенные отдельными семействами.

Более общую классификацию делает М.М. Ковалевский, разделяя осетинские села на три группы: первая – занятые семьями, родственными друг другу, носящими одинаковое фамильное название, владеющие землей на общинном начале и ведущими совместное хозяйство; вторая группа – общества, в которых земля разделялась между родственными семьями подворно; и третья группа – поселения, состоявшие из не-

скольких фамилий, живущих большими или малыми семьями и, соответственно, сохранивших или утративших имущественную неразделенность³⁷.

Общинное устройство объяснялось некоторыми исследователями прежде всего тем, что состояло из родственных фамилий. Поэтому старший фамилии (*маггаджи хистæр*) одновременно являлся и сельским, или как указывает В.Б. Пфаф, аульным старшиной. В случаях проживания в одном обществе нескольких крупных фамильных объединений, такие общества имели по несколько старшин. Власть старшин являлась не выборной, а переходящей по праву наследства и старшинства рождения. В.Б. Пфаф также указывает на существование смешанных обществ, характерной особенностью которых была выборная система старшин: «В былое время старшина в кругу своих сородичей был всегда вместе с тем и судьей и предводителем на войне»³⁸.

Особенностью всех приведенных обществ было разное общественное устройство. Общества с одним родственным объединением управлялись своим родовым старшиной. В тех случаях, когда в общине проживало несколько сильных фамилий, имело место руководство нескольких старшин и деятельность для каждой фамилии своего *ныхаса*. Малые фамилии попадали под покровительство одной из сильных фамилий и таким образом, представлялись ими на *ныхасе*³⁹.

Одной из причин появления сельских общин, пришедших на смену однофамильным общинам, З.Д. Гаглойти считает обычное земельное право осетин, по которому разрешалась купля-продажа земельных участков⁴⁰.

³⁷ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Т.1. С. 70.

³⁸ Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1871. Т.1. С. 194.

³⁹ Там же. Т. 1. С. 202.

⁴⁰ Гаглойти З.Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси, 1974. С. 96.

Частой причиной переселения патронимии была кровная месть, вынуждавшая оставлять свое родное место и искать убежище на более отдаленных территориях. В таких случаях она получала право на поселение у коренных жителей. Последнее отводили участок и разрешали заимку и очистку новой земли в пределах прилегающей к селению территории. Нередко пришельцы отдавались под покровительство первых поселенцев⁴¹. З. Д. Гаглойти отмечает, что специальный термин *æрмыдзыд* отражает это явление. Представитель слабой фамилии являлся к главе сильной фамилии и произносил фразу: «*уæ армы цæуын*», т.е. вхожу под вашу руку (перевод З. Д. Гаглойти – Т. Д.). Это покровительство подразумевало ряд повинностей: слабые должны были работать на сильного, поставлять воинов на случай межродовых и межплеменных столкновений, платить налог и т.д.⁴²

Складывается следующая иерархия внутробщественного главенства – старший по порядку рождения управлял всеми делами всего двора, старшины дворов в делах всей общины подчинялись сельскому старшине, деятельность которого осуществлялась через посредство старшин дворов.

Как и всякий другой социальный организм, сельская община предполагала наличие системы руководящих и контролирующих органов жизнедеятельности, что делало ее самоуправляемой хозяйственно-территориальной единицей социума. Дореформенная сельская община у осетин являлась также и самостоятельным юридическим лицом, «члены которого сообщта владеют всей недвижимой собственностью, переделаемой между дворами в определенные сроки, или же только той частью ее, которая служит пастбищем для скота»⁴³.

⁴¹ Гаглойти З. Д. Указ. соч. С. 97.

⁴² Там же. С. 98.

⁴³ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...» Осетия конца XVIII-начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ, 2010. С. 85; См. также: Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12. С. 137-154.

Е. И. Кобахидзе указывает, что ко времени присоединения Осетии к России сформировались самобытные формы политической самоорганизации с выраженной спецификой доминировавших властных отношений. «В патриархальных властных институтах реализовывались основные аспекты власти – исполнительный, законодательный (нормотворческий) и судебный, хотя характер и объем закрепленных за ними функций не были строго регламентированы и варьировали соответственно сложности социальных единиц»⁴⁴.

Экономическими основами соседской организации являлись общинное землепользование и общинная взаимопомощь, а важнейшей функцией соседской общины являлась регламентация сельскохозяйственных работ на обрабатываемых землях⁴⁵.

Сельская община владела совместной собственностью. М. М. Ковалевский указывает, что «господствующим видом общинного владения все еще продолжает оставаться совместная собственность всех дворов одного и того же округа: тагаурцы, куртатинцы, алагирцы и наро-мамисонцы владеют общинными угодьями не по аулам; каждое из этих главных подразделений осетинского народа имеет свою территорию, в которой часть земли состоит в собственности отдельных дворов и семей, а остальная продолжает оставаться в общем обладании всех жителей, сколько бы селений ни занимали последние»⁴⁶. Е. И. Кобахидзе также указывает, что «характеризуясь разной степенью экономической самостоятельности в пределах сельской общины, различные ее структурные единицы испытывали ограничивающие их права собственности влияние принципа коллективного землепользования, поскольку сама община выступала верховным собственником пастбищных земель, являвшихся тем фундаментом, на котором базировалась коллективная (общинная) собственность»⁴⁷.

⁴⁴ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...»... С. 85.

⁴⁵ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). М., 1886. Т.1. С. 108, 109.

⁴⁶ Там же. С. 141-142.

⁴⁷ Кобахидзе Е. И. Указ.соч. С.51.

Пахотные участки являлись частной собственностью, они передавались по наследству. Что касается выгонов и летних пастбищ, то они составляли общественную собственность. Эти земли использовались коллективно в соответствии с размером поголовья скота. Что касается лесов и обширных участков пахотной земли, то они делились общинниками методом жеребьевки⁴⁸. В равнинной Осетии владение угодьями ограничивалось территориальными пределами самой общины.

А. Х. Магометов обращает внимание, что осетинская сельская община, прежде всего, являлась автономным объединением на базе самоорганизации с четко выработанными традициями, обеспечивающими соблюдение норм. Правовой обычай являлся священной традицией, поддерживаемой культовой практикой. «Самоуправляющийся коллектив – это объединение известным образом связанных между собой людей, которые сами ведут свои дела, разрешают внутренние противоречия, улаживают межгрупповые конфликты»⁴⁹.

Стабильность внутри каждого общества являлась необходимым элементом, от которого зависела жизнеспособность целой общины, а любое преступление нарушало привычный ритм жизни общины и угрожало устоявшимся социальным отношениям. Наряду с нормами адата основным регулятором жизни в общине был и целый комплекс этикетных норм, которому каждый член общины должен был строго следовать. Адаты складывались на основе неписаного права, определявшего все стороны жизнедеятельности социума: сословные связи, полную систему композиционных выплат, семейно-родственные и брачные отношения. В устной форме адаты веками оставались главными нормами права и подтверждались повседневной практикой.

⁴⁸ Городецкий Б. М. Осетины нагорной полосы Терской области. (Этнографическо-статистические материалы). Екатеринодар, 1908. С. 8.

⁴⁹ Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С. 156.

В каждом обществе складывались обычно – правовые нормы, которые регламентировали общественный порядок внутри общества, а также сохраняли внутреннюю устойчивость. В.Б. Пфаф указывает: «Собственно в чисто патриархальном быту обычай вполне заменяет собою право и закон, потому что он вникает так глубоко во все подробности жизни, что при соблюдении всех его правил преступления и правонарушения делаются совершенно невозможными»⁵⁰.

Как самодостаточный социальный организм, осетинская община имела собственную систему руководящих и контролирующих органов своей жизнедеятельности, что сделало ее автономным территориально-хозяйственным субъектом общества. Главенствующую роль в регулировании общественных отношений играли *ныхас* – народное собрание и *тæрхон* – посреднический суд. Функции *ныхаса* распространялись на административно-хозяйственную и управленческую деятельности⁵¹.

Все важные вопросы, касающиеся общественной жизнедеятельности социума, обсуждались на народном собрании. На *ныхас* выносился широкий круг вопросов, в который входили происшествия на семейно-бытовой почве. Однако подобного рода инцидентов община в лице народного собрания касалась достаточно осторожно. «В патриархальном ауле все делается гласно и эта неограниченная гласность имеет весьма благотворное влияние на всю нравственную обстановку жизни. Она предупреждает интриги, сплетни, наговоры, потому что малейшее подозрение в подобных поступках против кого бы то ни было тотчас заявляется громогласно на *ныхасе* и разбирается столь же строго, как и всякое судебное дело»⁵². Первостепенной задачей *ныхаса* было рассмотрение конфликтов, возникавших между соседними общинами, и принятие решений, позволяющих найти выход из сложившейся ситуации. Предметом обсуждения также являлись примирение кровников, внутри-

⁵⁰ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т.1. С. 187.

⁵¹ Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...»... С. 223.

⁵² Магомедов А.Х. Указ. соч. С. 222; См. также: Чиковани Г.Д. Осетинский *ныхас* // КЭС. Тбилиси, 1979. Т.V. Вып. 2. С. 43.

общинные конфликты, а также конфликты между отдельными представителями общины. Все постановления *ныхас* выносил согласно обычно-правовой практике. Исполнение решений *ныхаса* было обязательно для каждого. Необходимо отметить тот факт, что в состав *ныхаса* входили лица старшего возраста, которые были известны мудростью, знанием обычаев, красноречием и славились честностью и благородством.

Ныхас имел весьма важное значение не только в административном и юридическом отношениях, но и в отношении к общественной нравственности. Каждый житель ежедневно, вечером, являясь на собрание, давал обществу более или менее подробный отчет о своей деятельности в продолжение дня и вместе с тем совещался с известными своим умом стариками, чтобы получить у них указания для дальнейших действий.

Регулятивная функция *ныхаса* заключалась в воздействии на поведение членов общества обычно-правовыми средствами для улаживания общественных отношений общества. *Ныхас* служил и местом судилища, где выносились решения, обязательные для всех жителей, как, например, вынесение кому-нибудь из членов общества преступление – остракизм (*хъжуйдырд*), изгнание на срок или бессрочно из общества, либо выносилось такое постановление, по которому никто не имел права принимать его к себе. Если кто-либо из общества в нарушение такого постановления, принимал преступника в дом, то постановление в одинаковой мере начинало распространяться и на этого нарушившего *хъжуйдырд*⁵³.

По мнению В.Б. Пфафа, деятельность *ныхаса* состояла в некоторых задачах: старшины отчитывались о своей работе в продолжении дня и совещались о дальнейшем направлении общественных дел. Общество вело над ними строгий контроль; решались по предложению старшин административные вопросы, которые старшины не брали на свою личную ответственность; распределялась подворно земля, соразмерно потребностям каждого двора, а также раскладывались подворно земские повинности, расходы на общественные постройки и

⁵³ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58а. Л. 58.

другие сборы; подвергались предварительному и окончательному обсуждению судебные, а также личные дела и т.д.⁵⁴

Власть старшин ограничивалась весьма важным учреждением – *ныхас*. На *ныхасе* разбирались и решались по предложению старшин административные аспекты, которые старшины не брали под свою личную ответственность. «Женщины в старину не допускались вовсе на *ныхас* и только в настоящее время изредка является какая-нибудь старушка с просьбою, свидетельница или подсудимая»⁵⁵.

На базе полевого материала, собранного на территории Южной Осетии З. Д. Гаглойти указывает, что каждая фамилия имела свое место сбора, а некоторые патронимии, проживающей в селе, имели свой *ныхас*. Каждый квартал села посылал на общественный *ныхас* своего выборного представителя, однако не каждый выборный имел право голоса, а только тот, кто заслужил большое уважение среди жителей, благодаря своей честности, справедливости, умению ладить с окружающими. Право голоса давали старейшины села по взаимосогласию⁵⁶.

Однако следует признать, что роль *ныхаса*, являвшегося самостоятельным органом, не облеченным публичной властью, в целом ряде конкретных вопросов, например, в урегулировании частно-правовых отношений и разрешении конфликтов между членами общины, была ограниченной. В деле умиротворения общины *ныхас* как выразитель общественного мнения оказывал на своих членов только моральное воздействие, но ни один общинник не мог игнорировать это мнение⁵⁷.

Главенствующее положение в правовых нормах занимали вопросы упорядочения мероприятий, связанных с хозяйственно-экономической деятельностью обществ. Основное внимание в этом отношении уделялось регламентации хозяйственной деятельности всего общества. Если предстояло решить вопрос, когда начать пахоту, то старейшины села, обмениваясь

⁵⁴ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 195.

⁵⁵ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 201-202.

⁵⁶ Гаглойти З. Д. Указ. соч. С. 103.

⁵⁷ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 223.

мыслями на ежедневных встречах на *ныхасе*, в соответствии с земледельческим календарем и народными приметами, определяли наиболее подходящее для этого время. Все хозяйственные работы вне двора: подготовка почвы к пахоте, начало пахоты, сев, уборка хлебов, начало сенокоса, уборка и порядок хранения сена, выпас скота, перегон его на летние или зимние пастбища и другие проводились согласованно, т.е. регулировались общиной, хотя и оставались частным делом каждого. Члены сельской общины на *ныхасе* определяли сроки и порядок их выполнения, соблюдение традиционных обрядов (праздников), сопровождавших начало и окончание работ. В результате намечался конкретный срок, после чего крестьяне выходили одновременно в поле⁵⁸.

Установка на обязательное одновременное начало весенних полевых работ объяснялась необходимостью препятствовать возникновению конфликтов из-за межевых границ.

Аналогичным образом регламентировалось сенокосение. Никто не приступал к сенокосению самостоятельно, а выходил на покос в одно время и непременно вместе со всеми жителями округа или целого ущелья. Горские осетины не решались косить траву раньше июля, прежде совершения праздника *Атынага*. По верованиям осетин, раннее начало косьбы влечет за собой гнев святых, насылающих непогоду, жгучую жару и прочие невзгоды, весьма вредные для сенокоса и жатвы. Кто решает выйти на покос раньше праздника *Атынага*, тот платил в пользу общества штраф в размере двух быков⁵⁹. Этот штраф приносился в жертву в праздник.

Общественный характер носило и пользование сеном, которое каждый общинник мог брать из любого стога. Однако данный хозяйственный аспект также сопровождался известным правилом, целью которого являлось устранение возможности со стороны наиболее зажиточных лиц, которые владели большими стадами, злоупотребить им. «Когда голос кукушки

⁵⁸ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 225.

⁵⁹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1888. Т.1. С. 316.

начнет оглашать леса, оповещая о наступлении весны, каждый осетин, нуждающийся в сене, волен брать его из любого стога; но если он, не дожидаясь крика кукушки, стянет у соседа клок сена, то платит за него втридорога»⁶⁰. Это было необходимо, так как весной, из-за обработки земель, скотина оставалась без корма и пока не выростала трава на пастбищах, единственным выходом был прокорм сеном.

Весьма интересен обычай, согласно которому общинник еще в первой половине XIX в. не имел права выходить на работу в поле или лес в субботу, воскресенье и понедельник. Они считались нерабочими днями. В случае крайней необходимости это право он возмещал общине устройством угощения для сельских старейшин или платил штраф. Штраф этот назывался по-осетински – *ивар*⁶¹. Размер штрафа был один баран.

На *ныхасах* разбирались прежде всего вопросы хозяйственной жизни всей общины: он регулировал пользование лесом, пастбищами и выгонами, решал вопросы охраны нив, пастьбы скота и содержания общинного пастуха, назначал общие сроки начала и окончания сельскохозяйственных работ, устанавливал системы севооборотов, выносил решения об устройстве подъездных путей и строительстве мостов, обеспечивал уход за ними. *Ныхас* выполнял роль «законодателя», своеобразного института, полностью контролирующего не только хозяйственную деятельность, но и внутриобщинные отношения. Правовая деятельность *ныхаса* включала также разбирательство фамильных конфликтов, дел об убийствах, ранениях, оскорблениях, похищениях девиц, имущественными спорами и случаями воровства. Вопрос принятия нового поселенца на постоянное место жительства решался народным собранием, на *ныхасе*⁶².

Полномочия *ныхаса* распространялись на хозяйственные, правовые вопросы, а также на контакты с соседями. *Ныхас* рассматривал также судебные дела, но лишь когда они непосред-

⁶⁰ Кавказ. 1850. № 93.

⁶¹ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 210-211.

⁶² Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 224.

ственно затрагивали экономические интересы всего коллектива как единого хозяйственного организма. Сельские *ныхасы* управлялись старшими семейных общин⁶³.

Наряду с сельскими *ныхасами* существовали и так называемые большие («*стыр*») *ныхасы*, функционировавшие в масштабах всего ущелья⁶⁴. Такие *ныхасы* были, например, в Алагирском ущелье: *ныхас* в с. Дагом, площадка Зилахар, в Дигорском ущелье – Мадзаска и Мацута. Такие общие *ныхасы* имелись в Куртатинском и Тагаурском обществах. На «*стыр*» *ныхасах* осетины собирались для вынесения решений по особо важным делам в чрезвычайных ситуациях. Вопросы, рассматривавшиеся на *ныхасах*, чаще всего затрагивали проблемы всего ущелья. В Дагоме решались все важные судебные дела трех осетинских ущелий – Алагирского, Куртатинского и Дигорского. Если дело не могло решиться в своем в ущелье, с ним приезжали в Дагом⁶⁵.

По обычному праву *ныхас* не имел над отдельным человеком власти; вынесенные приговоры, не исключая и смертной казни, исполнялись не через общественных должностных лиц, а через отца судимого.

Сельская община осуществляла коллективную оборону села, защиту интересов его жителей. Общинники несли за это одинаковую ответственность. Если из сельского стада грабителями угонялся скот или кто-либо из сельчан подвергался нападению в поле, то по тревоге все сельчане поднимались на его защиту. Сельчане участвовали также в преследовании похитителей девушки из данного села независимо от родства. Сельчане также были ответственны за своих сородичей.

В осетинских обществах достаточное распространение получила взаимопомощь в виде взаимных одолжений. Подобная взаимопомощь приняла форму обычной практики общины, стала для населения совершенно привычным явлением. Мало кто решался отказать в просьбе соседа о помощи, поскольку

⁶³ Кобахидзе Е. И. Общественный строй // Осетины. М., 2012. С. 286.

⁶⁴ Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб, 2003. С. 86.

⁶⁵ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 226.

это могло отрицательно повлиять на репутацию отказавшего и вызвать общественное порицание. Поэтому общинник к своему соседу приходил, не допуская мысли, что ему могут отказать в просьбе. Этим правом мог в любой момент воспользоваться и тот, кто отдавал. Тот, кто пренебрегал этим обычаем, жил среди своих односельчан на положении отверженного⁶⁶.

При рассмотрении конфликтов между представителями разных обществ особое внимание сосредотачивалось на обстоятельствах совершения преступления. По свидетельствам источников, межобщинные конфликтные ситуации, например, убийства, ранения и т.д. происходили в связи с необходимостью защиты чести и достоинства своей общины. Конфликты по земельным спорам и пограничные разногласия также нередко заканчивались межобщинными убийствами и ранениями. Для решения важных вопросов, затрагивающих интересы фамилии, например, таких как конфликты с другими общинами, вопросы кровомщения, примирения двух поссорившихся семей и фамилий, представители фамилии собирались на фамильный совет. В качестве своего представителя фамилия делегировала авторитетного старшего мужчину, который, как правило, управлял и фамильным собранием. Его приглашали на все торжества, устраиваемые семьями всей родственной группы. Он же выполнял жреческие обязанности в кругу своей фамилии⁶⁷. Главой семейной общины был старший по возрасту мужчина (*хистæр*), который являлся полноправным распорядителем всего семейного имущества и под чьим непосредственным руководством находились все аспекты внутрисемейной общины.

Наличие сословно-статусной стратификации свидетельствовало о достаточно высоком уровне социальной организации осетинских обществ, каждое из которых отличали свои собственные ему специфические черты. Более того, сложившаяся система социальной организации каждого из осетинских обществ была настолько сложна, что отношения типа «господство-подчинение» складывались не только между сословиями

⁶⁶ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 215.

⁶⁷ Там же. С. 139.

феодализирующихся собственников и экономически зависимых от них категорий населения, но и между представителями низших по социальному положению сословий, внутри которых существовала своя межгрупповая иерархия. Вся эта мозаика отношений – межсословных, межстатусных, межгрупповых – регулировалась обычно-правовыми нормами соответственно гражданскому статусу субъекта права, который не всегда прямо соотносился с социальным положением индивида⁶⁸.

1.2. Традиционное третейство

Урегулирование конфликтов с участием третьей стороны – медиаторство, специфический вид традиционной правовой деятельности, которая называется у осетин *тæрхон*. Результативность медиаторства зависит от личного авторитета посредника, объективных особенностей конфликта и конфликтующих сторон, а также от избираемых тактик и техник воздействия представителей конфликтующих сторон⁶⁹.

Эффективным способом для осуществления успешного выхода из конфликтной ситуации является медиаторское участие. Это специальный вид деятельности, заключающийся в оптимизации процесса поиска конфликтующими сторонами решения проблемы с участием третьей стороны, которая позволила бы прекратить конфликт.

Третейское разбирательство было особенно актуально в случаях конфликтов, возникающих за пределами родственных объединений. Прения родственников между собой разбирались фамильным старшиной; судебные полномочия в осетинской семье осуществлялись главой семейной общины (*хистæр*). Как указывает А. Х. Хадикова, «хистæр являлся полноправным распорядителем всего семейного имущества, и под его непосредственным руководством находились все аспекты внутрисемейной жизни»⁷⁰.

⁶⁸ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...» ... С. 58.

⁶⁹ Основы конфликтологии. М., 1997. С. 142.

⁷⁰ Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003. С. 95.

По мнению М. М. Ковалевского, институт посредничества выдвигался на передний план в тот момент, когда конфликтующие стороны отступали от борьбы подобно тому, как в международных отношениях к услугам посредников прибегали только тогда, когда враждующие народы отказывались от дальнейшего решения спора силой⁷¹.

Вопросы функционирования третейских судов рассматривались в трудах Б. Гакстгаузена, Г. Лиаквели, Н. С. Мансурова, Е. И. Кобахидзе.

В работе «Обычный суд у осетин» Н. С. Мансуров⁷² тщательно исследовал особенности медиаторства в Осетии, рассмотрел процедуру избрания, ход разбирательства, порядок вынесения решений третейских судов и т.д.

Довольно подробный анализ третейского судопроизводства встречается в работе В. Б. Пфафа «Народное право осетин»⁷³. В разделах «Судоустройство» и «Судопроизводство» автор указывает на тот факт, что «судья у осетин пред сторонами и подсудимым играет роль не начальства, но миротворца». Автор также проводит параллели между осетинским, древнегерманским и славянским правом.

Е. И. Кобахидзе полагает, что посреднический суд регулировал частные взаимоотношения граждан и осуществлял нормотворческую деятельность вместе с народным собранием⁷⁴.

Конструктивное регулирование конфликта зависело от власти, авторитета и роли медиатора (*тæрхоны лæг*). Третья сторона обеспечивала пресечение конфликта, разведя противоборствующие стороны, блокируя борьбу, применяя санкции к сторонам, а также определяя правого и неправого. «Медиаторство предполагает наличие у медиатора нормативного статуса или возможности воздействия на оппонентов. Неформальное, неофициальное медиаторство заключается в отсутствии нор-

⁷¹ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... С. 218.

⁷² Мансуров Н. С. Обычный суд у осетин // ППКОО. Цхинвали, 1982. Кн. 2. С. 122-137.

⁷³ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 209-220.

⁷⁴ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия ...»... С. 123.

мативного статуса медиатора, но участники конфликта признают неформальный авторитет таких лиц в решении подобных проблем»⁷⁵.

Судебное дело инициировалось потерпевшей стороной. По таким преступлениям или правонарушениям, в которых истцом являлось не одно лицо, а целое общество, например, при поджогах построек или лесов, разрушении мостов, порче дорог и т.д., иск предъявлялся старшиной общества⁷⁶.

На основе полевого материала, собранного на территории Южной Осетии З.Н. Ванеев приводит процесс избрания суда: «Каждое селение имело право выбрать суд посредников, но практиковался и выбор посреднического суда всего ущелья старейшинами сел, входивших в данное ущелье. Для избрания, старейшины из каждого села собирались в центральном селении ущелья в воскресный день и предлагали желаемых кандидатов. Голосование происходило следующим образом. Все становились в ряд, голосующие «за» выходили в одну сторону, а «против» в другую. Посредников выбирали на три года. Основное правило, которое требовалось от посредников, – это судить по адату»⁷⁷. Функции посреднического судьи заключались в миротворческой деятельности⁷⁸.

Срок деятельности третейского суда в конкретном составе зависел от длительности расследования дела. Он прекращал свою работу с окончанием разбираемого инцидента. Е.И. Кобахидзе отмечает: «Деятельность посреднического суда у осетин отличал выраженный демократизм, основанный на выборности посредников самими тяжущимися сторонами»⁷⁹.

Судьями (*тæрхонæ лæгтæ*) могли быть избраны члены общины пожилого возраста, умудренные жизненным опытом,

⁷⁵ Анцупов А.Я. Шипилов А.И. Конфликтология. 3-е изд. СПб., 2008. С. 415.

⁷⁶ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 213.

⁷⁷ Ванеев З.Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1990. Т. 2. С. 105.

⁷⁸ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 212.

⁷⁹ Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия ...»... С. 183.

авторитетные, досконально изучившие тонкости обычного права. Г. Лиахвели также указывал, что судьей мог стать «... только имеющий от роду не менее 60 лет, заявивший себя в каких-нибудь делах, отличившийся особенным мужеством на войне, владеющий особенной опытностью, расположением народа, знанием народных обычаев, адатов и т.д.»⁸⁰. В архивных материалах сохранилось имя старика из с. Джимара Инарико Варзиева, которого приглашали в разные ущелья в качестве посредника. За свою долгую жизнь Инарико Варзиев примирил 66 кровников⁸¹.

Каждая из противоборствующих сторон избирала своих кандидатов в члены суда. Если одна сторона не соглашалась с кандидатами другой, то заявляла о своем несогласии противоположной стороне. Количество судей могло быть 3 либо 5. Из них виновная сторона выбирала одного, двух избирала потерпевшая сторона, либо 2 к 3. Во время разбирательства с третейскими судьями было еще несколько человек, называемые *раст лагта* («справедливые» мужчины)⁸². Они присутствовали во время разбирательства, не имея права голоса. Однако в случае разногласий между медиаторами могли спросить их мнение. Процедура избрания могла длиться достаточно долго, пока стороны не приходили к единому мнению по вопросу состава суда. А. Яновский писал: «Надобно заметить, что при избрании медиаторов за предстоящие заботы дается им с каждой стороны по барану»⁸³.

В делах, происходящих от несогласия между сторонами, где нельзя определить, кто обиженный, а кто обидчик, суд произ-

⁸⁰ Лиахвели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1886. № 292.

⁸¹ Кокиев Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа / НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 21.

⁸² Баракова Е. Этнографические записи // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64. Л. 21.

⁸³ Яновский А. Осетия // Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. II. С. 193.

водился в равном количестве судей от обеих сторон⁸⁴. Как уже указывалось, главной целью деятельности посреднического суда было регулирование конфликтов на уровне социума. Касаясь характера осетинского судопроизводства, В.Б. Пфаф описывал деятельность народных судей следующим образом: «Осетинские судьи вникают во все подробности дела. И, выяснив все факты, стараются определить величину нанесенного истцом или обиженным убытка и ищут способа для легчайшего восстановления нарушенных юридических отношений»⁸⁵.

Решения суда основывались на обычном праве, и в тех случаях, когда предшествующая общественная практика не давала аналогий, возникал прецедент, которому стремились придать циклический характер, рассматривая его в виде частного случая традиционной нормы⁸⁶. Решение стариков приводилось в исполнение через сельского старшину – в случае неповиновения – при общественном содействии⁸⁷.

Процедуру избрания суда предварял сложный процесс подготовки: каждая сторона выбирала посредников (*минæвар лæггтæ*) из числа посторонних людей, количество которых могло быть различным, как правило, от одного до пяти. Это зависело от степени важности рассматриваемого дела. Именно они надеялись полномочиями ведения переговоров между сторонами⁸⁸.

Регламент третейских судей предполагал свой вариант порядка судопроизводства. Прежде всего, суд торжественным обещанием обязывал обе стороны к повиновению приговору. Для этого стороны представляли по 3 поручителя каждая. Присутствовала и некая символика: судья вбивал в землю шест

⁸⁴ Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса. 1883. Вып. II. С. 23.

⁸⁵ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 218.

⁸⁶ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия ...»... С. 122.

⁸⁷ Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ, 1997. С. 44.

⁸⁸ Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX в.). Орджоникидзе, 1974. С. 248.

в знак того, что стороны должны строго держаться договора, а затем произносил проклятие тому, кто уклонится⁸⁹. До оглашения приговора судьи требовали от обеих сторон сделать зарубки на липовой палке, что служило символическим знаком покорности⁹⁰.

Ответчик или подсудимый приводился на судилище одним из старшин. Истец предъявлял устно свой иск или жалобу. После этого отвечал ответчик; истец возражал. Затем начинался свободный разговор между сторонами, в который вмешивались их родичи. При слушании дела акцент делался больше на вещественные доказательства, например, труп убитого, рану, оружие обрызганное кровью и т.д. «Собственное признание подсудимого не считается безусловным доказательством его вины. Когда дело уже достаточно разъяснилось тогда судьи стараются сперва склонить стороны к миру, и то не только в гражданских делах, но и в самых тяжелых уголовных преступлениях»⁹¹.

В каждом из осетинских обществ имелись свои третейские ресурсы. Они не подчинялись и не связывались с соседними обществами. Стоит особо подчеркнуть и тот факт, что для проведения судебного разбирательства выбирали специальные места, как правило, недалеко от святилищ. Так, осетинский Дагомский суд выбрал в качестве места заседания площадку около святилища *Мадизæн*. Здесь рассматривались тяжбы жителей близлежащих сел. Однако в случаях, если участники конфликта не были удовлетворены содержанием приговора, вынесенного медиаторами в их ущелье, то они обращались в Дагом с требованием повторного рассмотрения своих дел. Жители с. Бада, Нузала, Садона, Цея в качестве места расположения суда выбрали окрестности святилища Нузал. Все обитатели Наро-Мамисонской котловины проводили свои судебные разбирательства в Узаге⁹².

⁸⁹ Гакстаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни // НА СОИГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 20.

⁹⁰ Там же. Л. 23.

⁹¹ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 213.

⁹² Канукова З. В. Гутиева Э. Ш. Городское пространство Северного

Мадизæн считался священным и главным судилищным местом во всем Алагирском ущелье. Алагирский судилищный *ныхас* (*Уаладжыры тæрхондоны ныхас*), в котором закреплялись также значимые правовые акты, такие, как примирение кровников, недельные заседания народных судей, которые решали самые спорные дела⁹³. Постановления, вынесенные на *Мадизæн*, считались безапелляционными и подлежали безусловному исполнению, причем постановления выполнялись не под давлением судебного исполнителя или какой-нибудь принудительной власти, а исключительно из почтения к святилищу *Мадизæн*. В знак исполнения постановлений этих судей подсудимый брал камень в руки и клал его в святилище.

Обязательными членами осетинского судопроизводства были: доказчик (*комдзог*), свидетель (*æвдисæн*). Доказчик доказывал совершение известного преступления обвиняемым: он должен был представить субъект преступления, указать последовательно на все обстоятельства, при которых совершено преступление или правонарушение. Работа доказчика обычно требовала вознаграждения, размер которого зависел от его уговора с потерпевшим⁹⁴. Ответственность его была велика, так как в случае необнаружения субъекта правонарушения или незначительного преступления он сам становился на месте ответчика и брал на себя обязанности виновной стороны. «По существу, в деятельности «доказчика» на суде проявлялись зачатки прокурорских функций»⁹⁵. При успешном показании доказчика, основываясь на адатах, определяли размер компенсации.

Если по мнению судей, истец оказывался правым, то приговор выносился таким образом – истец должен подтвердить

Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. Вып. 10 (49), 2013. С.74.

⁹³ ПМА.

⁹⁴ Гаглоев Х. Д. Из истории судопроизводства у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып. 13. Цхинвали, 1964. С. 259.

⁹⁵ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия ...»... С. 120.

под присягой вместе с некоторыми из своих родственников, что обстоятельства действительно были таковы, как он привел в своей жалобе. Если же ответчик прав, то суд определял: подсудимый или ответчик должен оправдать себя присягой с присяжниками из своих же родственников. Затем приговор постановляли – в первом случае – если истец с родственниками присягу выполнит, то ответчик обязывался заплатить такую-то сумму денег и штраф в казну и дать угощение в столько-то баранов. Во втором же случае если ответчик с присяжниками выполнял присягу, то он устранялся от дела; если же не выполнял, то обязывался заплатить композицию, кроме того штраф, сумму за бесчестие и дать угощение⁹⁶. В.Б. Пфаф приводит случай из судебного журнала селения Абайтикау: житель с. Соархъ Гицо Б. жаловался что из дома его была украдена черкеска, стоимостью 4 р. и ружье. В краже подозревали Гула Б. с женой Дедо. Черкеска была зарыта в снегу женою Дедо, чем был свидетелем житель селения Соархъ К.; ружье при свидетелях таких-то найдено зарытым под кроватью Гула Б. Выслушав стороны и свидетелей, суд определил: вор должен оправдать себя присягой с присяжниками, что вещей не крал. Если присяга будет принята, то он от дела устраняется, если же не выполнит присягу, то Гула обязывался заплатить за черкеску 4 р. (относительно ружья стороны помирились), обокраденному за бесчестие – 2 р., и дать угощение состоящее из 1 барана, ценой 2 р., кроме того, в казну штраф в 20 р. Срок уплаты через 2 недели⁹⁷.

Соблюдение таких необходимых действий, как допрос и привлечение косвенных улик, не ставилось в основу судебной практики. Дополнением к очевидному факту преступления было устное заявление потерпевшей стороны.

Свидетели опрашивались преимущественно для обобщения и систематизации косвенных улик и данных; они не были обязаны непосредственно доказывать виновность обвиняемо-

⁹⁶ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т.1. С. 214.

⁹⁷ Там же.

го или совершение им самого преступления⁹⁸. Если показания *комдзога* и свидетелей не убеждали судей в виновности обвиняемого, то назначалась процедура присяги.

Такие действия, как выявление косвенных улик и привлечение свидетелей для дачи показаний, было непривычным для осужденных и могло вызвать отрицательную реакцию с их стороны. Дж. Т. Шанаев по этому поводу указывал: «Свободная критика улик, представлявшихся против обвиняемого, была опасной для судей: она могла быть понята как факт недоброжелательства судей к обвиняемому и его роду и потому послужить для последнего основанием к преследованию судей, как недругов»⁹⁹. Несправедливый вердикт мог вызвать не только протест со стороны осужденного, но и недовольство, а значит и недоверие всего общества. Судьям приходилось действовать с большой осторожностью, дипломатично и толерантно, для вынесения наиболее объективного приговора.

Следует уточнить, что присяга носила исключительный характер, к ней прибегали в случае крайней необходимости. Подсудимый принуждался к клятве именем самого почитаемого в данной местности святого или памятью умершего родственника. Присяга не могла быть назначена в случаях, когда истина и без того была очевидна для судей. «Присяга неуместна, и она была бы лишь бесцельною и безжизненною юридическою формальностью в судопроизводстве осетин, не оправдываемой никакой целью ни в общественной, ни в юридической жизни народа»¹⁰⁰.

В народном сознании присяга была как шансом оправдания на суде, доказательством своей правоты, так и средством разоблачения истины. Под присягой подозреваемый должен был торжественной клятвой отрицать причастность к преступлению, в котором его обвиняли. Судьи назначали ее ответчику, «чтобы он «очистился» ею», как говорили осетины, от возводимого на него обвинения.

⁹⁸ Шанаев Дж. Присяга по обычному праву осетин // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 11.

⁹⁹ Шанаев Дж. Указ. соч. С. 8.

¹⁰⁰ Там же. С. 13.

Присяга осуществлялась в присутствии судей и всего *ныхаса*¹⁰¹. Присяга, которую принимал обвиняемый, непременно должна была быть подтверждена гарантиями, чаще поручительством кого-либо из членов его фамилии. В важных делах, таких, как убийство, присяга назначалась ответчику с присягателями, т.е. с несколькими родственниками, которых обыкновенно указывал потерпевший. Доказчик со своими присягателями и свидетелями торжественной клятвой должны были подтвердить свои улики против обвиняемого. Содержание приговора находилось в прямой зависимости от того, была ли присяга принята самим ответчиком с его присягателями и ответчиками, т.к. они могли уклониться от ее принятия. Дж. Т. Шанаев указывает на тот факт, что присяга назначалась ответчику с присягающими с периода распространения российской власти: «Русское правительство, заметив большую кровную, родовую солидарность между сородичами осетинских родов, воспользовалось ею для придания в народной юстиции большей важности присяге, вменив в обязанность и ближайшим родственникам обвиняемого присягать за своего сородича»¹⁰².

Принятие присяги ответчиком с его присягателями оправдывало его по суду. Отказ от присяги ответчика (обвиняемого) с его присягателями влек за собой безусловную обязанность последнего удовлетворить притязания потерпевшего. Принятие или непринятие присяги также зависело от самого обвиняемого, как и от его присягателей, если они ему назначались¹⁰³.

Присяга также могла быть назначена доказчику. Необходимым условием в важных делах было принятие ее с присяжниками. Они служили гарантом того, что их сородич говорит правду.

Значение присяги как бесспорного доказательства можно объяснить религиозностью осетин. В сознании каждого осетина любая ложная клятва с использованием имен *дзуаров*, Бога, памяти покойных предков расценивалось как страшное

¹⁰¹ Мансуров Н. С. Указ. соч. С. 130.

¹⁰² Шанаев Дж. Указ. соч. С. 4.

¹⁰³ Там же. С. 8.

преступление, за которым неумолимо следовало жесткое наказание. Карательная мощь Бога и святых могла обрушиться на человека не только за прегрешения перед ними, но даже в качестве простого обращения к ним, сделанного с целью оправдания себя в случае виновности. Как увидим ниже, не менее строго наказывались лжеприсяжники и общественным порицанием. Ложная клятва с произнесением имени Бога или святых в свое оправдание или в подтверждение справедливости показываемого считались дерзким попранием и оскорблением этого имени, следовательно, поруганием веры, за которое, по представлениям людей, предполагалось страшное божье наказание (*фыдаех*).

Солгавшего в присяге ждала строгая мера наказания и на этом свете. Уличение или обвинение в лжеприсяге наказывалось непомерно строго: оно публично, через глашатая, бесславило обвиняемых, именуя их лжеприсяжниками, клятвopеcтyпниками (*мæнгард*)¹⁰⁴ и приводило к бойкоту со стороны общества.

Существовало несколько видов присяги: первый – положительная присяга, т.е. произнесение клятвы именем осетинских божеств и святых; второй род – посвящение покойникам таких животных, как кошка, собака и осел (*фыдгæнд*)¹⁰⁵. К присягам первого рода относится присяга *дзуарами*. Она считалась всегда присягой первостепенной важности, так как в сознании народа символизировала важность и святость самих *дзуаров*. Поэтому, к ней прибегали чаще всего: эта присяга позволяла надеяться на выяснение истины. Она назначалась по преимуществу в важных делах, как убийства, ранения, кровная месть, изнасилование девиц и женщин, крупные кражи и т.п., исключительно по желанию потерпевшего. В маловажных делах, например, кражи – решались судом. Другой вид присяги этого рода – клятва Богом (*Ард Хуыцауæй*). Она принималась как осетинами-христианами, так и мусульманами (на Библии и на

¹⁰⁴ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т.2. С. 93.

¹⁰⁵ Там же. Т.1. С. 493.

Коране). Этот вид присяги вошел в обычай с введением российского судопроизводства. Христианская и мусульманская присяги окончательно стали применяться в правовой практике осетин только с организацией правительственных судов, т.е. с 1858 г.

Третий вид присяги – клятва именем убитого лица. Она состояла в следующем: подозреваемый в убийстве, один, либо в сопровождении соприсяжников, при свидетелях, на могиле убитого произносил фразу: «Покойник, если я каким-либо образом причастен к твоему убийству, да буду тебе конем на том свете, да приму я все грехи твои». После чего, он должен был три раза обойти могилу покойника. По произнесении присяго-приимцем этой клятвы представители из фамилии покойного подавали ему руку в знак его оправдания. Приведенная форма клятвы называется самопосвящением (*хифæлдисын*). Мало кто решался принять ее, предпочитая сделаться кровником, чем согласиться на унижительный акт присяги, тем более, что принявшие ее, приобретали репутацию посвященных (*фæлдыст*).

Потерпевшие, точно зная то, что подозреваемый и есть убийца, для психологического давления, надевали ему на шею кишки животного с кровью, называвшуюся красной кишкой, и, водя его вокруг могилы и прокалывая кинжалами кишку, чтобы из нее текла кровь, заставляли произносить клятву.

По мере важности дела, судья назначал подсудимому или истцу большее или меньшее число присяжников; он должен был присягнуть с одним из двух поименно названных, с двумя из трех или просто с двумя поименно названными родственниками. Иногда назначались 6 и даже 12 присяжников – такие данные В. Б. Пфаф приводит на основании судебных журналов. Присяжники (*артамонга*) назначались из агнатов. До выполнения в назначенный срок присяги родственники, зная какую они берут на себя ответственность за обвиняемого, на семейном собрании и совете старейшин исследовали дело и если приходили к выводу, что их родственник невиновен и если вообще подсудимый заслужил себе уважение в кругу своего семейства, и рода, то брали на себя присягу. В случаях, если же напротив, обвиненный по

убеждению родных, фактически признавался виновным, то никто не соглашался помочь обвиненному и дать ложную присягу. Подобная присяга при безусловной гласности жизни каждого в окружающем его патриархальном обществе слишком опасна и стоила бы гораздо дороже самой цены иска или наказания¹⁰⁶.

Следует учесть, что введенные российской администрацией новации в судопроизводстве, такие, например, как принятие присяги у христиан – в церкви и на Библии, у мусульманской части населения – на Коране, с легкостью принимались осетинами. Оправдывая лжеприсяжничество, они считали: «Что это за присяга?! Вот наша присяга, так это настоящая, ее трудно принять!»¹⁰⁷.

В деле одного осетина говорится следующее: его незамужняя дочь родила мертвого ребенка. Заподозрив в связи с нею одного своего односельчанина, он пригрозил подозреваемому убийством, если тот немедленно не женится на его дочери. Однако тот виновным себя не признал и в доказательство своей правоты изъявил готовность принять очистительную присягу. Дело на этом бы и окончилось, но тут возник вопрос о том, где должна быть принята присяга: подозреваемый считал себя обязанным принять в местной церкви, а оскорбленный требовал, чтобы принятие присяги состоялось в древнем *дзуаре*, находящемся в Даргавском ущелье, за с. Джимара¹⁰⁸.

Если обвиняемый принимал присягу, то для того, чтобы найти преступника, прибегали к ритуалу посвящения (*фыдгæнд*) таких животных, как кошка, собака или осел покойникам того, кто совершил преступление. Память о покойниках была свята для каждого осетина. Посвящение же этих животных вместо поминок покойникам считалось их поруганием, чего не должен был допустить ни один осетин. Такое унижение памяти покойника было страшно для осетин, поэтому виновный признавался в преступлении, а свидетели выдавали преступника

¹⁰⁶ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 216.

¹⁰⁷ Шанаев Дж. Указ. соч. С. 21.

¹⁰⁸ Терские ведомости. 1894. № 5 // ППКОО. Цхинвали, 1989. Кн. 4. С.113-114.

и тем предупреждали эти оскорбительные для покойников посвящения¹⁰⁹.

Чтобы обнаружить преступника, жители Дигории часто прибегали к обычаю испытания преступника огнем. Оно совершалось следующим образом: пострадавший с разрешения общества сжигал волчьи сухожилия на костре, через которые должны были прыгать все мужчины общества. Эту меру использовали лишь тогда, когда все прочие меры по выявлению преступника были уже исчерпаны. По убеждениям осетин, преступник, перешагнувший через костер, непременно должен был потерять зрение или скрючиться, подобно волчьим сухожилиям, охваченными огнем. «Нередко преступник под тем или иным предлогом выезжал из села, чтобы не прыгать через костер. Своим исчезновением он выдавал себя, и пострадавший предъявлял к нему претензии как к ответчику»¹¹⁰.

С введением российского судопроизводства присяга активно принималась в процессе судебного разбирательства. Она использовалась как для свидетельских показаний, так и в допросах подозреваемых и принималась письменно на Библии и Коране. Например, в деле о краже скота в с. Ольгинском приводится присяга свидетеля дела: «Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и Животворящим Крестом, что не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ни ожиданием выгод или иными какими – либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного, помятуя, что во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде Его. В удостоверение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.» Присяга приводилась священником Ольгинского селения Алексеем Д.¹¹¹

Судебная практика в осетинском социуме предполагала также и осуществление контроля за исполнением судебного приговора. Оно подготавливалось поручителями от обеих сторон,

¹⁰⁹ Шанаев Дж. Указ. соч. С. 30.

¹¹⁰ Кокиев Г. А. Указ. соч. Л. 197.

¹¹¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

они же и несли ответственность за исполнением вынесенного вердикта. В случае добросовестного выполнения своих обязанностей, при условии успешного для ответчика исхода судебного разбирательства, предполагалось материальное вознаграждение для поручителей от заинтересованной стороны. Недовольная приговором сторона нередко оставляла его без исполнения, предоставляя тем самым противнику право обратиться по-прежнему к самосуду. Предвидя возможность подобного исхода, судьи нередко требовали от сторон не только частичной предоплаты выкупа, но также и участия поручителей-родственников в исполнении ими приговора; или связывали предварительной присягой с обязательством исполнения приговора¹¹². Таким образом, недостаточно было добиться признания ответчиком в собственной виновности, вынести вердикт, сформулировать форму и меру наказания. Столь же существенным считалось обеспечение условий осуществления вынесенного приговора. Но и в данном случае правовая практика осетин опиралась на принцип коллективной ответственности фамилии за действия своих членов. Определение меры наказания и вынесение решения, обеспечивающего гарантию его выполнения, в народном суде осуществлялось одновременно. Подобной гарантией служило избрание обеими сторонами в перекрестном порядке поручителей: каждой стороне предоставлялась возможность избрания *фидар лэг*, в обязанности которого входило обеспечение организации поручительства родственников. В случае же неисполнения решения суда поручителям вменялось в обязанность принуждение родственников к выплате назначенной суммы или к исполнению иных условий вердикта, обязательных и для противоположной стороны. Беря на себя подобное поручительство, избранные лица, при свидетелях давали обещание принудить осужденного исполнить предписание суда. Бывшие при этом свидетели, в свою очередь, обязывались напоминать поручителям о данном им слове¹¹³.

¹¹² Канукова З. В. Семья // Осетины. М., 2012. С. 329.

¹¹³ Марзоев И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII – нач. XX вв. Владикавказ, 2011. С. 208

У осетинских народных судей имелись и другие методы воздействия, направленные на исполнение приговора. Например, ответчика могли привести к новой присяге, по которой он обязывался исполнить безоговорочно решение суда. Судьи могли воспользоваться еще одним способом принуждения – в начале судебного процесса у тяжущихся отнимали оружие. Для того чтобы вернуть свое добро, стороны давали клятвенное обещание выполнить все условия будущего приговора¹¹⁴. В случае уклонения от приговора, общество также могло принять меры воздействия на виновного. Меры наказания, принимаемые общиной, варьировались от мелкого штрафа в общественную сумму до объявления бойкота (*хъоды*). В случае бойкота, все население общества не имело права контактировать с виновным, либо со всей его семьей. Таким способом оно вынуждало его выполнить постановление, либо покинуть свое место жительства. Подобные фиксированные санкции, как правило, обеспечивали исполнение условий приговора в полном объеме¹¹⁵.

После оглашения решения суда и согласия сторон с приговором, кровники клали по камню в святилище Святого Георгия. Как указал информант, это было свидетельством примирения¹¹⁶.

Абречество являлось одной из форм завершения конфликта. Если же враждующими оказывались непокорные личности, не желавшие подчиниться третейскому суду, то общество всеми средствами старалось выжить их из своей среды. В тех случаях, когда судьи решали дело не совсем беспристрастно и одна сторона могла остаться неудовлетворенной постановле-

¹¹⁴ Хадикова А. Х. Традиционная культура общения осетин: этнокультурные особенности и истоки формирования // Современные проблемы науки и образования. 2014. №3; <http://www.science-education.ru/117-13049> (дата обращения: 12.04.2014).

¹¹⁵ Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992. С. 94.

¹¹⁶ Баракова Е. Этнографические записи // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64. Л. 25.

нием, то ради доказательства своей правоты, недовольные покидали свои места жительства и становились абреками, т. е. переходили в другое общество и, заручившись там покровительством влиятельных людей, устраивали набеги, чем вынуждали родное селение удовлетворить свои условия. Стать абреком мог только отважный, смелый человек следовательно, опасный особенно для тех, кто были причиной их бегства, потому медиаторы волею или неволею должны были решать кровные дела по возможности правильно, сообразно с установившимися в народе обычаями¹¹⁷.

Явление абречества К. Хетагуров объяснял 3 причинами: 1 – бегство от кровника, когда совершивший убийство или поранение таким путем спасался от возмездия, ибо «убивая сегодня, он знал, что сам тоже будет убит, если не завтра, то послезавтра или через неделю»; 2 – уход в абреки с целью отомстить убийце или его родственникам и тем самым выполнить долг перед убитым родичем и избавиться от позора или бесчестья за неисполнение долга; 3 – наконец, ряды абречества пополнялись по политическим соображениям¹¹⁸. Абреком назывался человек, который совершал преступление государственного значения. На поимку этого преступника большие суммы денег¹¹⁹.

Другим источником абречества было грубое нарушение ада, родовых и общинных правил поведения, святость которых считалась незыблемой. Посягательство на вековые морально-этические устои общества, на которых созидалась сама жизнь этноса, было равносильно самоубийству и несмываемому позору.

Русская администрация на Кавказе ужесточила юридическую ответственность за серьезные правонарушения, осо-

¹¹⁷ Баев М. Тагаурское общество и экспедиция генерал-майора князя Абхазова в 1830 году // ППКОО. Цхинвали, 1989. Кн. 4. С. 197-198; См. также: Ботяков Ю. М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб., 2004. С. 79.

¹¹⁸ Хетагуров К. Л. Неурядицы Северного Кавказа // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ, 2000. Т. IV. С. 131-159

¹¹⁹ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 98. Л. 12.

бенно за преступления против личности, что было вызвано повешенной защитой жизни и здоровья в первую очередь самих русских чиновников, и отменила институт примирения кровников, заменив его длительным тюремным заключением или ссылкой на каторгу. Неотвратимое наказание за уголовные преступления стало нормой, и у этих лиц не оставалось никакой надежды уклониться от заслуженной кары, что позволял прежний институт примиренчества сторон.

Абреки водятся на Кавказе с древнейших времен, их корни уходят еще в первобытно-общинный строй. Первые абреки появились главным образом на почве кровной мести. Они вынуждены были неведомо куда бежать от преследований и мести потерпевших и вести разбойный образ жизни. Другие становились абреками вследствие нигилистического отношения к отдельным отжившим обычаям, злостные отступники и нарушители адатов, которых общество изгнало, отторгло от себя. С продвижением на Кавказ и водворением в крае в XIX в. новых порядков, чуждых и не согласующихся с прежней жизнью и вольницей горцев, число таких абреков резко возросло, а действия их стали более целенаправленными. Социальную базу абречества составляли не только те, кто вступил в конфликт с обществом на почве тяжкого уголовного преступления и российским политическим режимом, но и те, кто, не отсидев свой судебный срок за различные преступления, бежал из тюрьмы и каторги, а вернувшись в родные пенаты создавали свои шайки или вливались в существующие¹²⁰.

Закрепившись в Осетии первоначально за людьми, отторгнутыми обществом за грубейшее отступничество (вольное или невольное) от адатов за убийство, а также другие тяжкие преступления, в силу чего вынуждены были в борьбе за выживание вести скрытный и преступный образ жизни. Название «абрек», как наиболее удачное и точное определение, получило широкое распространение на Кавказе, а затем и всей русской администрации края¹²¹.

¹²⁰ Хоруев Ю. В. Абреки на Кавказе. Владикавказ, 2011. С. 103-104.

¹²¹ Там же. С. 113.

В первой половине XIX в. абрек становится синонимом «немирного горца». Те преступления, за которые согласно обычно - правовым нормам ранее предполагалось изгнать человека из общества и объявить его абреком, стали квалифицироваться как уголовные преступления и подлежали рассмотрению в российских судах по российскому законодательству.

Как было принято в самом осетинском обществе, российская администрация продолжала соблюдать особенности абречества, такие как меры наказания за укрывательство абреков.

Мотивы, вынуждавшие осетина отказаться от выполнения решения суда, могли быть самыми разнообразными, но прежде всего это унижительный его подтекст, уязвляющий, по представлениям традиционного общества, человеческое достоинство. К примеру, *хифæлдисын*: при примирении кровников иногда требовалось, чтобы убийца с соблюдением известного обряда «посвятил» себя покойнику, то есть обрекал себя на служение ему в ином мире. На выполнение этого обряда соглашался не всякий убийца, считая это унижительным для себя. Акт самопожертвования покойнику у осетин считался весьма тяжелым, даже позорным наказанием: посвятивший себя покойнику на том свете должен был служить ему конем. В Куртатинском обществе между двумя фамилиями – Г. и Д. – произошло вооруженное столкновение, в результате которого Г. убили двух человек из фамилии Д. *Ныхас* вынес решение, чтобы Г. заплатили Д. полную цену крови, а сверх того требовал посвящение от фамилии Г. На первое условие – уплатить Д. цену крови – Г. согласились, а от второго условия отказались. Причина отказа в том, что посвящение человека покойнику считалось несмыслаемым позором и унижением человеческого достоинства, на что такая влиятельная среди осетин фамилия, как Г., пойти не могла¹²².

Во всех важных делах решения народных судов считались вступившими в окончательную законную силу только после их утверждения административной властью. В.Б. Пфаф, указывал, что «в материальном отношении судьбы в решении руко-

¹²² Терские ведомости. 1881. № 14 // ППКОО. Цхинвали, 1989. Кн.4. С. 189.

водствуются обычаями; но так как эти обычаи весьма неполны и часто довольно неопределенны, то судьи, не имея правильно установившегося обычая, решают дела по аналогии или по благоусмотрению или же по русскому праву»¹²³.

Конфликт не считался преодоленным с помощью третьей-стороннего вмешательства в том случае, если судебное решение не исполнялось. Если свои медиаторы оказывались бессильными в примирении враждующих, то их призывали из других обществ. Самыми опытными посредниками – примирителями и третейскими судьями признавались судьи Нарского общества, которые, по свидетельству народных сказаний могли разрешить любое тяжёбое дело¹²⁴.

Посредническая деятельность, в первую очередь гарантировала урегулирование конфликта методом замещения действительных разногласий их моделью и достижение консенсуса путем делегирования судебских полномочий посредникам, решение которых легитимировалось их возрастным и статусным авторитетом. Поэтому одна из функций посреднического суда, который являлся проводником власти обычного права в сфере частных взаимоотношений, заключалась в сохранении баланса в имущественно-правовых статусах членов общины. Будучи защитником гражданских прав общинников, посреднический суд принимал решения примирительного характера, целью которых было сохранение мирных внутриобщинных отношений¹²⁵. «Их слово было незаменимо, их решение свято; здесь не имели места никакие апелляционные и другие жалобы; так как умнее и опытнее третейских судей не было, то всякий противящийся мнению этих патриархов был противником самого общества, его взглядов и понятий»¹²⁶. Деятельность посреднического суда носила демократический характер на основании выборности медиаторов самими тяжущими сторонами.

¹²³ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 218.

¹²⁴ Канукова З. В. Семья // Осетины. М., 2012. С. 195.

¹²⁵ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...»... С. 123.

¹²⁶ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 95.

В XIX в. судебные дела стали оформляться в письменном виде. В судебном деле содержалось краткое описание разбираемого дела, информация о третейских судьях, свидетельства свидетелей, постановление, подписи судей.

М. М. Ковалевский указывает на факультативный характер вынесенных приговоров посреднических судов, поскольку по своей силе третейское решение являлось соглашением, видом договора, который требовал соблюдения всех порядков заключения, в том числе присягательства и требования поручительства, тем самым обеспечивая исполнение приговора¹²⁷.

1.3. Российская правовая культура в разрешении конфликтных ситуаций

Распространение российской власти на Кавказе сопровождалось укоренением в крае нового административного управления и судебной деятельности. Одной из административных единиц стало сельское (аульное) правление. В 1860 г. 23 марта заместителем А. И. Барятинским была утверждена «Инструкция для окружных начальников Левого крыла Кавказской линии».

Каждый округ делился на участки, который возглавлял начальник участка. У него также имелись судебные полномочия. За «маловажные» поступки начальник участка имел право наложить арест до 15 суток. В обязанность начальника округа входил частый объезд вверенного округа для того, чтобы рассматривать приносимые просьбы и жалобы жителей и по возможности разбирать их на месте¹²⁸.

Общественное устройство на территории Осетии также подвергалось следующим преобразованиям: поселения объединялись от 5 до 25 и более дворов в общины – в 50 дворов каждая. Во главе такой общины стоял выборный старшина со своим помощником. Они подчинялись выборному начальнику селения, который заведовал делами целого прихода. Эти обще-

¹²⁷ Там же. Т. 2. С. 221.

¹²⁸ АКАК. Т. XII. С. 1197.

ственные должностные лица утверждались правительством и подчинялись участковому управлению¹²⁹.

Любой проступок или преступление нарушало общественный уклад и за них предусматривались денежные компенсации в общественную казну. Так, например, житель одного из селений, Б., был оштрафован на 5 р. за ругательство¹³⁰.

Согласно «Инструкции» учреждалась сельская администрация в лице старшины и помощников (по одному на каждые 50 дворов). Право быть избранным старшиной было «у людей почетных», чьи кандидатуры утверждались начальником округа¹³¹. В каждом селе предполагалось наличие «обособливой караульни», где содержались провинившиеся. Старшина мог подвергнуть наказанию арестом сроком до 5 дней¹³².

Назначение на должность члена народного суда носило выборный характер. Право избрания предоставлялось доверенным лицам от каждого поселения, которые собирались в определенный день и в присутствии начальника участка избирали по два кандидата на место. Список кандидатов утверждался подписью начальника участка. Окончательное решение о выборе членов на должность народного судьи принимал окружной начальник.

Существовали определенные требования к избираемым – лицо мужского пола, достигшее совершеннолетия (18 лет), известный своей безупречной репутацией. Члены суда избирались на один год и могли быть переизбраны на следующий год.

Уже в «Инструкции» делались попытки разграничить методы разбирательства в уголовной сфере. Так, в §46 предлагалось уголовные дела, а также гражданские дела между русским населением и местным разбирать по российскому закону, гражданские дела между коренными жителями в народном, либо медиаторском суде¹³³.

¹²⁹ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 203.

¹³⁰ Кануков И. В осетинском ауле. Орджоникидзе, 1985. С. 52.

¹³¹ АКАК. Т. XII. С. 1197.

¹³² Там же. С. 1197.

¹³³ Там же. С. 1195.

Согласно §62 ведению окружных судов подлежали исковые спорные дела по движимому и недвижимому имуществу; споры между мужем и женой, родителями и детьми; религиозные дела мусульманской части населения; воровству; разновидность ссор и насилий без нанесения или с нанесением ран оружием, но без увечий; выдача свидетельств об отпуске на волю холопам при условии доказательства своего происхождения из свободного сословия¹³⁴.

В народном суде дела решались на основании постановлений, утвержденных главнокомандующим округа. Вопросы, не вошедшие в постановление, решались согласно обычаю.

Обязательным условием судебного процесса было разбирательство дела в кратчайшие сроки. В окружных судах имелся журнал, который составлялся по форме, приведенной в «Инструкции» и велся делопроизводителем.

При округе имелся окружной кадий, в обязанность которого входил разбор дел по шариату. Вопросы, которые предусматривали шариатское решение, касались вероисповедания и передавались в шариатский суд в случаях, когда народные суды затруднялись с постановлением. Решение шариатского суда утверждалось народным судом¹³⁵.

Существовало правило, согласно которому прежде чем завести судебный процесс по гражданским спорам и личным обидам, стороны должны были воспользоваться помощью медиаторов, которые старались склонить стороны к примирению. В этом случае, когда медиаторский суд создавался по предложению участкового или окружного суда, решение медиаторов вносилось в настольный журнал и подписывалось медиаторами и самими враждовавшими сторонами. В случае безуспешности медиаторской деятельности делу давался судебный ход. Разбор дела в случае, когда лица принадлежали к разным национальностям, проводился согласно адатным нормам ответчика¹³⁶.

¹³⁴ АКАК. Т. XII. С. 1196.

¹³⁵ Там же. С. 1196.

¹³⁶ Там же. С. 1197.

Согласно §47 военному суду передавались лица, подозреваемые в таких преступлениях, как побег в горы к абрекам, неповиновение и выступление против начальства, укрывательство абреков, грабеж и разбой, святотатство, похищение казенного имущества, убийство и ранение¹³⁷.

Особое внимание в «Инструкции» уделялось борьбе с абреками. Начальнику округа предоставлялось право пойманного абрека или их укрывателей отправлять в ссылку в Сибирь на определенный срок или пожизненно без решения народного суда. Подозреваемые в абречестве и их укрывательстве имели право ходатайствовать о прощении или смягчении наказания в случае покорности¹³⁸.

Чтобы на первых порах предохранить жизнь и имущество как осетин, так и русских против абреков учредили полицию. Однако правительство встретило препятствия и со стороны общества не нашло ни малейшей поддержки, так как по коренному взгляду осетин и по обычному праву, преступление, совершенное над чужим не считалось у них действием, требующим возмездия со стороны общества. По их взгляду преследование преступника – дело обиженного и его родичей. В.Б. Пфаф считал, что: «Корень этого зла кроется в патриархальном устройстве общества. При этом устройстве каждый род считает себя суверенным и потому, не терпя вмешательства в свои дела других, со своей стороны тоже не вмешивается в правосудие остальных суверенных родов»¹³⁹.

Для реформирования обществ, в которых существовал традиционный уклад социальных взаимоотношений общинников, в 1870 г. было утверждено «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей». Такая административная реформа была направлена на изменение системы социальных отношений, а также на реформирование общественного

¹³⁷ АКАК. Т. XII. С. 1195.

¹³⁸ Там же. С. 1193.

¹³⁹ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 201-202.

управления сельских обществ Осетии и введение этой системы в установленное административное устройство Российской империи.

В разделе «О сельском общественном управлении» указывается, что во всех обществах имелся сельский сход, правление, назначался сельский старшина на правах волостного, а также избирался сельский суд.

В состав сельского схода в обязательном порядке входили сельский старшина со своими помощниками, сельские судьи, казначей и некоторые домохозяева. Как правило, это были главы семей. Численность сельского схода также была регламентирована. Так, в селениях до 30 дворов, участвовать в сходе имели право все домохозяева; те местности, в которых количество дворов варьировалось от 30 до 300 дворов, могли отправить на сход по 30 представителей, в случаях, где общества достигали свыше 300 дворов, «Положение» позволяло избирать по одному представителю от каждых десяти дворов. Лица, в статусе временно проживающих, то есть без закрепленного за ними официальным документом земельного участка, не допускались на участие в сходе. Эти аспекты являлись одними из отличительных особенностей традиционного *ныхаса*, в котором имела право присутствовать лично свободная мужская часть общества, без учета социального статуса. Исключение составляла женская часть, которая не допускалась к участию в обсуждениях *ныхаса*¹⁴⁰. На этот аспект указывал и В.Б. Пфаф, отмечая, что редко пожилые женщины могли явиться с просьбой, либо в качестве свидетельницы или подсудимой¹⁴¹.

Присутствие на сходе было обязательным для каждого представителя. В случае отсутствия без уважительной причины, житель мог быть подвергнут денежному взысканию в пользу сельской общественной суммы. Лица, не достигшие 25 лет, не участвовали в выборах. В случаях, если член схода нахо-

¹⁴⁰ Чиковани Г.Д. Осетинской *ныхас* // КЭС. Тбилиси, 1979. Т. 5. Вып. 2. С. 34.

¹⁴¹ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 196.

дился под следствием, ранее подвергался административной ссылке или тюремному заключению, был судим за кражу или мошенничество, то он лишался права голоса.

Для признания сбора состоявшимся, на нем должны были присутствовать сельский старшина или заступающий на его место помощник, домохозяева, в количестве не менее двух третей общего числа участников.

В «Положении» довольно подробно прописывался ряд вопросов, находящихся в компетенции схода. В первую очередь, это касалось земельного вопроса, так как он являлся одним из главных причин межобщинных и внутриобщинных конфликтов и столкновений. Регламентированием всех аспектов земельных отношений, в том числе распределением земельных участков, согласно «Положению», занимался сельский сход. Если по решаемому вопросу не собиралось двух третей голосов, то дело переносилось на следующий сход.

Здесь же на сходе выбирались члены общества, которые входили в «межевой комитет». Комитет занимался распределением земли между членами одного села или представителями разных обществ. Согласно документу от 1900 г. общественный приговор представителей селений Сагол и Тоборза в числе 16 дворов рассматривали дело о спорном пахотном участке. Представители при сельском правлении единогласно показали, что спорный участок принадлежал Л. Х. Подлинность документа подтвердил старшина¹⁴².

Согласие сельского схода требовалось при переселении семьи в другое общество. Общественный приговор от 15 мая 1895 г. жители Даргавского общества составили по просьбе родных братьев Елбыздыко, Николая и Варфоломея М. «о увольнении их из среды, для приписки к селению Гизель». В постановлении оговаривается: «имея ввиду, что за М. общественных недоимок, казённых и частных взысканий не имеется, поведения, как они, так и члены семьи, хорошего, под судом и следствием не состояли и не состоят, вероисповедания православного и что желающие переселиться в Гизель следующие

¹⁴² ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 7. Д. 242.

лица: Елбыздыко М. 44 лет, жена его Дзидзи 43 лет, сыновья: Матвей 20 лет, Иван 16 лет, Виссарион 11 лет, дочь Разгат 7 лет, постановили: уволить из среды своей вышеприведенных просящихся лиц для приписки к селению Гизель. Причем при разделе этого семейства со своей стороны препятствий не имеем, в чем и подписуемся»¹⁴³.

Никто из жителей не отлучался за пределы общества, не получив разрешения схода.

По свидетельству архивных материалов, сельские общества Осетии справлялись с поставленными вопросами весьма успешно.

Иногда имущественные разделы семей выносились на решение сельского схода. Житель с. Эльхотово Георгий Г. принес жалобу на родного дядю. Он утверждал, что после смерти его отца, дядя присвоил покосные участки, ранее принадлежавшие отцу¹⁴⁴.

Жалобы на решения сельского схода принимались начальником округа в срок до месяца со дня принятия постановления. Большею частью они касались лиц со статусом «временно проживающие», которых коренное население облагало высокими налогами. Начальнику Владикавказского округа жаловались временно проживавшие жители селения Кадгарон на налоги¹⁴⁵. Серьезный конфликт в 1897 г. был между жителями с. Алагир. Было подано прошение от доверенных 250 дворов временно проживающих в селении, с просьбой причислить их к данному селению, так как «алагирцы не допускают их при выборах должностных лиц, при отдаче с торгов разных питейных заведений, доход из которых поступает достаточная сумма ежегодно, и алагирцы оставляют эту сумму исключительно в свою пользу, а на имеретин и осетин алагирцы делают налоги»¹⁴⁶. В том же году Терское областное правление постановило удовлетворить просьбу.

¹⁴³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 1. Д. 487. Л. 23-23об.

¹⁴⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

¹⁴⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 7. Д. 141.

¹⁴⁶ ЦГА РСФСР-А. Ф.11. Оп. 7. Д. 15. Л. 1.

Постановления сельского схода заносились в специальную книгу. По каждому рассмотренному делу приводился рассматриваемый вопрос, количество присутствующих, принятое решение, результаты процедуры голосования. В конце документ заверялся подписью старшины.

В «Положении» описывались права и обязанности одного из ключевых лиц управления в сельском обществе Осетии – старшины. Ранее на должность могли претендовать только представители привилегированного сословия. Позже, право назначения на должность сельского старшины была передана начальнику округа или области, который выбирал претендентов из среды свободных общинников или русских офицеров.

При вступлении в должность старшина в первую очередь знакомился с членами общества. В его обязанности входило знание семейного положения, имущественного состояния, религиозной принадлежности и отсутствия/наличия судимостей всех жителей.

В обязанность старшины входило докладывать вышестоящему начальству о различных происшествиях во вверенном обществе. Каждую ситуацию следовало запротоколировать и передать начальнику округа. Старшина исполнял функции представителя власти. Он информирование общинников обо всех происходящих нововведениях. Количество помощников старшины зависело от размера поселения.

Старшина обладал правом применения наказания в виде записи в штрафном журнале. Такой документ имелся при каждом сельском правлении. В случае нарушения общественного порядка, старшина принимал решение внести фамилию, имя, характер нарушения провинившегося в штрафной журнал. Однако при примерном поведении в течение нескольких месяцев или лет (в зависимости от правонарушения), провинившийся, подавший прошение, мог быть вычеркнут из данного журнала. Это было крайне важно, так как наличие записи в штрафном журнале сказывалось на общественной деятельности человека. В 1893 г. житель Батакоюрта Б. А. был приговорен за оскорбле-

ние старшины к 4-х месячному сроку тюремного заключения и записи в штрафном журнале. Сельское правление ходатайствовало в окружной суд о выписке из штрафного журнала данного жителя, так как «последние 10 лет он ведет себя достаточно хорошо и честно, пользуется уважением, но из-за записи в штрафном журнале лишен права голоса и выбора на должности по общественным работам»¹⁴⁷.

Житель с. Ново-Урухского Андрей А. подал прошение, в котором говорилось: «Уже более 10 лет по отбытии наказания я вернулся в родную среду, в которой до сих пор пользовался полным уважением всего общества. Я принужден выносить не меньшие мучения вследствие лишения меня всех прав. Так, я не могу быть свидетелем при договорах и актах и давать свидетельские показания по делам гражданским, быть избираемым в третейские судьи, быть опекуном или попечителем, быть поверенным по чьим-либо делам». К этому делу прилагается общественный приговор сельского схода, ходатайствующий перед начальством об А. А.¹⁴⁸

Из сказанного можно сделать вывод о том, что сельский старшина был главным должностным лицом в осетинском сельском социуме в период общественных модернизаций. На него возлагалось выполнение исполнительно-распорядительные функций, контролирование всех сторон жизнедеятельности вверенного ему общества.

Насколько успешно старшины справлялись со своими обязанностями можно судить по их быстрой смене в течение всего одного года.

В 1903 г. в селении Христиановском выполняли должность старшины: Ф. Элбаев; урядник Третьяков; отставной сотник Г., потративший на личные нужды за 2 недели правления 160 р. казенных денег, находившихся в сельском правлении, и бежавший из селения; Даниил Дзоцоев; Аслангирей Гуцунаев; Андрей Батманов.

В селении Ардонском в течение 1903 г. старшинами побы-

¹⁴⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 39. Л. 11.

¹⁴⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 216.

вали: Сосланбек Саламов; Асаф Зембатов; Дзугаев; Тотти Карав; Гадаев; Урумов.

В селении Батакоюрт: урядник Зариев; Браев; Кулаев;

В селении Эльхотова: урядник Воскобойников; Доев; Адырхаев; Етдзаев; Маккиев; Бури Чеджемов.

Городской голова г. Владикавказа Г. В. Баев по этому поводу отмечал, что «легко удаляются администрацией старшины, избранные самим обществом. И так жителям бывает трудно освободиться от старшины, назначенного администрацией. Для снятия с должности такого лица необходимо было явное преступление»¹⁴⁹. Офицер З. И. был назначен на должность старшины с. Заманкул, несмотря на тот факт, что он отбыл тюремное заключение по приговору суда за кражу скота¹⁵⁰.

Не соответствие должности старшины некоторых офицеров и чиновников, которых назначали из органов государственной службы, было достаточно частым явлением¹⁵¹.

В отношении просьб населения, которое выносило общественный приговор о смене старшины, начальство реагировало неохотно. Например, три года сельский сход с. Гизель просил сменить старшину К.¹⁵²

В пореформенное время нормы деятельности сельских должностных лиц были зафиксированы в «Положении» Приведенные примеры наглядно показывают что, с одной стороны, активное участие общинников контролировало все стороны деятельности общества, с другой стороны, неправильный подход к подбору лиц на должности отдалял народ от начальства и усиливал протест сельских обществ.

Согласно «Положению», в каждом селении общества назначались помощники старшины, которые содействовали вы-

¹⁴⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 216. Л. 8.

¹⁵⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 96.

¹⁵¹ Анчабадзе Ю. Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в.-1920-е годы). М., 2012. С. 47.

¹⁵² ЦГА РСФСР-А. Ф. 224. Оп. 1. Д. 139. Л. 9.

полнению должностных обязанностей старшины¹⁵³. Также в каждом сельском обществе имелся казначей, который хранил общественные суммы.

В «Положении» подробно излагались должностные обязанности старшины и его помощников. Сельский старшина утверждался в должности по представлению начальника округа начальником области и наказным атаманом. Помощники старшин и избираемые сельским сбором сельские судьи, утверждались самим начальником округа, а остальные должностные лица сельского управления назначались сельским сбором. Замещение должности старшины и судей другими должностями не допускалось. На время отсутствия или болезни сельского старшины его обязанности исполнял один из его помощников. Главными критериями при выборе старшины были его моральные качества, а также организаторские способности. Знание грамоты не являлось обязательным требованием, что иногда приводило к возникновению курьезных ситуаций. Старшину Зарамагского прихода обвиняли в получении взятки от жителя селения, у которого отсутствовало удостоверение на лошадь. Однако, как выяснилось во время следствия, из-за того, что старшина Т. А. был неграмотный, писарь, получив с указанного жителя взятку в размере 10 р. представил и зачитал старшине некий документ, выдав его за удостоверение на лошадь¹⁵⁴. Первоначально старшины избирались из привилегированного сословия Осетии. Впоследствии ситуация несколько изменилась. Если обратиться к документальным материалам, то выясняется, что старшиной мог быть назначен любой представитель из свободного сословия. Во многих селениях на должность старшины назначали русских офицеров, которые не владели осетинским языком, а также не знали многих обычаев, что создавало определенные трудности при исполнении ими должностных обязанностей.

¹⁵³ Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей. Владикавказ, 1870. С.10.

¹⁵⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 460.

С 1905 г. должность старшины являлась выборной. Однако исследователь М. У. Дзидзоев указывает, что с введением в июне 1905 г. для сельских старшин принципа выборности ничего не изменилось, так как старшины выдвигались местной администрацией и утверждались начальником округа¹⁵⁵.

Что касается обязанностей по общественным делам, то старшина созывал сельский сбор, выносил на его рассмотрение все дела, касающиеся нужд и пользы сельского общества, а также приводил в исполнение приговоры схода. На сельском сходе он объявлял указы, законы, распоряжения вышестоящей власти. Общественные приговоры сельских сходов подписывались членами схода, за неграмотных расписывался писарь. Весь протокол заверялся подписью старшины, который следил за выполнением решения сельского схода. Старшина Галиатского прихода К. арестовал жителя Ц., который не выполнил решения схода о том, что Ц. должен доставлять дрова для отопления сельской школы¹⁵⁶.

Все происшествия в сельском обществе старшина в обязательном порядке протоколировал и информировал вышестоящее начальство. Протоколом от 24 августа 1915 г. старшина с. Эльхотово докладывал о сельчанах которые заподозрили в воровстве и указал принятую меру – арест на двое суток¹⁵⁷.

Что касается санкций, которые старшине предписывалось наложить в некоторых случаях нарушения норм общественного порядка, то это штрафы, арест, конфискация оружия и имущества.

Контроль за взысканием долгов в общие сельские деньги, исправительным отбыванием жителями повинностей, сбор штрафов, всякого рода недоимок – также входили в круг его обязанностей. Так, в газете «Терские ведомости» было объявление старшины Салугарданского прихода о том, что «по вос-

¹⁵⁵ Дзидзоев М. У. Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Орджоникидзе. 1979. С. 43.

¹⁵⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 113.

¹⁵⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 188. Л. 216.

кресеньям и понедельникам, за исключением присутственных дней в с. Салугардан, при сельском правлении и в с. Алагире на базарной площади, будут продаваться разные вещи, рогатый скот и лошади, обарантованные у жителей Салугарданского прихода за неплатеж общественных недоимок, штрафов за порубку казенного леса и других казенных взысканий. Желающие покупать вещи, скот и лошадей могут явиться в означенные дни на торги»¹⁵⁸.

Применение санкций вызывало многочисленные конфликты и жалобы на старшину. Так, житель с. Ольгинского М. Т. обвинялся в оскорблении словами и действием старшины селения урядника А. Т. Указанный житель самовольно косил траву на общественной земле. Увидев это, старшина приказал ему прекратить косьбу и отдать в виде штрафа свою косу, на что М. Т. обругал старшину и замахнулся на него косой. Суд постановил: подсудимого жителя с. Ольгинского признать виновным и подвергнуть аресту на три месяца, а также возложить на него судебные издержки¹⁵⁹.

Согласно «Положению», лиц, не пользующихся особыми правами, сельский старшина мог подвергнуть денежному взысканию в пользу общественных сумм в размере не выше трех рублей или аресту на срок не более трех дней, а также направить на общественные работы и сельские повинности на срок от трех дней¹⁶⁰. Каждый случай наложения взыскания должен был быть занесен старшиной в особую книгу взысканий. О лицах из привилегированных сословий и обо всех, имеющих офицерские чины, сельский старшина докладывал начальству, от которого зависело наложение взысканий.

В обязанности старшины входило рассмотрение ряда вопросов, касающихся хозяйственной деятельности общества. Контроль за состоянием дорог и мостов также возлагался на него. Старшина Даргавского общества К. в 1897 г. объявил о

¹⁵⁸ Терские ведомости. 1901. № 14.

¹⁵⁹ Канукова З. В. Семья // Осетины. М., 2012. С. 331.

¹⁶⁰ Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992. С. 68.

починке моста и потребовал выслать из каждой семьи одного человека. В противном случае, старшина грозился штрафом¹⁶¹. 23 ноября 1883 г. старшина селения Батакоюрта собрал сход для решения вопроса о прекращении самовольной порубки общественного леса¹⁶². В селении Кадгарон в 1899 г. на собрании сельского схода старшина Б. вынес вопрос о найме постоянных караульщиков для охраны местных жителей от разбойников¹⁶³. Исполнение приговоров судебных учреждений, сельского суда возлагалось на старшину. Он также должен был наблюдать за взысканием долгов в сельские денежные суммы, штрафных денег, всякого рода недоимок, следить за исправным отбыванием жителями повинностей, собирать штрафы. Так, Владикавказский окружной суд, рассматривая дело о несвоевременной уплате судебных издержек жителями с. Салугардана, обвинил в этом старшину селения, указав на неисполнение им судебного предписания¹⁶⁴. В 1895 г. старшина Далакауского общества со своими помощниками взыскивал с А. К. 97 р., 60 коп. по исполнительному листу мирового судьи 5-го участка Владикавказского округа. Поскольку должник не имел таких денег, старшина конфисковал у него 56 овец и коз¹⁶⁵.

В материалах судебных дел имеются характеристики на обвиняемых, написанные старшиной по требованию суда. В архивных документах отражена информация по данным, которые подавал старшина вышестоящему начальству об указанных жителях подвластного ему селения. Так, в судебном деле об убийстве жителя селения Эльхотово Б. С. имеется требование прокурора Владикавказского окружного суда дать характеристику подозреваемого в убийстве, а также сведения об отношениях потерпевшего и подозреваемого. На данное письмо был дан ответ старшиной селения, который подробно изложил

¹⁶¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.

¹⁶² ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

¹⁶³ ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 688. Л. 1-4.

¹⁶⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 188. Л. 78.

¹⁶⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 86. Л. 3-4.

всю информацию о жителях¹⁶⁶. Обязательными пунктами интереса были религиозная принадлежность, семейное положение подозреваемого, особенно в тех случаях, когда дело было возбуждено по причине похищения девицы; имущественное положение (в случаях уплаты штрафа), а также для уплаты судебных издержек.

В случаях обнаружения скотины, на которую не было соответствующих документов и удостоверений, старшина имел основание на конфискацию животного и провести следствие. В 1901 г. старшина Хидикусского общества В. Б. отказался выдавать Дж. Г. свидетельство на перегон скота в Моздокский район, так как удостоверение на скотину оказалось недействительным. В связи с этим удостоверение было отобрано, а также было заведено дело¹⁶⁷.

В ЦГА РСО-А нами были изучены 39 судебных дел, касающихся конфликтов сельских старшин с членами общин. В основном причиной конфликтов, по мнению общинников, было превышение старшиной должностных полномочий. Например, в 1899 г. житель с. Эльхотово Г.Б. оскорбил сельского старшину при исполнении им служебных обязанностей. Он заявил старшине, что его помощник вне очереди приказал ему выставить подводу для перевозки тяжестей Лабинского полка¹⁶⁸. В 1899 г. старшина с. Заманкула Т.Дз., заметив во дворе сельского правления жителя К., имевшего при себе, несмотря на запрет начальства, кинжал, приказал ему его снять. В ответ житель оскорбил его бранными словами¹⁶⁹. К старшине Салугарданского прихода была претензия от жителя Ф., который хотел получить удостоверение о принадлежности ему лошади. Старшина оскорбил просителя и выгнал его из сельского правления. На этом основании Ф. просил привлечь старшину к уголовной ответственности¹⁷⁰.

¹⁶⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 181. Л. 5.

¹⁶⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 179.

¹⁶⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 111.

¹⁶⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп.1. Д. 99.

¹⁷⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 119. Оп. 1. Д. 157. Л. 96.

В 33 судебных делах, имеющих в архиве, приговор выносился по обвинению, звучащему следующим образом: «об оскорблении словами и действием сельского старшины при исполнении им служебных обязанностей». О случившемся составлялся протокол, в котором подробно описывалось произошедшее, перечислялись свидетели и т.д. Данные дела рассматривались Владикавказским окружным судом. Постановления суда почти одинаковые: арест при полиции на определенный срок и выплата судебных издержек. Сроки ареста – три дня, 7 дней, три недели, максимальный срок – месяц. Случаи были довольно разные. Например, 13 мая 1895 г. житель Хидикусского общества обвинялся в оскорблении старшины. Старшина обратился к нему с просьбой об отводе участка земли в пользу церкви, на что К. К. «с раздражением заметил, что пожертвовал в пользу церкви 10 рублей». В связи с вышеизложенным житель Хидикусского общества К. К., 39 лет, был передан суду по обвинению в оскорблении старшины Б. при исполнении последним обязанностей службы¹⁷¹. 5 августа 1895 г. житель селения Тулатова К. Г. обратился к старшине С. В. с просьбой выдать ему удостоверение на право ношения оружия. Старшина отказал в просьбе, потому что К. Г. в 1889 г. был приговорен мировым судьей 5-го участка Владикавказского округа к тюремному заключению за сбыт фальшивого кредитного билета, на что проситель сказал: «Ты не старшина, а вредный человек для всего общества, ты взыточник и я тебе это докажу». К. Г. был подвергнут аресту сроком на три недели¹⁷². В 1901 г. в селении Дарг-Кохе старшина Х. Д. потребовал от местного жителя Г. Т. объяснения по заявленной на него жалобе о краже фруктов из сада. В ответ на это Г. Т. сказал старшине, схватив за рукав черкески, что это «не его дело», а потом толкнул помощника старшины Б. Д. в грудь и ударил кулаком по уху сторожа сельского правления С. Р.¹⁷³ При судебном разбирательстве старшина давал пока-

¹⁷¹ ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп.1. Д. 82. Л. 10-11.

¹⁷² ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 93.

¹⁷³ ЦГА РСО-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 173.

зания под присягой и обязательно должен был представить свидетелей случившегося.

В малозначительных ситуациях на старшину подавали жалобу участковому начальнику, в более серьезных случаях – начальнику округа, который, в свою очередь, докладывал начальнику области. Из отчета участкового начальника: «при назначении сельским старшиной Т., я предполагал, что скромным своим характером, знанием русской грамоты и непринадлежностью ни к какой партии, он сумеет навести в обществе порядок и привести его в надлежащий вид»¹⁷⁴. Однако «старшина не может заставить никакого из жителей доставить дров для отопления сельской школы и сельского правления, оба здания остаются холодными, жалованье писарю не платится, денежные взыскания, требуемые окружным управлением, не вносятся»¹⁷⁵.

По резолюции начальника Терской области было возбуждено уголовное дело против бывшего помощника, старшины Христиановского Т. К. Он обвинялся в том, что, состоя в вышеозначенной должности, в ноябре 1897 г. получил заявление от жителя с. Бад Б. Г. о краже у него коровы, однако не составил об этом протокола, не донес о краже начальству и проявил полную бездеятельность, ничего не предприняв с целью розыска похищенного в с. Христиановском, куда вывели следы украденного скота¹⁷⁶.

Несмотря на высокий авторитет его должности, за халатное отношение к работе старшина мог быть подвергнут санкциям. За серьезные нарушения он мог быть уволен даже по распоряжению начальника участка. Причин к увольнению было немало. Так, строгой выговор с внесением в послужной список был объявлен старшине Зарамагского прихода за несвоевременное составление протокола по делу об ограблении И. Б.¹⁷⁷

¹⁷⁴ Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868-1904 г. / Сост. Д. А. Дзагуров. Дзауджикау, 1950. Т. 3. С. 169.

¹⁷⁵ Материалы по истории Осетии ... С. 169.

¹⁷⁶ ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 131. Л. 2-3.

¹⁷⁷ ЦГА РСФСР-А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 460. Л. 2.

Таким образом, сельский старшина являлся главным должностным лицом в сельском обществе Осетии в период общественных модернизаций. Он выполнял исполнительно-распорядительные функции, контролировал все стороны жизнедеятельности общества. Он также владел всеми сведениями о семейном положении, имущественном состоянии, религиозной принадлежности и об отсутствии/наличии судимостей всех жителей общества. Кроме того, старшина являлся посредником между административной властью и населением вверенной им территории.

Некоренные жители проживали в селении с разрешения сельского общества и начальника округа. В 1891 г. общественный сход Даргавского общества принял обратно А. Б., приговоренного за убийство к ссылке в исправительные арестантские отделения¹⁷⁸. На сходе также осуществлялись выборы лиц на общественные должности сельского управления, решался вопрос о приеме или неприеме в общество новых членов, происходило удаление вредных и порочных лиц. Последние изгонялись общественными приговорами и до их утверждения содержались на гауптвахте или в тюрьме по распоряжению начальника округа. В 1888 г. Савелий К., отбыв 2,5 года в Херсонском арестантском отделении за убийство, подал прошение в общество с. Эльхотово о принятии его обратно. Общественным приговором сельский сход данного селения единогласно удовлетворил его просьбу¹⁷⁹.

Большая часть общественных приговоров по поводу удаления порочных членов из общества касалась подозреваемых в кражах. В фонде 12 ЦГА РСО-Алании имеется более 40 общественных приговоров различных обществ Осетии по выселению членов общества за кражи¹⁸⁰.

Согласно имеющимся в архиве «общественным приговорам», которые составлял сельский сход, в его компетенцию также входили вопросы о выселении порочных лиц за пределы

¹⁷⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 21. Д. 605. Л. 12.

¹⁷⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 21. Д. 329. Л. 23.

¹⁸⁰ См.: ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3.

общества. Указанные члены общества, которые приговаривались к удалению из него по инструкции окружного начальника заключались под стражу до утверждения приговора.

Так, в 1873 г. Кадгаронское сельское общество вынесло вердикт об удалении из селения «за дурное и порочное поведение односельца» Дзадзе С. Причем общество просило заключить С. в тюрьму до удаления его из края, так как, находясь на свободе, он мог мстить обществу посредством поджога или кражи¹⁸¹.

В 1902 г. был принят Циркуляр министра внутренних дел № 13 от 6.07. «Об удалении порочных членов сельских обществ».

Сельские общества были обязаны составлять соответствующие приговоры, вносить в местное казначейство денежную сумму для обеспечения пересыльных арестантов одеждой и кормовыми деньгами высылаемых и каждого из следующих за ними членов семей со дня их перехода в распоряжение правительства до момента прибытия на новое место. Кроме того, в тех случаях, когда земельные наделы ссыльных переходили к обществам, последние обязывались принять на себя и внести в казначейство издержки на кормовое довольствие принудительно удаляемых и каждого последовавшего за ними члена семьи в продолжение 2 лет со дня передачи удаляемых в распоряжение правительства.

Сельское общество при изгнании порочного однообщинника обязано внести в местное казначейство:

1. Аванс в размере 3 р. на выдачу за месяц кормовых денег удаляемому и столько же каждому члену его семьи, изъявив желание следовать за ним.

2. Посobie на приобретение одежды для удаляемого и каждого следующего за ним.

3. В случае перехода земельного надела к обществу – пособие на кормовое довольствие удаляемого по 73 р. на человека в течение двух лет.

Касательно вопроса о принятии нового члена в состав общества, община выносила вопрос на сельский сход. Житель именовался «временнопроживающим» до тех пор, пока сель-

¹⁸¹ ЦГА РСФСР-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 563. Л. 42-42об.

ский сход официальным документом не подтверждал его членство в составе схода. Габе Ц-ев просил о причислении его к с. Ардонскому из статуса временнопроживающего: «при разделе в с. Бекан самой удобной и плодородной земли мне не выделили пая и объявили, что я некоренной житель, а временнопроживающий, и с этого времени не стали взыскивать с меня подымной подати, остальные раскладочные деньги я вношу аккуратно каждый год, а также пользуюсь покосным и пахотным паями как казенный житель»¹⁸².

Проведенное исследование подтверждает, что вопреки распространению и влиянию российского законодательства, обычай по-прежнему играл важнейшую роль в регулировании социальных разногласий. Однако обычное право подвергалось воздействию российского права, что привело к упразднению его некоторых институтов и элементов. Например, запрет обычая кровной мести, сужение круга конфликтов, которые могли быть рассмотрены третейским судом. В связи с новыми направлениями в судебной системе происходила модернизация адатного права.

Распространение российского политического, а также административного влияния на Осетию повлекло за собой трансформацию коренных институтов власти и суда. В первой четверти XIX в. российской администрацией было положено начало реформирования местной судебной системы. Для осетин и ингушей был создан судебный институт во Владикавказе. Как указывает Е. И. Кобахидзе, судейский состав формировался по сословному признаку – по одному старшине из Куртатинского и Алагирского обществ Осетии, по два представителя от тагатурцев и ингушских старшин¹⁸³. Срок полномочия судей длился один год. Владикавказский суд служил для разрешения гражданских дел согласно нормам обычного права. Следует указать, что нормы права у осетин и ингушей различались, что послужило поводом для отказа ингушей от передачи судебных дел в указанный суд. По этой причине состав суда был скорректи-

¹⁸² ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 1. Д. 305.

¹⁸³ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...»... С. 196.

рован и в него вошли представители осетинского высшего сословия.

После установления института приставства И. Н. Абхазовым, инородный суд был реорганизован во Владикавказский окружной суд. Он начал следовать общероссийскому законодательству, что исключило активное участие в нем местных представителей. Однако за ними сохранилось право обладания совещательным голосом. Владикавказский окружной суд просуществовал 6 лет по причине того, что общероссийские законы не были приспособлены в местной практике.

С 1860-1870 г. проводились реформы по трансформации судебной системы в Осетии. Вводились различные судебные уставы и начал действовать Владикавказский окружной суд с прокурорским надзором. В 1871 г., согласно судебному уставу императора Александра I, словесные суды были ликвидированы. Уголовные преступления и гражданские иски надлежало разбирать в судебных и мировых учреждениях. Сельская судебная система действовала на основе документа «Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей», который был утвержден в 1870 г.¹⁸⁴ Данный документ отражает реформирование общественного управления сельских обществ Осетии.

Судьи избирались на сельском сходе. Право быть избранным на должность судьи имели лица не моложе 35 лет, пользующихся уважением и доверием среди населения. Сход избирал 7 судей, из которых на судебном заседании должно было присутствовать не менее трех судей. Заседание суда проходило один раз в неделю.

В ведении суда находились все жители села, кроме принадлежавших к привилегированным сословиям и пользующихся особыми правами.

Согласно «Положению» сельский суд имелся в каждом обществе Осетии. Он разбирал все споры и тяжбы между жителя-

¹⁸⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 276. Л. 1-28.

ми своего общества ценою до 100 р. включительно, как о движимом, так и о недвижимом имуществе.

Споры и тяжбы, в которых одна из сторон неподведомственна сельскому суду, могли разбираться в суде, однако в таких случаях необходимо было взять расписку в том, что они добровольно соглашаются подчиниться решению сельского суда.

Сельский суд мог вынести виновным в маловажных проступках таких форм наказаний, как денежное взыскание не более 6 р., общественные работы, а также к аресту на срок до 8 дней. В случаях неоднократного вынесения вердикта, суд мог приговорить общинника к денежному взысканию на сумму не более 10 р., либо аресту или общественным работам до 12 дней. Помимо наказания, сельский суд приговаривал к возвращению похищенного имущества или к возмещению причиненных убытков, если этого требовал потерпевший. Уплаченные денежные штрафы направлялись в общественную сумму селения.

Процедура судебного разбирательства была регламентирована: жалобы подавали старшине в письменной форме. В свою очередь старшина вносил ее в книгу решений и приговоров сельского суда. Поданные иски рассматривались в порядке очереди, исключение составляли экстренные дела. Приговоры и постановления сельских судов приводились в исполнение старшиной.

Полномочия сельского суда распространялись на решения таких конфликтных ситуаций как распря между сельчанами, нарушения общественного спокойствия, запашка чужого земельного участка, порча имущества и т.п. Круг разбираемых вопросов расширился с развитием товарно-денежных отношений. Новые конфликтные ситуации, такие как денежные сделки, займы, торговые споры также разбирались на уровне сельских судов. Так, в с. Сурх-Дигора сельский суд постановил изгнать из села П. Дз, работавшего в лавке, за обмеры и обвесы¹⁸⁵. В архивных материалах встречались дела о разборе сельскими судьями случаев растраты служащим хозяйского имущества,

¹⁸⁵ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 276. Л. 25.

продажи испорченных продуктов питания, обсчитывание покупателей и т.д.¹⁸⁶

Судебное дело над лицом, более трех раз судимом сельским судом, должно было быть направлено на разбирательство мировых судей¹⁸⁷. Как указывают статистические материалы, на период с 1871 по 1897 г. в Осетии был один мировой судья на 100 тысяч человек.

В случаях совершения личной расправы, виновные привлекались к ответственности, при этом не учитывались причины самосуда и родственные отношения между конфликтующими. Такие ситуации вызывали недовольство среди осетин, так как выявлялись разные представления о преступлении и наказании между традиционными взглядами и российскими нововведениями. Убийство, совершенное на почве кровной мести не считалось преступным действием, разбойный набег на соседние общества служил формой проявления удалства и отваги. Приговоры российских судебных институтов шли в конфликт с ментальными установками народа. Такие традиционные формы наказания как мщение, бойкот и изгнание из общины, приговоры, вынесенные главной фамилии и д.р. использовалось в традиционной судебной практике довольно долго.

¹⁸⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 276. Л. 4, 5.

¹⁸⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д. 276. Л. 36-37.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

2.1. Традиционные виды конфликтов, конфликтогенные факторы и медиаторские стратегии

Виды выявленных конфликтов

Земля и недвижимое имущество (продажа, распределение, захват)

Горные пастбища – границы, плата за пользование

Скот – скотокрадство, конокрадство

Грабеж – различные формы присвоения чужого имущества с применением насилия

Воровство – различные формы кражи имущества

Ранение – случайное или умышленное

Убийство

Избиение

Оскорбительный тон и нецензурная брань по отношению к родителям и старшим

Недостойное поведение в обществе

Святотатство и богохульство

Несоблюдение или сознательное искажение традиции и обычаев

Нарушение обычая гостеприимства

Обман

Отказ от выплаты долга

Развод супружеской пары

Умыкание девушки – чужой невесты

Измена супружеская

Отказ жениха от невесты

Социально-неравные браки

Рождение ребенка вне брака

Изнасилование

Распределение имущества при разделе семьи

Анализ архивных материалов рассматриваемого перио-

да позволяет выделить несколько факторов, способствующих возникновению основных конфликтов, характерных для осетинского социума. Это, в первую очередь, преступления против личности – убийства на почве кровной мести, ранения, оскорбления чести и достоинства, прелюбодеяние, изнасилования, умыкания, оскорбления чести семьи и фамилии, нарушения обычая гостеприимства. Также следует отметить имущественные преступления – хищения, грабежи, земельные споры, также в особую категорию можно выделить преступления против власти.

По осетинскому обычному праву преступным признавалось действие, влекущее ущерб личности или имуществу. Поэтому несчастный случай, например, ничем не отличался от умышленного преступления, как не отличалось от него преступление, совершенное по неосторожности, непредумышленно, в состоянии аффекта или в порядке самообороны. Не ставился вопрос и о вменяемости виновного. Такого рода деяния также требовали наказания, предусмотренного соответствующими случаю традиционными обычно-правовыми нормами¹⁸⁸. Целью наказания являлось удовлетворение нанесенного вреда.

Выявленные меры наказания

Смертная казнь, которая как частное наказание между сторонними приводилось в исполнение по обычаю кровомщения

Наказание увечьем или ранением приводилось в исполнение по правам кровомщения за увечье и иногда за прелюбодеяние

Материальная компенсация в прежние времена были только частным наказанием, а официальное денежное наказание имеет свое начало в новейшее время

Бойкот, остракизм (*хъоды*) – изгнание на срок или бессрочно из общества либо, никто не имел права принимать его к себе¹⁸⁹.

¹⁸⁸ Кобахидзе Е.И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII-XIX вв.). Владикавказ, 2008. С. 145.

¹⁸⁹ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 268.

Яркими примерами этого служат статьи из «Описания вредных обычаев, существовавших в туземных племенах Военно-Осетинского округа до настоящего времени, в коих ныне с общего народного согласия признано полезным и необходимым сделать следующие изменения» 1859 г.

«Если во время скачки, кто – то на полном скаку сбивал кого-то насмерть, то родственники погибшего считали наездника виновным в умышленном убийстве и старались убить его. Во избежание кровной мести в результате народного разбирательства на виновника налагали кровную плату.

Если вор, пойманный на месте преступления будет убит хозяином, на чье имущество он покушался, то родственники вора преследуют убийцу, чтобы отомстить кровь убитого. По народному же обычаю они получают полную кровную плату.

Если кто – либо, пытаясь осуществить насилие над женщиной или девицей, будет ею ранен или убит при самозащите, то родственники пострадавшего имеют основание для кровной мести родителям, родственникам или мужу этой женщины, и последние по обычаю платят родным убитого или раненого полную кровную плату».

Если чья бы то ни была лошадь ударит проходящего мимо, или убьет рогатая скотина, или укусит собака и от этого удара или укушения последует смерть, то родственники принимают хозяина лошади или собаки за умышленного убийцу, которого в удобном случае стараются убить»¹⁹⁰.

Всякое преступление, влекущее смерть, влекло кровную месть. Так, в 1897 г. в с. Мизур ишак, принадлежащий Дзахоту Б. сбросил катавшегося на нем мальчика Дзаю З., и последний получил ушибы, от которого вскоре умер. В 1914 г. в с. Цей лошадь принадлежавшая Бимболату Б., ударила копытом 13-летнего мальчика Сослана Гогаева¹⁹¹.

¹⁹⁰ Приговор осетинского народа. Репринтное воспроизведение издания 1859 г. Владикавказ, 2011. С. 13-22.

¹⁹¹ Дзидзоев М. У. Общественно – политическая и государственно – правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Орджоникидзе, 1979. С. 57.

Для уголовного права осетин характерна неразделенность таких понятий, как «случай», «неосторожность», «умышленное деяние», «покушение». М. М. Ковалевский в труде «Современный обычай и древний закон» объясняет это тем, что при квалификации в расчет принимался только нанесенный вред или ущерб и совершенно игнорировалось присутствие или отсутствие в действиях виновного злого умысла¹⁹².

Несмотря на приведенные свидетельства о неразделении понятий умышленного и неумышленного убийства, преступлением считалось наказуемое деяние, направленное против личности и имущества. Форма регулирования конфликта зависела от серьезности нанесенного ущерба.

Следует учесть полевой материал, собранный в начале XX в., имеющийся в архиве. Информанты, касаясь вопроса о кровной мести, приводят причины и способы разрешения конфликта. Они указывают, что на размер компенсации влияли различные факторы: например, удар нанесен спереди или сзади. Если сзади, то размер компенсации был меньше. Если убийство произошло в результате удара палкой, то судьи значительно снижали цену крови, так как говорили что палка существует для собак, а ударивший мужчину палкой, равняет его с собакой. На этот случай есть поговорка у осетин – палка существует для собак, а не для людей¹⁹³. Цель наказания в обычно-правовой практике у осетин была аналогична таковой в правовых системах других северо-кавказских народов – возмещение нанесенного вреда¹⁹⁴.

К категориям преступлений, которые вызывали кровную месть относились убийство, рана и побои. Изучив адаты, мы можем выделить две формы примирения – так называемая «плата за кровь» и заключение брака. Существовали некоторые особенности кровной мести осетин. Одним из таких являются табуированные дни для кровной мести. Первые три дня

¹⁹² Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 93.

¹⁹³ Кокиев Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа / НА СЦИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 195.

¹⁹⁴ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...»... С. 146.

(понедельник, вторника, среда) недели Тутыра, которая совпадает с первой неделей Великого поста, месть была запрещена. В эти дни кровники занимались своими сельскохозяйственными делами вне дома, не боясь нападения со стороны враждующей фамилии. Как рассказывается в осетинском фольклоре, все почитали сурового святого Тутыра и ходили без оружия в дни, посвященные ему. Нарушитель навлекал на себя неминуемую беду¹⁹⁵.

Даже в тот период, когда уже было возможно остановить кровную месть и заменить ее выкупом и штрафами, некоторые виды преступных действий все же продолжали вызывать одно только кровное возмездие. Особо тяжкими оскорблениями, способными вызвать кровомщение, преимущественно считались те, которые касались традиционных представлений о мужской чести. Один из примеров приводит Н. Ф. Дубровин «Мужчину можно обругать как угодно, сравнить с каким бы то ни было животным – он не обидится. Но сравните его с ус – женщиною, и он примет это за тяжкую обиду»¹⁹⁶.

Непростительным унижением мужчины считались некоторые действия, например, нельзя без тяжких последствий сорвать с головы мужчины шапку и бросить ее на землю. «На такой поступок осетин обычно отвечал убийством, так как головной убор считался у горцев символом мужского достоинства»¹⁹⁷.

Оскорбительным действием служило дотрагивание до головного убора мужчины. «Шапка, по понятиям горца, вещь священная и неприкосновенная. Поэтому ни о каком другом предмете своей одежды горцы не заботились так, как о своей шапке. Горец мог ходить в рваной черкеске и рваных чувяках, но чтобы головной убор у него должен быть образцовым. Как бы беден ни был горец, но шапку всегда старался иметь отлич-

¹⁹⁵ Беджызаты Ч., Хъуылаты С. Уацмыстае. Дзæуджыхъæу, 1995. С. 108-109.

¹⁹⁶ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 339.

¹⁹⁷ Кокиев Г. А. Указ. соч. Л. 196.

ную»¹⁹⁸. Когда хотели пристыдить мужчину за трусость, ему говорили, что он не достоин носить шапку и пусть сменит ее на платок, и тогда к нему не будет претензий, предъявляемых вообще к мужчине. Шапка в глазах осетина – символ мужества, силы, отваги¹⁹⁹.

Нанесение удара палкой или плетью осетины относили к оскорблению. За оскорбление действием обычай осетин предусматривал в качестве меры наказания убийство. Конфликт в результате удара палкой редко оставался неотомщенным и был настолько редок и необычен, что надолго оставался в памяти народа. Между жителем с. Кабаново Т. Г. и жителем с. Лескен Х. Т. возникла ссора, перешедшая в драку. Т. ударил Г. палкой. В ответ на удар палкой Г. обнажил кинжал и погнался за убегавшим от него Т., который споткнулся и упал. Г. хотел вонзить ему в грудь кинжал, но когда увидел умоляющие, полные слез, глаза Т., он опустил руку с кинжалом и с отвращением произнес: «Разве такие, как ты, достойны кинжала мужчины?» С этими словами Г. вложил кинжал в ножны²⁰⁰.

Таким же унижительным оскорблением осетин считал удар плетью. Плетями били рабов, а потому свободный человек считал для себя большим позором уподобиться рабу, которого наказывали плетью.

На серьезность оскорбления чести указывал М. М. Ковалевский. «Лишение жизни или чести, как самый тяжкий вид обид, вызывало собою неограниченность мщения, т.е. убийство виновного, а если оно по обстоятельствам было невозможно – совершенное его разграбление, т.е. захват мстителем всего имущества обидчика»²⁰¹.

В сборнике адатов 1849 г. в Куртатинском обществе находим: «За разного рода обиды и оскорбления виновный дает

¹⁹⁸ Кокиев Г. А. Примирение кровников / НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 88. Л. 5.

¹⁹⁹ ПМА.

²⁰⁰ Кокиев Г. А. Примирение кровников / НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 88. Л. 9.

²⁰¹ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 60.

обиженному 3 быка, 1 лошадь с прибором и делает угощение»²⁰². Приведем еще одну статью из адатов Алагирского общества: «За разного рода обиды и оскорбления платят 5 коров и делают обиженному угощение»²⁰³.

В сборнике адатов 1866 г. описывается плата в Дигорском обществе «за удар палкой – 3 р.», «за удар плетью – 6 р.». В Тагаурском обществе: «за удар плетью или палкой плата определялась посредниками, кроме того, с виновного в пользу обиженного взыскивалась лошадь стоимостью 50 р.»²⁰⁴.

Одним из видов тяжких оскорблений для молодого человека считалось похищение его невесты после сватовства. Это расценивалось женихом как нечто крайне позорное, что могло быть искуплено только убийством похитителя чужой невесты. В похищении невесты усматривалось сознательное оскорбление мужской гордости и достоинства жениха.

Сквернословие также считалось недопустимым проступком, но к кровной мести это не приводило. Оскорбленный бранью или ругательством мог получить небольшую денежную компенсацию.

Оскорблением женщины считалось сорвать с ее головы платок. Поплатился жизнью некий К., который во время танца сорвал платок с танцующей с ним девушкой из фамилии П.²⁰⁵ Результатом стала кровная месть, которая унесла жизни нескольких людей с двух сторон.

Преступлением, которое выделялось осетинами из ряда других действий, направленных против половой нравственности, считались прелюбодеяние или сожительство с замужней женщиной. Это правонарушение по понятиям осетин было достойно смертной казни. Нарушившие семейную нравственность должны были быть убиты и в этом случае не предусматривались выкупы, которые полагались за другие виды преступных действий. Принятие их потерпевшими считалось в на-

²⁰² Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С.41.

²⁰³ Там же. С. 44.

²⁰⁴ Там же. С. 64.

²⁰⁵ ПМА.

роде позором. Поэтому при отсутствии кровомщения преследование прелюбодея вменялось в обязанность всего общества, всего селения, которое изгоняло его. Но мог быть наложен и публичный штраф в пользу общественной казны, но ни в коем случае не потерпевшего.

Позднее осетинское право предложило альтернативу в ограничении убийства только прелюбодея и изувечение жены, а затем возвращение ее в дом отца. Согласно адату, муж, застигший свою жену с мужчиной, вправе убить прелюбодея, не подвергаясь наказанию, то есть кровомщению²⁰⁶. Если прелюбодею удавалось остаться живым, то его изгоняли из селения (если он не был постоянным жителем)²⁰⁷. Законный же член общины по приговору суда обязан был выплатить в общинную кассу денежный штраф в размере от 30 до 80 р. Этот штраф мог быть заменен быком или коровой. В. Б. Пфаф утверждал, что плата в общинную казну за прелюбодеяние – это единственное публичное денежное наказание, которое было известно осетинскому праву. Серьезной мерой наказания было общественное презрение – достаточно было только подозрения в прелюбодеянии, чтобы в народе сложили песню сатирического содержания, жестко высмеивающую виновных и тем самым навсегда убивали доброе имя виновных. В архивных материалах описан случай, когда замужняя женщина покончила жизнь самоубийством, услышав от детей селения песню о себе и своем возлюбленном соседе²⁰⁸. Чтобы доказать свою невиновность, подозреваемому предлагалось оправдать себя присягой. Если он отказывался, муж имел право ранить или убить подозреваемого²⁰⁹.

Неверная жена также привлекалась к ответственности наряду с прелюбодеем. Мечь или выкупные платежи не применялись в связи с тем, что она принадлежала к семье обиженно-го. «Жену-прелюбодейку раздевали донага, сажали на осла и

²⁰⁶ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 41.

²⁰⁷ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 275.

²⁰⁸ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1 Д. 58. Л. 19.

²⁰⁹ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 44.

водили по площади или улице, на которой стояли собравшиеся родственники, причем каждый из них, и во главе всех муж, обвязаны были наносить ей удары, от которых она подчас и умирала»²¹⁰. Ту же процедуру описывает В.Б. Пфаф: «по общему мнению обвиненную сначала наказывал муж публично очень сильно, затем привязывал ее голую к ослу и пускал их через самую многолюдную улицу селения, причем муж бил плетью только осла. Дети и взрослые девушки бросали в преступницу пометом»²¹¹. Этой экзекуции нередко предшествовало обезображивание жены отрезанием ее носа и обрезанием волос. Как утверждал К. Борисович, «целомудрие жены главное достоинство женщины. Женщина нецеломудренная, если ее застанет муж на месте преступления, рискует быть убитой вместе с любовником или же непременно будет изгнана мужем, причем причину изгнания преступной жены не скрывает. Заведомое нецеломудрие девушки обрекало ее на пожизненное девичество. Если же девушка, вышедшая замуж, окажется нецеломудренной, то хотя бы она в замужестве и была нецеломудренной, непременно будет изгнана мужем»²¹². Однако здесь речь идет скорее об общественном наказании, супруг выполнял установленную обществом кару в соучастии с общинниками. Девушку, потерявшую целомудрие до брака, также строго наказывали. Ее привязывали в одной рубашке с обнаженной грудью к ослу и водили по всем улицам села, причем каждый встречный имел право бросить в преступницу комом грязи.

В 1865 г. Т. Ц. застал свою жену в доме своего соседа Л. З. Оскорбленный Ц. нанес З. две неопасные раны кинжалом; брат раненого Н. З. пытался отомстить, но сам был ранен. Суд вынес приговор согласно адату осетин, по которому он имел право убить соблазнителя жены, но не мог заменить убийство денежной компенсацией, поскольку его не убили, а только ра-

²¹⁰ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 153.

²¹¹ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 275.

²¹² Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. №1-2. С. 230.

нили. Учитывая данную ситуацию, суд вынес решение о закрытии дела²¹³.

Обязательной формой разрешения данного вида конфликта было изгнание из семьи неверной жены. Родственники жены обязывались вернуть полный калым, который был отдан им за свою жену²¹⁴. Однако только в том случае, когда указывалась основательная причина для развода, муж был вправе требовать возвращения 1/3 калыма. «Если муж разведется с женой вследствие дурного поведения последней, то получает обратно 3 часть калыма»²¹⁵. Претендовать на большую часть или весь калым он мог в случае, если не изувечил ее. Побывавший в Осетии в начале XIX в. Ю. Клапрот пишет, что если жена подозревалась в неверности, то муж мог получить только половину калыма, так как «он получил ее молодой женщиной и должен был лучше следить за ней»²¹⁶.

Основной формой разрешения конфликта в случаях изнасилования было заключение брака потерпевшей с виновным. Согласно адату обольститель должен был жениться на обольщенной и кроме того, в виде штрафа заплатить полный калым в размере 25 коров, либо 100 р. Калымом родственники могли воспользоваться в случаях, если не изгоняли из семьи обольщенную, в противном случае калым принадлежал ей²¹⁷. В случаях несогласия на брак, которое выражала сама потерпевшая сторона, обвиняемого приговаривали к тюремному заключению. В архивных материалах находим судебное дело, в котором рассказано о том, как Касполат М. уговаривал девушку выйти за него замуж, но получил отказ. Оскорбленный молодой человек, в отместку изнасиловал девицу, чем поставил ее в безвыходное положение, после чего она по настоянию родственников была вынуждена дать согласие на брак²¹⁸.

²¹³ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 321.

²¹⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 42.

²¹⁵ Там же. С. 68.

²¹⁶ Клапрот Ю. Осетины в начале XIX века // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 74.

²¹⁷ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 276.

²¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 280. Оп. 1. Д. 9.

Особо унижительными для всей семьи или патронимии считались оскорбление памяти покойников и выбрасывание надочажной цепи. Г. Кокиев считал их наиболее тяжкими видами оскорблений, наказанием за которые было убийство оскорбителя²¹⁹. У очага совершались и освящались все важнейшие события в жизни семьи, все ее начинания. Очаг служил символом единения семьи, неразрывности рода. Жертвенное животное перед закланием обязательно должно коснуться ее, чтобы быть принятым богом. Одним из важнейших свадебных ритуалов было касание невесты надочажной цепи. «Шафер является проводником невесты в место нахождения очага. Во время молитвы старшего невеста делает три оборота вокруг очага, а в конце третьего оборота прикасается к надочажной цепи рукой»²²⁰. «Надочажная цепь – посредник между человеком и небом»²²¹. Очагом, как святыней, клялись; под защиту его приходил даже враг, кровник семьи. Надочажная цепь, как принадлежность очага, сделалась также священной. Более того, она объединила в себе всю совокупность понятий об очаге, перенесла на себя целиком его значение. Но все это уже ничего не значило, если в очаге переставал гореть огонь. Неугасимый огонь означал непрерывность рода, полнокровность, целостность семьи. Жизнь прекращалась в семье, если в ней умирал последний представитель мужского пола: очаг потухал (огонь заливали водой), а цепь снималась. Создателем и покровителем цепи является небесный Сафа, отсюда он и покровитель очага, семьи и ее благополучия в целом. В былое время «при брачном обряде шафер обводил невесту вокруг очага и поручал ее покровительству Сафа», произнося при этом: «Небесный Сафа, прими ее под свое покровительство и защиту»²²².

²¹⁹ Кокиев Г. А. Нормы осетинской морали // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе, 1989. С. 54-55.

²²⁰ Шанаев Дж. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Вып.4. Тифлис, 1870. С.14.

²²¹ Кокиев С. В. Записки о быте осетин // ППКОО. Владикавказ, 2014. Т. 7. С. 529.

²²² Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX в.). Орджоникидзе, 1974. С. 157.

Домашний очаг – самое почитаемое место в жилище осетина, а надочажная цепь – его святыня. Держась за надочажную цепь, осетин произносил самую важную клятву, нарушить которую было невозможно. Л. А. Чибиров отмечает, что залить очаг водой, сорвать цепь и швырнуть ее за порог рассматривалось как преступление, смываемое кровью²²³. Жестокая месть ожидала виновного в этом случае, и только в более позднее время осетины стали соглашаться на получение вознаграждения деньгами или скотом в большом размере (от 60 до 100 р.)²²⁴. М. М. Ковалевский приводит следующее выражение, которое встречал в жалобах, поступающих в горский суд: «Он не только убил моего сына, но он же цепь швырнул за дверь»²²⁵.

На известном Дагомском суде, заседавшим на небольшой площадке около святилища *Мадизæн*, судьи выносили приговор, который считался самым суровым и равносильным смертной казни – снятие надочажной цепи и присуждение ее потерпевшему за особо тяжкое преступление, совершенное против него. По архивным материалам, *Мадизæн* был единственным судилищем, где выносилось такое суровое наказание, как снятие надочажной цепи²²⁶.

К числу самых тяжких и ничем не возмещаемых обид осетины относили оскорбления покойников. От обидчика нельзя было принять выкупа за него – только кровомщение могло смыть такое попрание чести семьи. Как уже отмечалось, принесение в жертву покойнику собаки, кошки или осла могло помешать его загробной жизни²²⁷. Если кто несправедливо обвинял кого-нибудь в воровстве и, дабы вынудить от него признание, приносил в жертву предкам на их могилах нечистое животное,

²²³ Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008. С. 569.

²²⁴ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 274.

²²⁵ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 33.

²²⁶ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1 Д. 109. Л. 36.

²²⁷ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 131.

а после выяснялось, что такое воровство учинил другой, тогда он обязан напрасно оклеветанному человеку заплатить цену крови и на могилах его предков сделать богатое угощение²²⁸.

Почти каждая этнографическая работа об осетинах содержит информацию о нормах традиционного осетинского гостеприимства. Так, например: «...даже когда чужестранец приходит в осетинское селение, где у него нет друга, он может быть уверен, что пока он там находится, с ним будут хорошо обращаться»²²⁹. «Наравне с уважением стариков и кровной мезьью у осетин в значительной степени развито чувство гостеприимства, в чем они превосходят даже черкесов. Человек, принятый в семью, рассматривается как ее член, и, как таковой, попадает под ее защиту до тех пор, пока он остается достойным этой защиты», – отмечал К. Кох²³⁰.

Обычай гостеприимства соблюдался настолько свято, что малейшее пренебрежение им вызывало негодование общества, которое обрушивало на него всю свою карающую силу. По свидетельству Ю. Клапрота, нарушение законов гостеприимства каралось даже смертной казнью. В этом случае, говорит Ю. Клапрот, «собирается все селение для суда над провинившимся, и почти всегда он осуждается на сбрасывание со святыми руками и ногами с высокого утеса в реку»²³¹.

В реальной действительности случаи нарушения гостеприимства в прошлом были крайне редки, тем не менее, за подобные нарушения адата предков, предусматривались наказания – общественный бойкот и изгнание из общины.

Следует учесть, что при исполнении норм гостеприимства, некоторые вещи касались и гостей. Например, если гости учиняли опасную драку или убийство, то домохозяин считал себя оскорбленным и требовал от виновных компенсации. Судьи в

²²⁸ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 41.

²²⁹ Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.// ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 127.

²³⁰ Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг.// ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 260.

²³¹ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 129.

таком случае могли назначить денежный штраф, который не превышал 30 р.²³²

Статья в сборнике адатов предполагала материальную компенсацию в случае конфликта с гостем. Ф. И. Леонтович указывал, что в случае нанесения обиды приезшему гостю, обидчику вменялось выплата хозяину, в чьем доме гостил пострадавший, штрафа в виде лошади с седлом, ружья и 18 коров. За убийство гостя назначалась выплата полной крови. Все выплаты отдавались обиженному гостю или родственникам убитого гостя, и сверх того убийца должен был сам примириться с родственниками убитого²³³.

Для защиты своего гостя и ради мести за причиненные ему обиды каждый осетин пожертвует последним и не успокоится до тех пор, пока не убьет убийцу²³⁴. За убийство гостя хозяин преследовал убийцу кровной мезтью. «Гостя осетин защищает как самого себя и погибает скорее сам, чем уступит врагу его тело; он берет на себя кровную мезть за него»²³⁵. Человек, принятый в семью, рассматривался как ее член и, следовательно, попадал под ее защиту до тех пор, пока оставался достойным этой защиты²³⁶. В более древние времена если гостя обижали или грабили, то судил преступника ныхас и почти всегда приговором было сбрасывание виновного со связанными руками и ногами с высокого утеса в реку²³⁷.

Несмотря на то, что осетинское гостеприимство не было самостоятельной формой разрешения конфликтов, однако оно имело непосредственное отношение к примирению враждующих сторон. Полевые материалы и фольклор сохранили случаи

²³² Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 273.

²³³ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 29.

²³⁴ Клапрот Ю. Указ. Соч. С. 160.

²³⁵ Штедер А. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП., Орджоникидзе, 1967. С. 33.

²³⁶ Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 260-261.

²³⁷ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 15; См. также: Клапрот Ю. Указ. соч. С. 127.

о гостях-кровниках. Обычай гостеприимства оберегал убийцу в доме его врагов – кровомстителей, если он вверял им свою судьбу как гость. «Каждый успевший сказать хозяину – я твой гость (*æз дæ узææ*), – писал Н.Ф. Дубровин, – принимается по-братски, хотя бы он был врагом семейства»²³⁸. «Обращение «я твой гость», – объясняет В.Ф. Миллер, – уже обеспечивает безопасность просящему убежища или защиты». Принятого в дом гостя осетин обеспечивал не только приютом, но и гарантировал его безопасность, а если возникала необходимость, то и защищал его ценою собственной жизни²³⁹.

Беглый преступник был преследуем, и если его настигали, то тотчас же убивали; если же не успевали догнать, то он скрывался в ближайшем селении в первом попавшемся доме. Хозяин дома считал своей священной обязанностью всячески защищать преступника и скрывать его. Если он выдавал его преследователям, то поступок такого хозяина считали позором всего общества, и родственники преступника преследовали его кровной мезтью. Если преследователям удавалось ворваться в дом, то между ними и хозяином начиналась смертельная вражда и кровная мезть²⁴⁰.

Но как уже отмечалось, не только убийство влекло за собой серьезные последствия.

Ранение человека входит в категорию тяжких оскорблений. При попустительстве сельского общества подобный конфликт имел тенденцию перерасти в убийство. Ситуация усугублялась еще и тем, что в рассматриваемый период каждый осетин носил при себе оружие, которое являлось неотъемлемой частью традиционного мужского костюма.

При ранениях преступность самого действия не принималась во внимание и не преследовалась; оценивалась только степень вреда и убытка, причиненного раненому. За неопасную рану, нанесенную уколом кинжала, давали молодого бычка; за более тяжелые раны без повреждения костей – уже взрослого быка или 30 р. В обязанности преступника вменялись также и

²³⁸ Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 362.

²³⁹ Миллер В.Ф. В горах Осетии. Владикавказ, 2007. С.515.

²⁴⁰ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 271.

расходы на лечение²⁴¹. По выздоровлении раненого, преступник, если они оба были из одного сословия, должен был приготовить угощение. Расходы на лечение оплачивал виновный.

Осетинское право выделяло следующие категории ранений: во-первых – ранения лица, оставляющие видимый след, и ранения прочих частей тела; во-вторых – раны без повреждения костей и раны с повреждением. Определяющее значение имело то, пошла ли кровь ручьем или нет. В некоторых местах судьи измеряли длину раны пшеничными зернами и таким образом судили о глубине раны, нанесенной уколом, и об ее опасности. О ране говорили: она имеет в длину 10, 12 и т. д. зерен ячменя. М. М. Ковалевский указывал, что за каждое зерно обидчик обязан был отдать корову, но всего не более 12 коров²⁴². Раны подразделялись на раны, делающие человека бесполезным, тяжелые и легкие. В сборнике адатов 1836 г. указано, что за раны, в зависимости от степени их серьезности, взыскивалось от 1 барана до 18 коров²⁴³. Осетинское право регулировало размер платежей и в случаях отсечения отдельных пальцев руки. Обыкновенно при этом обращалось внимание на то, делало ли поранение человека неспособным к работе или нет. Придавали особенный вес также числу ран и повреждению костей.

По архивным данным, если пострадавший лишится большого пальца, то причинивший ему вред отдает ему 5 коров, указательного – 4 коровы, среднего пальца – 3 коровы, безымянного – 2 коровы, мизинца – 1 корову. При лишении носа или руки штраф доходил до 25 коров. Данная плата была распространена в обществах Тагаурии и Куртатии. Что касается Дигорского общества, то плата была следующая: за отрубленный мизинец – 10 р., за безымянный палец – 20 р., за средний палец – 30 р., за 3 пальца – 60 р., за кисть руки – 60 р., за глаз – 100 р.²⁴⁴

²⁴¹ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 14.

²⁴² Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 310.

²⁴³ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 4.

²⁴⁴ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.

Отсечение уха воспринималось традиционным обществом не только как увечье, но как оскорбление, наносимое раненому на всю жизнь. В статье 117 сборника адатов 1844 г. указано: «за нанесенную рану платится смотря по ее опасности. У осетин платится за отрубленную руку, ногу, нос, ухо и за выколотый глаз половину того, что платилось бы за убийство. За нанесенную рану лица платится от 10 до 25 коров, за нанесенную рану на другой части тела – от 5 до 25 коров»²⁴⁵.

Если последствием раны была смерть, виновный отвечал как за убийство: «если кто умрет от раны, платится столько же, сколько и за убийство»²⁴⁶.

К увечьям, как виду тяжких преступлений, осетинские обычаи относили кастрацию, отсечение руки, ноги, носа, уха и т.д. Все эти действия наказывались одинаково – половиной платы за убийство. Граница, отделяющая ранения от увечий, определялась осетинскими обычаями далеко не строго. Раню признавалось только такое пролитие крови, которое не было связано с потерей жизни, но ранения, сопровождающиеся повреждением головы, руки или ноги, приравнивались к увечьям и наказывались как за убийство. «За руки, глаза и ноги платится столько же, как и за убийство, то есть от 18 до 36 коров»²⁴⁷. После осмотра ран лекарем и представителями сельского общества при взаимном нанесении ранений сравнивалась серьезность обеих ран; если одному было нанесено ран больше, нежели другому, то стороны удовлетворяли друг друга за каждую рану отдельно: давали средства необходимое лечение, после выздоровления платили лекарю за каждую рану. При примирении тот, кто был виновен в разжигании конфликта, делал угодение противной стороне²⁴⁸. Если раненых было по несколько человек с каждой стороны, то сравнивались раны тех и других, и ответственность несла та сторона, которая нанесла больше ран, в том числе опасных; но при этом она отвечала только за те

²⁴⁵ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 29.

²⁴⁶ Там же. С. 29.

²⁴⁷ Там же. С. 4.

²⁴⁸ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 240.

раны или за тот характер ран, которые оставались за вычетом полученных самими ответчиками.

Основным требованием при разрешении конфликта оставалась обязательная материальная компенсация пострадавшей стороне и примирение на этой основе.

Предписана была следующая форма разрешения конфликта по ранениям. Ранивший скрывался до тех пор, пока не вылечится раненый. Появление ранившего в обществе расценивалось как вызов фамилии раненого и пренебрежительное отношение к самому раненому.

Виновный был обязан нести следующие расходы: «он посылал больному гостинец, платил лекарю за визиты и лечение и раненому за раны. Обычно раненому давали мыло, меда, пшеницы, 2 баранов для улучшения содержания больного»²⁴⁹. По выздоровлении раненого виновный платил лекарю, а затем готовил угощение для примирения с раненым и угощал его с родственниками.

Родственники раненого отказывались мириться до тех пор, пока не заживали нанесенные раны: «что мириться, когда еще кровь с раны сочится»²⁵⁰. В таком случае за поссорившимися следили, чтобы между ними не возникли новые ссоры. Но как только потерпевший поправлялся, между двумя семьями начинались переговоры через посредников. Раненый выставлял трех посредников, ранивший – двух. Договаривались, что обе стороны помирятся на тех условиях, какие выставят эти 5 посредников. После договоренности участники конфликта подавали друг другу руки²⁵¹. Как правило, посредники собирались в доме виновного и пытались определить ущерб, нанесенный потерпевшему. Далее выясняли и то, по какой причине произошла ссора, и степень виновности каждого. Первое слово предоставлялось старшему из посредников, а затем следующим по старшинству. Выслушав друг друга и взвесив все обстоятель-

²⁴⁹ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 233.

²⁵⁰ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1 Д. 58. Л. 34.

²⁵¹ Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992. С. 74.

ства дела, посредники выносили свое решение. Также обращалось внимание на то, делало ли ранение человека неспособным к работе. Придавали особенное значение также числу ран и повреждению костей²⁵². Раны в те времена лечили народными средствами, которые чаще всего готовили из трав. Знахарю за подобное лечение раненого платил тот, кто его ранил. За лечение раны длиной в длину ячменного зерна знахарю платили 1 корову. Таким образом, плата была высокой. Не всякий мог внести большую плату как за причиненное повреждение, так и за его лечение, поэтому многие оставались не помирившимися.

Помимо материальных взысканий потерпевшей стороне для разрешения конфликта могли предоставить право нанесения ответного ранения, равного по тяжести нанесенного ему самому. Но при этом допускалось нанесение ранений в количестве не превышавшим того, сколько нанес виновный. Однако в большинстве случаев конфликт по ранениям разрешался удовлетворением потерпевшего материальной компенсацией.

Убийство человека так же, как и ранение, в осетинском традиционном обществе расценивалось как тяжкое оскорбление, причем нанесенное не только пострадавшему, но и всей его фамилии, которая обязана была отстоять свою честь согласно представлениям своего времени. Кровной месть считалась в случае, если убийством отвечали на убийство. Рассмотрев 30 архивных дел, можно привести причины, вызывающие убийство: похищение засватанной девушки, ссоры и драки на свадьбах и т.д.

По сведениям капитана Норденстренга об осетинском адате, «считается постыдным принять плату за кровь своего родственника, поэтому осетины почти всегда требуют кровь за кровь»²⁵³.

Среди членов семьи или фамилии в основном возникали имущественные конфликты. Главным предметом конфликта между родственниками была земля. Например, житель поселка

²⁵² Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 272-273.

²⁵³ Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Часть I. Адаты Тагаурского общества (Список Норденстренга. 1844 г.) Владикавказ, 2012. С.115.

Масачик Г. Гагиев жаловался на родного дядю, который после смерти его отца захватил два покосных участка, принадлежащих ранее его отцу²⁵⁴. Также имели место споры о земельных наделах между общинниками. На основании архивных дел можно сделать вывод, что подобные конфликты возникали в процессе деления земельных участков между коренными жителями обществ и временно проживающими. Как указывается в документах, межевые комитеты всегда распределяли лучшие земли среди коренных жителей, что вызывало недовольство среди временно проживающих²⁵⁵.

Одним из наиболее распространенных имущественных конфликтов в осетинском обществе были кражи. Обращение к вопросам, связанным с методами урегулирования дел по воровству, а также способами их профилактики, весьма актуально для выявления специфических особенностей разрешения конфликтов, характерных для осетинского общества в XIX – начале XX в. Воровство не было редким явлением в общественной жизни осетин. В обычном праве предусматривались некоторые формы разрешения этих конфликтов, имелись методы опознания вора и система материальных компенсаций в пользу потерпевшего. Уже в конце XVIII в. наблюдаются изменения в традиционной системе урегулирования вопросов, возникающих при разрешении и профилактике конфликтов, связанных с воровством.

Необходимо оговорить некоторые особенности неоднозначного отношения горцев Северного Кавказа к воровству и грабежам. Оценка в народе таких пороков не всегда была осуждающей. В сборнике адатов имеется следующий отзыв: «Горец старается счастливым и удачным исполнением грабежа обратить на себя внимание своих сородичей и приобрести имя джигита, или наездника. Воровство поэтому весьма распространено горцев, гордящихся своим хищничеством у разноплеменников»²⁵⁶. Поэтому, исследуя вопрос, необходимо де-

²⁵⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.

²⁵⁵ См.: ЦГА РСО-А. Ф. 11 Оп. 1. Д. 305; Ф. 12. Оп. 3. Д. 310.

²⁵⁶ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 19.

лать некоторые поправки на воинственный этос, веками складывавшийся на Кавказе, одной из нравственных составляющих которого было также убеждение – грабитель, не пойманный на месте преступления, «считается удалцом и хватом, которому завидуют и подражают»²⁵⁷.

Наиболее часто встречалась кража скота и конокрадство. В случаях, когда настигали вора, он бросал свою добычу и скрывался от преследователей, то этим дело и заканчивалось. При получении украденных предметов в суд не обращались и преступники оставались безнаказанными. В случае поимки вора, его передавали деревенскому старшине и приступали к судебному разбирательству. Разбирательство состояло в заявлении прошения. Украденное имущество было возвращено владельцу, а потому постановлялся публичный денежный штраф в общинную кассу: за овцу, примерно 5 р., за лошадь 30 р., за пару быков от 30-40 р., и удовлетворение за вред, причиненный при взломе. Вора часто также приговаривали к частному наказанию в пользу обокраденного за оскорбление чести. Штраф собирался родственниками преступника. В. Б. Пфаф указывал, что «если он посторонний, то у него отбирается все, что при нем есть, а если этого не хватит для полного покрытия штрафа, то он должен за недостающее каким бы то ни было образом отработать обокраденному или же деревенскому старшине. Если же сполна было уплачиваемо, то его обыкновенно отпускали на волю, потому что воровство не почиталось преступлением»²⁵⁸.

Если вор со своей добычей убегал, то вещь переходила из рук в руки. Вообще лошадей и скотину некоторое время скрывали в табуне помощника или же в лесу, а затем в удобное время отправляли на базар отдаленного селения или казачьей станицы. При отыскании украденного животного держались приметам, осматривали табуны и скотину на базарах. Обокраденный мог без всякого разговора брать свое добро, где бы он его ни нашел. Дело могло рассматриваться и судебным

²⁵⁷ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 352.

²⁵⁸ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 280.

порядком – истец клялся в суде аула с присяжниками что такая-то скотина есть его собственность, что она им не продана и не подарена никому, но что ее украли из табуна или из конюшни. Затем украденное возвращали владельцу. По получении уворованного обратно владелец не имел уже интереса преследовать вора. Если обвиняемый вор очистил себя присягой, тогда он имеет право требовать за обиду произвольно назначенный судьями частный штраф; если же невиновность его доказывалась другим способом, то истец не мог иметь никакой претензии. Например, в 1866 г. Адырхаев подозревал в краже 150 р. некоего Д-а и посадил его на гауптвахту. Вскоре после этого открылось, что деньги эти были украдены номылусом Адырхаева. Д. требовал денежного штрафа по осетинскому обычаю, но суд ему отказал, так как по обычному праву такой штраф платился только тогда, когда лицо, подозреваемое в краже, очищал от этого преступления себя присягой²⁵⁹.

Не знающий вора наводил справки, которые большей частью оставались без результата, так как у осетин воровство не считалось позорным преступлением. Потерпевший мог воспользоваться услугами доказчика (*комдзог*). Он выдавал вора и обычно принадлежал к той же группе воров или разбойников. В случае, если доказчик решался принять на себя обвинение и доказательство вины в народном суде, то получал от истца вознаграждение – пару быков примерно по 40 р.²⁶⁰ Доказчик являлся в суд и объявлял имя вора, подробно рассказывал весь ход дела о покраже. Выслушав доказчика и найдя его показания правдоподобными, суд без всяких дальнейших исследований решал допустить доказчика к присяге или нет и в первом случае – с присяжниками или без них. К присяге без присяжников доказчик допускался в случае, если он до тех пор ни в чем не был замечен и приведенные им доказательства признавались достаточно убедительными. В остальных случаях суд назначал

²⁵⁹ Пфаф В.Б. Прибавление II. Юридические случаи из практики осетинских народных судов // ССК. Тифлис, 1871. Т. 2. С. 324.

²⁶⁰ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 217.

ему из его родственников 3 присяжников. Довольно часто имело место ситуация, когда доказчика вовсе не допускали к присяге и он обязывался не только возвратить полученные деньги, но и заплатить потерпевшему полную цену украденной вещи²⁶¹.

Существовал способ разрешения конфликта, по которому у вора отбиралось краденое в пользу потерпевшего. Также в пользу хозяина за кражу в своей общине, помимо возвращения краденого, с преступника взыскивалось в 5 раз больше стоимости похищенного; и еще одна часть – для угощения всего сообщества.

Адатом предусматривалась вероятность настигнуть вора в момент совершения преступления. Так, рассматриваются варианты последствий – разрешалось бить вора, однако, в случае ранения или нанесения увечья преступнику, необходимо было заплатить за рану. Случаи убийства вора на месте преступления, потерпевший становился виновным в убийстве и обязывался заплатить кровную плату²⁶².

Реформирование традиционного суда российской администрацией еще в первой четверти XIX в. предполагало определенные изменения и в рассмотрении дел о воровстве. В 1882 г. были выработаны «Правила об имущественной охране русского населения от хищничества горцев», в 1894 г. «Временное положение о мерах удержания туземного населения Терской области от хищничества и в особенности от всяких насилий против лиц нетуземного происхождения». Действенной мерой в борьбе с ворами в приведенных документах был принцип круговой ответственности за похищение скота или другого имущества в случаях, нераскрытия виновного в тех поселениях, в которых совершилось преступление или же в поселениях, в которые привели следы похищения. Так, в судебном деле о краже лошадей в с. Заманкул суд постановил взыскать с соседнего общества с. Долакова, куда привели следы угнанной скотины, в пользу заманкульца 18 р.²⁶³

²⁶¹ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 217.

²⁶² НА СОИГСИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 35. Л. 3.

²⁶³ ЦГА РСО-А. Ф. 117. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.

В случаях, если следы не обнаруживались, то ответственность за совершенное преступление возлагалась на ближайшее сельское общество. Также имеется общественный приговор, в котором сельское поселение высказывает недовольство тем, что из-за географического расположения их общества на границе с соседним народом следы украденной скотины ведут через их земли, а им за это приходится отвечать²⁶⁴.

Благодаря постановлению об ответственности общины за преступление, она преследовала воров и передавала их суду. Селениям, которые славились количеством воров, предлагалось выдать начальству самых отъявленных из них. Это происходило тогда, когда случаи воровства учащались. Выданных таким путем воров ссылали административным порядком в Сибирь. Так, жителя с. Новая Саниба Владикавказского округа У. Ц. как «вредного для общественного спокойствия» заключили под стражу²⁶⁵.

В архивных материалах сохранились судебные дела, связанные с воровством. Большая часть заявлений касалась кражи скота и лошадей. Судя по протоколам судебных дел, жалоба подавалась старшине общества. Он со своим помощником отправлялся во двор потерпевшего, где осматривал место происшествия. Если удавалось найти следы украденной скотины, то обычно старшина с караульными отправлялись в погоню. Если следы приводили в другое селение, они связывались со старшиной данного селения, который должен был помочь найти пропажу на своей территории. Первыми подозреваемыми были жители селения, которые находились под следствием, а также временнопроживающие.

Разбирательство дела проходило на уровне старшины общества или селения, который по окончании дела в письменном виде докладывал о произошедшем прокурору Владикавказского окружного суда. Старшина со своим помощником, писарем и авторитетными мужчинами селения приступали к судебному разбирательству. Если вор был пойман на месте преступления

²⁶⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 188. Л. 213.

²⁶⁵ ЦГА РСФСР-А. Ф. 119. Оп. 1. Д. 199. Л. 10.

или его личность не требовала опознания, то разбирательство состояло в заявлении прошения, допросе свидетелей и составлении приговора. Роль старшины в расследовании судебного дела была очень важна. Зачастую исход разрешения конфликта зависел только от него. Так, старшина Кадгарона был уволен с должности по жалобе сельчан, которые утверждали, что «за последнее время увеличились кражи, а обнаружение воров стало почти невозможным»²⁶⁶.

Для опознания преступника была выработана система мер, предполагавшая выявление его личности. Бытовали самые разнообразные методы опознания, которые могли варьироваться в зависимости от обстоятельств кражи и размера пропажи. В первую очередь это были свидетельские показания очевидцев, а также подозрения потерпевшего. Если эти методы не разрешали конфликта, то обращались к самой верной и распространенной форме опознания вора – присягательству. Чтобы принять очистительную присягу, подозреваемый должен был найти присяжников. По мнению В.Б. Пфафа, «грабителей не поддерживали под присягой даже в случае, когда были убеждены в невиновности обвиненного в воровстве»²⁶⁷. У Б. Б. была отобрана лошадь, так как старшина подозревал его в неблаговидном ее приобретении, то есть в краже. Подозреваемый не доказал принадлежность, а также не смог найти поручителей. Он не смог доказать своей правоты, а также не сумел найти свидетелей факта покупки лошади. Подозреваемый пытался подтвердить этот факт посредством подложного удостоверения²⁶⁸.

Следует отметить, что присягу мог принять как подозреваемый, так и хозяин украденного. Из архивных дел следует, что украденную скотину скрывали в табунах, а затем отправляли на базар соседних обществ или казачьих станиц. Потерпевший давал полное описание украденного животного, и если он не мог опознать свою скотину среди табуна, то ему

²⁶⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 188. Л. 113.

²⁶⁷ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 279.

²⁶⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 188. Л. 234об.

необходимо было принять присягу при свидетелях, доказывающую его правоту.

Позже (в середине XIX в.) обвиняемый, «очистивший» себя присягой, не только оправдывался, но и имел право требовать за обиду произвольно назначенный судьями частный штраф. К примеру, в 1866 г. из дома А. во Владикавказе украли 150 р. А. подозревал соседа Д., которого посадили на гауптвахту. После этого оказалось, что деньги были украдены женой А., и Д. отпустили. Д. потребовал денежное вознаграждение. Однако суд отказал ему, так как по обычному праву такой штраф платился тогда, когда лицо, подозреваемое в краже, очищало себя от преступления присягой²⁶⁹. В случае если его невиновность доказывалась другим способом, истец не мог иметь никаких претензий.

Для выявления вора могли прибегнуть к ритуальному действию: в поминальный день на третьей неделе великого поста потерпевший являлся на народное собрание – *ныхас* – с кошкой или собакой и громко заявлял: «Эту собаку я сейчас зарежу в поминовение покойников того, кто украл у меня телка, и кто, зная вора, не укажет его». «Не делай этого, – отзывался всегда виновный, – не пропадет твое добро»²⁷⁰. После этого виновный обычно выплачивал полную стоимость украденного или возвращал его.

Житель с. Даргавс, заподозренный в воровстве, должен был принять присягу. Вместе со старшиной и потерпевшим он отправился в святилище, но по дороге передумал и уплатил обворованному цену украденного²⁷¹.

Имеется описание нескольких способов определения вора. Например, жители одного поселка прибегали к следующему способу: потерпевший заявлял на общественном сходе о пропаже. Жителям предписывалось принять присягу. Присягу принимал старший фамилии, принося на место присяги кин-

²⁶⁹ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 324.

²⁷⁰ Хетагуров К. Л. Особа. Этнографический очерк. Владикавказ, 1999. С. 14.

²⁷¹ Терские ведомости. 1902. № 110.

жал, пистолет, топор или нож. При принятии присяги вещи возвращались, причем тот глава семейства, который подозревал кого-нибудь из своей фамилии, не брал своей вещи. По ней потерпевший узнавал вора и заставлял его выплатить добровольно стоимость украденной вещи, не доводя дело до суда²⁷². У жителей Дагома была своя вариация выявления вора. Потерпевший объявлял на сходе о пропаже и просил «дать цъынды». Это означало дать в залог какую-либо вещь, например, кинжал, ремень, газырницы, винтовку. Все это собиралось и относилось к святилищу. Затем, один из старейшин произносил: «Святой Георгий! Покарай того, из-за кого мы были вынуждены сюда явиться. Аминь.» (перевод наш – Т. Д.). Далее каждый общинник подходил к святилищу и забирал свой залог. Как указывает в своем рассказе информант, виновный никогда не подходил к святилищу и не забирал свой залог, обычно он убегал, чем преступление и раскрывалось. После возвращения уворованного и примирительной процедуры, он забирал свой залог²⁷³.

Как и во многих других, уже оговоренных случаях, в каждом обществе Осетии существовали разные подходы к определению размера компенсаций ущерба. В выписке о нравах и обычаях горцев Владикавказского округа 1849 г. содержится информация о решениях медиаторских судов. В ней указывается, что в Куртатинском обществе Осетии за каждую украденную вещь или скотину вор платит всемеро больше стоимости украденного. В Алагирском обществе «за воровство лошади, быка или вещи изблеченный должен уплатить всемеро, за скотину – скотиной, за вещь – деньгами»²⁷⁴. В Тагаурском обществе за кражу лошади, быка и коровы платили втрое больше их стоимости, в случаях кражи баранов – всемеро больше²⁷⁵.

Воровство не приравнивалось к самым тяжким преступлениям, кровную месть оно влекло за собой крайне редко. В тех

²⁷² Казбек. 1903. № 17-18 // ППКОО. Цхинвали, Кн.3. 1987. С. 254.

²⁷³ Баракова Е. Этнографические записи // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64. Л. 19.

²⁷⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 42.

²⁷⁵ Там же. С.41.

случаях, когда вор, «найденный на преступлении, будет убит хозяином, чье имущество намеревался воровать, родственники вора преследуют убийцу и стараются отомстить за кровь убитого»²⁷⁶. Впоследствии судьи обращали внимание на то, что всякий грабитель, готовясь к проступку, всегда должен был предполагать столкновение с хозяином дома, на имущество которого он покушался. В случае, если первый был убит, не успев использовать свое оружие для самозащиты, то второй подвергался взысканию уже не по обычаю, а по закону.

Ввиду того, что вор, прежде чем украсть что-либо, пользовался гостеприимством людей общества, то российская администрация, пытаясь их контролировать, ввела требование, чтобы каждый путешественник имел при себе паспорт. Так, для жителей Терской области был установлен порядок временного отлучения от своего постоянного места жительства. Согласно пункту 12. Ст. 36 «Положения о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей» в обязанности сельского старшины входила выдача билетов на отлучку жителя селения в районе своего округа на срок до 1 месяца²⁷⁷. Позднее данный пункт «Положения» был отредактирован ввиду основания, что сельские власти из-за боязни мести беспрепятственно выдавали различные билеты. В 1891 г. был издан приказ № 37, согласно которому вводились правила о выдаче паспортов в Терской области. Лица, которые находились в надзоре обществ или полиции по судебному приговору, запрещалось выдавать паспорта на отлучку. Сельским должностным лицам разрешалось выдавать документ на кратковременную отлучку в соседние селения и на городской базар. В случаях требования продолжительной отлучки для промысла или работа на срок от 1 месяца и более в различные места об-

²⁷⁶ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С.21.

²⁷⁷ Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей. Владикавказ, 1871. С. 9.

ласти, паспорта выдавались начальниками округа²⁷⁸. Билетная система и паспортизация не всегда себя оправдывала, так как и владеющие паспортами не всегда оказывались благонадежными²⁷⁹. Закон об уголовной ответственности лиц, принимавших у себя лиц без паспорта, подрывал закон гостеприимства и подвергался осуждению жителей.

Во Владикавказе была учреждена базарная полиция для предотвращения продажи украденной скотины. Каждый продающий скотину должен был снабдить ее маркой, т.е. зарегистрировать. В архивных материалах имеется образец удостоверения. В нем содержалась информация по продаваемой скотине. Обязательными пунктами для заполнения были фамилия, имя владельца животного, приметы скотины – масть, возраст, состояние ушей, рогов, тавро, а также отсутствие болезни. Данный документ заверялся печатью и подписью старшины селения.

Во избежание воровства и продажи украденной на больших дорогах скотины местные власти контролировали проходящие через селения табуны. Табунщик должен был быть снабжен бумагой, где выставлялось количество голов в табуне. Так, при разборе дела о пропаже скотины из табуна у его хозяина потребовали документ о принадлежности скотины к табуну. Поскольку соответствующей бумаги у табунщика не было, к нему были применены штрафные санкции²⁸⁰.

Также имел место и публичный штраф в пользу общинной кассы. Если раньше обкраденный обходился с пойманным вором, как ему было угодно, то теперь община являлась посредником и требовала компенсации со стороны виновного вора и в пользу общины. По свидетельству В.Б. Пфафа, денежный штраф в общинную кассу был следующий: за украденную овцу – 5 р., за лошадь – 30 р., за пару быков – от 30 до 40 р.²⁸¹

²⁷⁸ Правила о паспортах для туземцев Терской области // Терский календарь на 1894 год. Владикавказ, 1893. Вып. 3. С. 61-63.

²⁷⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 188. Л. 216.

²⁸⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 120. Оп. 1. Д. 188. Л. 216.

²⁸¹ Пфаф В.Б. Указ. соч. Т. 2. С. 280.

Если раньше вору было достаточно вернуть украденное или его стоимость, то в описываемый период при разборе судебного дела виновный подвергался следующим расходам: возмещение украденного, штраф в пользу общины, а также судебные издержки. Из этого следует, что в XIX – начале XX в. штраф за воровство взимался в несколько раз больше, чем в традиционный период.

В 1879 г. собрание выборных от сельских обществ выработало «Общественный приговор». В пункте 6 данного приговора говорится: «изобличенные и наказанные по суду члены осетинского общества за кражу, разбой, грабеж, мошенничество, подрезание жил и хвоста у скота, поджог сена, всякого рода зданий и тому подобные преступления, подсудные общим судным и мировым учреждениям, сверх определенного судом наказания подвергаются денежному штрафу в размере 50 р., каковы обращаются в общественную сумму. Кроме того, преступников, изобличенных в воровстве, поджогах всякого рода и подрезание жил у домашнего скота, высылать административным порядком из края навсегда»²⁸².

Несмотря на то, что в системе традиционных ценностей осетин воровство не считалось достойным занятием, в то же время оно не было и однозначно принимаемым, а потому перешло в категорию преступлений и подлежало наказанию. Все те меры, которые применялись российской администрацией в области уголовного права, были направлены на сохранение стабильной жизнедеятельности социума, искоренение скотокрадства, которое прежде не являлось отрицательным явлением в осетинском обществе.

2.2. Кровная месть: мотивы и примиренческие процедуры

Кровная месть – социальный институт, который являлся последствием конфликта, а также реакцией потерпевшей сто-

²⁸² Новое обозрение. 1899. № 54.

роны исходного конфликта. Месть за убийство не являлась мостью по приговору суда, а мостью, осуществляемой по инициативе самих потерпевших. Интерес к обычаю кровной мести обусловлен несколькими факторами. В первую очередь, это был социальный институт, который регулировал внутриобщинные отношения осетин. Все общинники были осведомлены о последствиях убийства, о наказаниях, распространявшихся на всю фамилию. В то же время исследователи данного обычая считают его важнейшим социальным регулятором защиты личности и имущества свободного человека. Все путешественники, побывавшие в Осетии, отмечали наличие обычая кровной мести и освещали различные его аспекты. Так, Ю. Клапрот пишет: «Кровная месь, распространенная вообще по всему Кавказу, соблюдается также у осетин с чрезвычайной строгостью, так что редко случается, чтобы от нее можно было откупиться»²⁸³. М. М. Ковалевский, исследуя обычное право осетин, посвятил параграф проблеме кровной мести в труде «Современный обычай и древний закон». Автор сравнивает причины и способы мести с законодательствами других народов, в частности, он приводит Салическую правду, Чешское право. Исследователь утверждает, что осетинское уголовное право способно служить иллюстрацией к любому из арийских законодательств²⁸⁴. «Кровная месь, этот страшный закон, который зачастую бушует между двумя семьями в течение столетий, получил у осетин свое самое высшее развитие, и каждый, самый незначительный проступок напоминает о нем. Если у черкесов только кровь искупается кровью, то за любое оскорбление, нанесенное осетину, должна быть пролита кровь»²⁸⁵.

О том, насколько сильно была распространена кровная месь в Осетии, говорят фольклорные источники, полевые материалы. В них сохранились данные о существовании некогда

²⁸³ Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 160.

²⁸⁴ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 4.

²⁸⁵ Клапрот Ю. Указ. соч. С. 161.

больших фамилий, представителей из которых на сегодняшний день в Осетии нет по причине их истребления в результате мести.

Несмотря на довольно широкое распространение кровной мести, стоит указать, что кровные отношения отличались от враждебных наличием убийства во время конфликта. В случаях если произошло убийство, то вне зависимости от того, будет совершено ответное убийство потерпевшими, стороны имели статус кровников. На это указывал К. Борисевич: «месть без убийства не есть кровная месть. Кровной мезтью называется месть тогда, когда мстят убийством за убийство»²⁸⁶. Враждебные отношения были характерны для участников различных конфликтов, большая часть которых регулировалась медиаторами возмещением ущерба.

Ответное действие в качестве мести выражалось в различных преступлениях, наносящих ущерб обществу. Исследуя адаты, касающиеся кровной мести, можно выявить причины, вызывающие ее, – убийство, похищение девушки, прелюбодеяние, оскорбление как мужчин, так и женщин. Оскорбления, способные вызвать кровомщение, т.е. особо тяжкие, касались преимущественно традиционных представлений о мужской чести. Например, нельзя было без последствий сорвать с головы мужчины шапку и бросить ее на землю. «На такой поступок осетин обычно отвечал убийством, так как головной убор считался у горцев символом мужского достоинства»²⁸⁷. Шапка в глазах осетина – символ мужества, силы, отваги²⁸⁸. Нанесение удара палкой или плетью осетины считали оскорблением, за который обычай осетин предусматривал в качестве меры наказания убийство.

При рассмотрении вопросов кровной мести интерес представляют следующие сведения В.Б. Пфафа, который изучал

²⁸⁶ Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. № 1-2. С. 253.

²⁸⁷ Кокиев Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа / НА СЦИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 195.

²⁸⁸ ПМА.

обычное право осетин: «Кровная месть, т.е. смертная казнь за убийство, по осетинскому коренному праву, назначалась непременно в следующих случаях: за обдуманно-коварное убийство, совершенное из корыстных побуждений; за обдуманно-открытое убийство во всех его степенях; за чисто случайное убийство во всех тех случаях убийства, которые называются «убийство из чувства самосохранения»²⁸⁹. В 1906 г. в с. Нозгин умалишенный Поро А. нанес камнем ушиб в голову мальчика Хачяша К. Через месяц мальчик скончался. В день похорон старший брат убитого – Царай К. убил Цига А., считавшегося самым авторитетным из фамилии А-ых. Данный пример характерен еще и тем, что при осуществлении акта кровной мести осетины нередко старались убить не самого убийцу и даже не ближайшего его родственника, а наиболее почетного и авторитетного из фамилии, ибо при решении вопроса посредниками о примирении кровников имело значение не только равное число убитых, но и личность убитого²⁹⁰.

Кровная месть у осетин, как и у других горцев Северного Кавказа, часто вынуждала кровников искать убежище в других районах Осетии и даже за ее пределами. Если преступник не надеялся на свои силы, на то, что сможет выдержать все нападки и преследования своих кровников, он вместе со своей семьей переезжал в другое село, в другое ущелье, из Южной Осетии в Северную или наоборот. Б. А. Калоев связывал переселение большого числа осетин-иронцев в Дигорское ущелье и, наоборот, перемещение многих дигорцев в иронские ущелья главным образом кровной мезтью²⁹¹.

Необходимо брать в расчет нравственные категории горской морали, согласно которым убийство человека на почве мести было не преступлением, а своеобразным долгом, делом чести, только свершив которое, горец мог вновь общаться с

²⁸⁹ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 271.

²⁹⁰ Дзидзоев М. У. Указ. соч. С. 57-58.

²⁹¹ Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1967. С. 187.

людьми, уверенно чувствовать себя в обществе. Отомстивший родственник, кровомститель (*тугисæг* – букв. «берущий кровь») ²⁹² пользовался уважением в общине, он повышал свой личный авторитет и авторитет семьи. К. Кох описывает нам поведение кровника: «Днем и ночью размышляет исполнитель кровной мести о подходящем случае для выполнения своего приговора. До тех пор он избегает игр своих друзей, не принимает участия в опасных разбойничьих набегах для того, чтобы не потерять зря свою жизнь, которая для него теперь особенно дорога; он покидает семейный очаг и устремляется на простор с мыслями об убийстве, которые одни теперь его занимают... страшно смотреть на человека, который в течение года вынашивает в себе мысль об убийстве и не осмеливается от нее отказать, пока убийство не совершено. Когда это ему, наконец, удастся, он радостно возвращается в отцовский дом и приносит в жертву на могиле искупленного козу или овцу... Мститель возвращается снова к своим и его встречают с большим ликованием. Для него начинается новая жизнь, он предается опять веселью... Но теперь он сам обречен на смерть, так как, ближайший родственник убитого – мужчина должен мстить за его гибель. Но это не печалит его и, не заботясь о будущем, радуется уважению, которое ему высказывают» ²⁹³.

Длительное существование обычая кровной мести обуславливалось религиозными верованиями, в частности, культом предков. По традиционным воззрениям, убитый требовал от родственников не только пищи и одежды, якобы необходимых ему на том свете, но и мести за кровь. Убитый не мог попасть в рай прежде, чем его кровь не будет отомщена кровью убийцы. В более ранний период, поймав убийцу, мстители убивали его на могиле жертвы, якобы для того, чтобы напоить ее кровью.

Обычай кровной мести регулировался целым рядом норм и предписаний, касающихся поведенческих форм потерпевшей и виновной сторон.

Как известно, существовал определенный круг лиц, имею-

²⁹² Абаев В.И. Указ. соч. Т.3. С. 313.

²⁹³ Кох К. Указ. соч. С. 257.

щих право мстить. По осетинскому праву право наказания принадлежало только обиженному и его родственникам. «В старые годы, говорит Н. Ф. Дубровин, – привезши в дом труп убитого, родственники его мазали себе лоб, глаза, щеки и подбородок кровью, истекавшей из его раны, заклиная в то же время друг друга отомстить за его смерть»²⁹⁴. Родные братья и близкие родственники иногда бросали жребий, и тот, на кого он падал, должен был смыть кровь брата, т.е. убить убийцу или кого-нибудь из его близких родственников²⁹⁵. Фольклорные материалы содержат сведения о том, что в более ранний период родственники по материнской линии принимали участие в мести. Получается, что в кровную месть вовлекалось 4 фамилии.

Обозначим круг лиц, подвергавшихся кровной мести. Ими являлась вся мужская часть фамилии, в том числе и мальчики с 11 лет. Мечь распространялась на всех родственников убийцы. Несмотря на отсутствие ограничения в выборе жертвы, мститель пытался найти убийцу. В одной из работ по изучению кровной мести осетин автор пишет: «Мстить по обычаю можно родственникам: восходящим, нисходящим, единокровным и даже однофамильцам убийцы»²⁹⁶. Принадлежность к фамилии налагала на отдельное лицо известные обязательства и наделяла его в то же время известными правами. Правонарушения, направленные против того или другого из однофамильцев, считались обидой для всей фамилии и являлись поводом к осуществлению кровной мести любым из его членов. Мечь распространялась на всю мужскую часть обеих сторон исходного конфликта. В период второй половины XIX – начала XX в. по тем примерам мести, которые у нас есть, она распространялась на мужскую часть фамилии убийцы. Не встречаются примеры распространения на детей, женщин и стариков.

Мужская часть потерпевшей стороны (*тугагур* – ищущий

²⁹⁴ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 359.

²⁹⁵ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 88. Л. 13.

²⁹⁶ Каргиев Б. М. Обычаи и обряды осетин дореволюционного периода // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 312.

случая отомстить за кровь)²⁹⁷ обязана была мстить за однофамильца, мужская часть виновной стороны несла ответственность за убийцу. Однако друзья помогали в поиске убийцы, в выплате материальной компенсации и т.д. Героиня одной легенды, девушка Хорчег, отомстила за смерть семерых братьев тем, что убив врага, выпила за каждого своего убитого брата по чаше крови. Как гласит сказание, от этого она умерла сама, однако «вернула свою кровь»²⁹⁸.

В архивных материалах содержатся сведения, что кровники обычно старались убивать из мести лучшего из фамилии, но это практиковалось в тех случаях, если нельзя было найти самого убийцу. Известен случай, когда житель селения Цамад Дагомского прихода Д. Б. во время ссоры с Г. Ч. был ранен и от полученных ран скончался. В тот же день брат убитого М. Б., не найдя преступника, отправился в п. Зинцар, где, как ему было известно, жили родственники убийцы, чтобы отомстить за смерть брата. Встретив родного племянника виновного, который ни о чем не подозревал, М. Ч. выстрелил в него, а затем нанес ему удар кинжалом²⁹⁹.

Касаясь данного аспекта, Л. Л. Штедер уточнял: «...вот почему вся фамилия попадала в осадное положение, и если противники были сильнее, то без вины виноватые никуда не показывались, пашни, сенокосы их оставались невспаханными и нескошенными; хлеб, если он еще был на корне, выкашивался или вытаптывался, скотина их падала под выстрелами и ударами шашки...»³⁰⁰. Институт, трансформируясь, выработал некоторые правила – с целью ограничения распространения мести если был убит хоть один с противной стороны, то дело тем и кончалось, кровь была смыта кровью.

²⁹⁷ Абаев В.И. Указ. соч. Т. 3. С. 311.

²⁹⁸ Собиев И. Дигорское ущелье // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58а. Л. 30.

²⁹⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 22. Д. 469. Л. 4-4об.

³⁰⁰ Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 39.

Женская часть семьи и фамилии не подвергалась кровной мести. Однако женщины виновной стороны тоже придерживались определенных поведенческих регламентаций – не ходили на мельницы, которые посещала потерпевшая сторона, а в случае встречи – отходили в сторону, уступали дорогу. Ценные добавления к сказанному содержатся в работе М. А. Мисикова: «Из-за кровной мести женщин никто не беспокоил; но женщины двух враждовавших фамилий между собой не общались, не разговаривали и даже не смотрели друг на друга. Я ни разу не помню и не слышал от стариков, чтобы жертвой мести сделался мальчик, женщина или беспомощный старик. Что касается остальных, то здесь уже не считаются, будут ли они безоружны или при оружии, а при всяком удобном для себя случае будут стараться убить»³⁰¹.

Убийца действительно обычно уезжал в другое село, где искал покровительство в какой-нибудь семье, которая брала на себя обязательство оберегать его от врагов. Чаще всего он не выходил из дома, но в случае крайней необходимости хозяин сопровождал его с оружием, готовый к сражению и к защите своего гостя. В 1879 г. некоего Х. Ц. арестовали за убийство односельчанина. Однако фамилия Х., опасаясь кровной мести, переехала под защиту фамилии С. в с. Христиановское. Выселились все мужчины и дети мужского пола и прожили долгое время у фамилии С., которая, в свою очередь, отвечала за безопасность гостей³⁰². Кроме того, убийцу охраняли его двоюродные братья по матери, их родственники и его друзья. Но и тому, кто выслеживал кровника, тоже должны были помогать братья убитого по матери, их родственники, его племянники и друзья.

Комплексом поведенческих норм также предусматривались встречи убийцы с мстителем. Виновный мог гарантированно избежать смерти в случае, если воспользовался правом убе-

³⁰¹ Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ, 2011. С. 81.

³⁰² Собиев И. Дигорское ущелье // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58а. Л. 81.

жища в святилищах – *дзуарах*. Согласно адату убить кровника считалось позорным, если он, ища спасение, скрывался в доме своего противника или в святилище³⁰³. «Древние христианские церкви, которые встречаются в осетинских горах, и стены, которыми они окружены, являются убежищами для преступника или спасающихся от мести»³⁰⁴.

Институт молочного родства мог послужить гарантом спасения жизни виновному. Прикосновение к груди матери убитого означало усыновление чужого человека в качестве ребенка, брата или родственника. Если был убит единственный сын, то молодой убийца бежал с кинжалом к матери убитого и принуждал дать ему грудь³⁰⁵. Данный обряд иногда сопровождал и процедуру примирения. Во время примирения с матерью убитого, она могла сама быть инициатором «усыновления», обнажив грудь и разрешив прикоснуться к ней губами убийце.

Существовали различные способы прибегнуть к защите сильных покровителей, то есть к защите представителя высшего сословия. Один из них описан в газетной статье: «Если осетин, находящийся в какой-нибудь опасности, прибежал в дом человека из высшего сословия и, достав принадлежащую ему шапку, надевал ее, то это знак, что он прикрыл себя его могуществом; он принимался под защиту всей его фамилии, и после этого убить и обидеть его значит убить или обидеть одного из членов фамилии, под чье заступничество он попал. Такое покровительство приобреталось еще 2 способами: если преступник, входил в дом сильного человека и брал в руки надочажную цепь, висящую над домашним очагом, обвивал ее вокруг шеи, то это был знак, что он вверял свою судьбу воле хозяина дома, а потому надеялся получить его верное покровительство и заступничество от гонений. Еще один вид получения покро-

³⁰³ Каргиев Б. М. Указ. соч. А. 24.

³⁰⁴ Беланже Ш. Путешествие в восточную Индию в 1825-1829 годы // ОГРИП. 1967. С. 215-216.

³⁰⁵ Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной зоны крепости Моздок во внутренний Кавказ. 1781 год. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3А. Л. 8-9.

вительства – встать на колени пред сильным человеком и накрыть полой платья свою голову и произнести: «отдаю свою голову под твое покровительство»³⁰⁶.

Есть сведения о том, что мщение считалось состоявшимся, когда ухо убийцы зарывалось в могилу убитого³⁰⁷. Осетин, – по словам Ю. Клапрота, – спешит на могилу убитого родственника, чтобы громким голосом оповестить его об исполнении им своего долга. «Я убил твоего убийцу», – говорил он в этом случае в своем обращении к покойнику³⁰⁸. В статье «Из записок об Осетии» Н. Берзенов сообщает, что «самый близкий родственник убитого наследует долг – рано или поздно умертвить убийцу своего родственника. Впрочем, удовлетворение ограничивается нередко тем, когда удается отрезать виновному ухо, которое затем с большою торжественностью зарывается в могилу убитого»³⁰⁹.

Убийство виновного могло быть заменено ритуалом посвящения убийцы убитому, во время которого на могиле убитого символически проливали кровь убийцы, надрезая ему ухо, или убивали. Акт этот назывался *фæлдисын* – посвящение мертвому – и считался позорным не только для самого посвященного, но и для всей его фамилии³¹⁰. По верованиям осетин, посвященный человек служил на том свете конем убитому. «Обрезывание ушей и принесение их на могилу осталось только в делах кровомщения, и тогда отомщенный получает для прислуги себе на том свете раба в лице того, кто за него убит»³¹¹. Между жителями с. Едиси Южной Осетии фамилиями Б. и Дз. 8 лет велась вражда, несмотря на то, что убийца из фамилии Б. был пойман

³⁰⁶ Этнографические заметки из кавказских газет, выявленные Цибуриным Г. И. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92. Л. 40.

³⁰⁷ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 361.

³⁰⁸ Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 7.

³⁰⁹ Берзенов Н. Из записок об Осетии // ППКОО. Цхинвали, Т. 1. 1981. С. 128.

³¹⁰ Калоев Б. А. Указ. соч. М., 1967. С. 293.

³¹¹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 349.

и отбывал наказание, Дз. отрезали ухо одному из представителей фамилии Б. и зарыли в могилу убитого. Однако, не стерпев такого унижения, фамилия Дз. ответила тем же³¹². Такой способ урегулирования применялся в редких случаях, когда совершенное убийство рассматривалось как особо тяжкое преступление. В фольклорных материалах содержится история о том, как М. Л. за убийство А. А. поймали кровники, отвели на место, где он убил своего оскорбителя и, посвятив его покойному, убили³¹³ (перевод наш – Т. Д.).

Самопосвящение (*хифæлдисын*) избавляло преступника и его родственников от кровной мести, но он принимал по отношению к ним и покойнику известные обязательства, в числе которых было и совершение поминок³¹⁴.

В некоторых случаях служило гарантом спасения убийцы существование в осетинском обществе определенных поведенческих установок в период кровной мести. Несоблюдение определенных норм, отклонение от «правильного» поведения на допримирительном этапе вызывало в обществе недовольство и могло привести к бойкоту (*хъоды*) со стороны общинников.

Примеров применения кровной мести в среде осетин достаточно много. Богатый материал содержится в периодической печати и архивных документах. «Во время моего путешествия по Осетии мне было показано, как я говорил выше, место в Джави, где была совершена кровная месть, и я подробно узнал причины убийства. Это уже была пятая жертва мести за период 40-50 лет, имевшая место между двумя семьями. Погибший убил 20 лет тому назад отца убийцы, своего старшего брата, который в свою очередь собственной рукой совершил убийство дяди этого убийцы. Причиной всех этих несчастий было похищение и обесчещение девушки»³¹⁵.

³¹² Новое обозрение 1889. № 1905 // ППКОО. Цхинвали, 1982. Т.2. С. 139.

³¹³ Ирон адамон сфæлдыстад. Владикавказ, 2007. Т. 1. С. 704.

³¹⁴ Ковалевский М.М. Указ. соч. Т. 2. С. 51.

³¹⁵ Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг.// ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 255.

Поссорились между собою жители Оцонога Б. Х. и Т. Е. Ссора перешла в драку и последний убил первого. Получив об этом известие, брат убитого, находившийся в соседнем селении, со своими товарищами выезжал на его похороны и встретил двух неизвестных, разговорившись с которыми он узнал, что один из них родственник убийцы его брата. Он схватил винтовку и уложил А. на месте. Владикавказский окружной суд приговорил убийцу к лишению всех прав состояния и к ссылке на каторжные работы на 4 года³¹⁶.

Житель с. Нузал Евгений Б., встретив на дороге Д. Б., с которым находился во вражде, убил его ударом кинжала. Брат убитого, узнав об этом происшествии, хотел задержать убийцу, но также был убит. За братьев отомстил третий, выстрелив из берданки в Б.³¹⁷

В с. Ольгинском на почве кровной мести было убито 4 человека. Причиной было похищение девицы Х. В результате ссоры был убит дядя девушки. Не стерпев такого, брат похищенной, убедив жениха в своих благих намерениях, приехал в село и убил его, выстрелив в голову. Услышав выстрелы, представители фамилии Х. догнали и убили кровника³¹⁸.

В 1890 г. старшина селения Ардонского запротоколировал случай конфликта, в результате которого два представителя кровных фамилий убили друг друга³¹⁹.

Согласно адату, при взаимном убийстве стороны не имели права преследовать друг друга, а должны были примириться на условии угощения друг друга в том размере, в каком это вырабатывалось медиаторами в процедуре примирения кровников. Если, потеряв в столкновении по одному человеку, фамилии все же шли на примирение, их приглашали на ныхас и просили подать друг другу руки. Однако как свидетельствуют источники, это не всегда имело место. На почве семейной борьбы между Дз. и Ц. произошло одно убийство. Долго вре-

³¹⁶ НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

³¹⁷ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 97. Л. 14.

³¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 22. Д. 431. Л. 3-7об.

³¹⁹ ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 22. Д. 276. Л. 1-5.

мя не соглашались на мир, пока обе стороны не потеряли по 8 человек³²⁰. В рассказе о судьбе из Нара Карадзауе Мамиеве говорится о вражде между фамилиями Ц. и Ф. Эти две фамилии в результате конфликта потеряли по несколько человек – Ц-ы – 4, Ф-ы – 2. Ц-ы требовали выдать двух лучших мужчин из Ф-ых, а Ф-ы не приняли этого требования, в результате чего вражда между двумя фамилиями несколько лет не прекращалась. Приглашенный судья Карадзау Мамиев вынес решение. По примеру своего ущелья, он предложил не увеличивать количество жертв, а ограничиваться убийством самого убийцы. В любом случае, Ф-ы должны были выдать своего представителя кровникам. Так кровники и помирились, и с тех пор во всей Осетии перестали требовать дополнительную кровь, ограничиваясь убийством самого убийцы³²¹ (перевод наш – Т. Д.).

В случае убийства и ожидания ответной смерти община вмешивалась во взаимоотношения кровников – им запрещали оставлять свои дворы, и представители *ныхаса* начинали посредничество между ними, пытаясь принудить таким образом враждующие стороны к примирению.

Как уже отмечалось, общинники относились к кровникам с известным уважением и старались укрыть следы преступления перед административными властями. К их посредничеству обращались не часто в решении вопросов кровной мести. Более того, решения судебных учреждений и наложением наказания кровная месть не прекращалась. Случалось, что убийца, осужденный судом на ссылку за преступление, вернувшись домой по отбытию наказания, подвергался за то же преступление еще и кровной мести. В 1887 г. житель с. Хумалаг Т. убил кинжалом наповал жителя сел. Ногкау Дз.Е. По приговору суда Т. был сослан на 12 лет на каторгу. Родственники примирились с родственниками убитого и уплатили за кровь 1200 р. Отбыв наказание, Т. вернулся на родину. Узнав об этом, сыновья убитого устроили засаду на дороге и убили Т. По приговору словесного

³²⁰ Бадтиев А. А. Кровничество четырех фамилий // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 95. Л. 6.

³²¹ Ирон адамон сфалдыстад. Владикавказ, 2007. С. 709-711.

суда сыновья Е. уплатили родственникам Т. 800 р. за кровь³²².

Инициатива примирения двух кровных патронимий всегда исходила от посторонних лиц. Первоочередной задачей инициаторов было добиться согласия обеих сторон на примирение. Часто удавалось договориться о примирении между враждующими уважаемым старшим (*сертстлагтæ*),³²³ которые при вспышках споров принимали на себя роль посредников. Примирение это в начале заключалось большей частью только в заключении перемирия. Посредниками принимались следующие первоначальные меры: прежде всего, определялись в селении улицы, по которым каждой из враждующих сторон надлежало ходить и ездить, причем преимущество отдавалось потерпевшей стороне. Легенда рассказывает о том, как встретились два кровника – убийца и брат убитого на берегу р. Уруха. На большом расстоянии они не разглядели друг друга. Когда они встретились лицом друг к другу, то произошла следующая картина – убийца, чтобы дать дорогу, как это требовалось обычаем, бросился с разбега на другой берег по воздуху через пропасть и уцепился за скалу руками. Ошеломленный таким поступком, брат убитого признался в том, что удивлен оказанным почетом и уважением и вследствие этого прощает его вину³²⁴. Если противники проживали близко друг к другу, то фамилия убийцы должна была уйти в другое селение. При этом уходила вся мужская часть. Женщины обычно оставались дома, не боясь кровной мести, так как обратиться за мстительством считалось большим позором³²⁵.

Имела место отсрочка кровной мести. Для этого виновная сторона, пользуясь посредничеством старейшин селения, старалась заключить соглашение на один год с потерпевшими, в силу которого убийца уплачивал определенное количество скота (овец или быков) оскорбленной стороне, которая в свою

³²² Терские ведомости. 1898. № 21.

³²³ Собиев И. Дигорское ущелье // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58а. Л. 29.

³²⁴ Там же. Л. 27-28.

³²⁵ Там же. Л. 30.

очередь давала клятву «не мстить» в течении действия соглашения. По истечении срока договор мог быть снова возобновлен с согласия обеих сторон. Пример такой отсрочки нам приводит Я. Рейнегтс: «...меня очень поразило, когда, в беседе однажды с несколькими осетинами, они мне показали человека, находившегося под угрозой кровной мести. Рядом с ним в том же обществе в это же время находился другой человек, искавший этой кровной мести. Из их совершенно невраждебного поведения и обращения друг с другом ни в коем случае нельзя было заподозрить предполагавшееся убийство; однако оскорбленная сторона только ожидала удобного случая, который до сего времени не предоставлялся благодаря постоянной бдительности и щедрости жертвы»³²⁶.

При примирении активные его участники должны были следовать строго разработанным регламентациям. При согласии на переговоры и приезжие и односельчане, придя во двор убитого, опускались на колени и, сняв шапки, просили родню дать согласие на примирение. Стояли на коленях до тех пор, пока обиженная сторона не давала согласия на примирение.

Переговоры начинались с избрания фамилии которая отвечала бы за их поступки, т.е. брала их на поруки до того дня, пока не будет завершены переговоры.

Помимо судей выбирали еще одного человека – нейтрального посредника. Роль посредника заключалась в том, чтобы следить за обеими сторонами и в случае конфликта определить кто прав, а кто виноват. Г. Кокиев указывает, что *ныхас* проводил выбор «справедливого» члена медиаторского суда, называемого *раст лэгг*³²⁷. Он избирался председателем суда.

Народные судьи и с той и с другой стороны заранее обеспечивали полное подчинение себе семьей, избравших их. Для этого они брали твердое слово со всей мужской половины, способной носить оружие, что они полностью будут выпол-

³²⁶ Рейнегтс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 94.

³²⁷ Кокиев Г. Примирение кровников у осетин // НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

нять все их требования и подчинятся тому решению, которое они вынесут во время переговоров и перемирия. Подобные обещания давались в местном святилище и при свидетелях. С введением российского судопроизводства такие обещания давались в письменном виде и закреплялись сельским старшиной.

Часто совещание длилось несколько дней, за все время действия судебного процесса до оглашения приговора, медиаторы находились на иждивении семьи виновного. Выясняли, как и почему возник спор между кровниками, каким оружием было совершено убийство, кто нанес первый удар, сколько человек участвовало в драке с той и с другой стороны. Сначала допрашивались семьи убийцы и убитого, а потом свидетели. Вся эта процедура тянулась очень долго. Наконец, определив вину обеих сторон, выносили приговор. Роль судей, защищавших виновную сторону, заключалась в том, чтобы как-нибудь смягчить наказание и снизить цену крови (*туджы аргъ*)³²⁸. Судья – посредник следил за процессом и вступал в защиту той стороны, которую он считал более правой. При обсуждении и вынесении окончательного решения суда «справедливый» судья имел некоторые привилегии. Так, например, если при обсуждении того или другого пункта решения голоса расходились, решающее слово принадлежало ему. Окончательным решением считался приговор, с которым были согласны все члены суда. После утверждения приговора, о результатах сообщения обеим сторонам. Если бывали недовольные решением суда, им все равно так или иначе приходилось подчиняться. Если семья убийцы была не в состоянии уплатить штраф за кровь, она сообщала семье, где скрывался их сын и те, объехав всех родственников и даже все села Осетии, собирали нужное количество скота и денег. К сроку, назначенному народными судьями, семья убийцы приготавливала все, что от нее требовалось для уплаты штрафа.

Как указывается в сборнике адатов, величина денежного

³²⁸ Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. Цхинвали, 1990. Т. 2. С. 33.

штрафа зависела в том числе и от сословной принадлежности. Однако это не означало, что плата за убийство алдара могла быть принята, если он был убит представителем низшего сословия. Как свидетельствуют фольклорные источники, в этом случае наказанием для пострадавшей стороны было ее полное истребление³²⁹. В результате вся патронимическая группа покидала населенную местность и иногда даже меняла фамилию. В большинстве случаев, информанты указывают на то, что кровники брали фамилию представителей, которые укрывали их от кровной мести.

Родня убийцы ко дню примирения готовила кровный стол (*туджы фынг*), требуемый от них народными судьями. Как правило, родственники убитого приходили в полном вооружении, в то время как родственники виновного были безоружны в знак того, что сознают свою вину и отдают себя в полное распоряжение потерпевшим³³⁰.

Для примирения кровников – кровный стол (*туджынты фидыдæн – туджы фынг*) гласит осетинская поговорка³³¹.

После речи народного судьи старшего из фамилии убийцы подводили к старшему пострадавшей фамилии, и те подавали друг другу руки. Затем все представители фамилии убийцы, начиная от старших, подходили и подавали руки.

После передачи потерпевшей стороне установленного выкупа и по окончании *туджы фынг* примирение между враждующими фамилиями считалось состоявшимся. Кровный стол был заключительным актом кровной платы. Часть кровной платы определялась на кровный стол или кровное угощение.

Для того чтобы представить полную картину процедуры примирения за кровным столом, следует привести цитату из статьи о кровной мести: «Кровный стол сопровождается характерными обрядами, с которыми я хочу познакомить чита-

³²⁹ НА СОИГСИ. Ф. Фольклор. Оп.1. Д. 48.

³³⁰ Кокиев Г. Примирение кровников у осетин // НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

³³¹ Цгоев Х.Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ, 2015. С. 445.

теля. В назначенный день для кровного стола собираются все члены мужского пола от 16-17-летнего возраста обеих враждующих фамилий в саклю того, кто справляет кровное угощение, т. е. в саклю убийцы. Этот последний, по определению посредников, назначавших цену крови, должен сделать угощение в размере приблизительно той суммы, которая была определена для кровного стола. Если, например, из суммы кровной платы было назначено 50 р., то убийца должен сделать угощение, иначе говоря «справить стол» стоимостью в 50 р. приблизительно. Приноравливаясь к этой сумме, он режет баранов, или быка, варит араку, пиво, брагу, печет, жарит и всё приготовленное расставляет на длинных столах в своей сакле. Между тем как в сакле убийцы делаются эти приготовления, съезжаются члены как его, так и враждебной фамилии в аул, где живет убийца, причем до повестки об окончательной готовности стола члены той фамилии, из которой был убитый и для которых делается, следовательно, это угощение, останавливаются у таких людей, которые не считаются родственниками убийцы, так как все ж таки, до обряда примирения, долженствующего совершиться при самом кровном угощении, они не говорят друг с другом, считаясь все еще врагами. Когда убийца объявит об окончательной его готовности принять гостей, старейшие посредники, бывшие виновники примирения, отправляются по аулу и приглашают съехавшихся членов фамилии убитого и убийцы справлять печальную примирительную тризну – кровный стол... Когда сойдутся все члены обеих фамилий, то старейшины, принадлежащие совершенно другому роду, говорят: «Пора положить конец вражде!.. Мы вас просим все и молим памятью всех ваших мертвых, примиритесь и не затевайте ничего худого друг против друга. Потом, обращаясь к членам потерпевшей фамилии, добавляют: «Несчастный случай лишил вас одного из лучших вашей фамилии, но смерть его произошла помимо воли его (называя имя убийцы); так, видно, было угодно богу... Теперь они – родственники убийцы, просят вас помириться с ними и не преследовать их кровным мщением. Они уплатили

вам за кровь – они же приглашают вас теперь к себе в саклю отведать их хлеба-соли»... Молча и легко, с мрачными лицами, они вступают в саклю, где накрыты столы. Рассаживание за столом идет также молча, причем большая часть фамилии убитого отказывается принимать участие вообще в трапезе и сидят молча и печально, а остальные стоят с такими же суровыми лицами по углам и у стен. Среди участвующих в угощении бывают и посторонние люди, которые уговаривают их сесть за стол, но они холодно отказываются, под предлогом нездоровья, или какой-либо другой выдуманной причины. Едят и пьют мало, без шума, без смеха... Через несколько времени дело доходит до самого важного момента кровного угощения. Является убийца с чашкой, наполненной пивом или бузой, и подносит эту чашку брату, или отцу убитого им человека или, если таковых нет, то старшему в его роде. Подходит он к нему совершенно безоружный, со снятым кинжалом и даже поясом без газырей. Молча подойдя к нему, он надевает его шапку себе на голову и подаёт ему чашку с питьём. Надевание шапки имеет символическое значение. Это действие говорит красноречиво, что он ищет его покровительства и прощения. Лицо, которому подают так называемый кровный тост (*туджы нуазæн*), не должно отказываться от предлагаемого и молча берет его. Если он слишком сердобольный, то он прослезится сперва молча и проговорит несколько слов вроде следующих: – «Люди! Смотрите, от убийцы моего брата (или сына или родственника) я принимаю тост!.. Он наложил на нас кровавое пятно, которое мы должны были смыть достойным образом его же кровью, а мы у него гостим, и принимаем тост из его руки!» Присутствующие уговаривают и упрашивают его принять тост и выпить в знак примирения, на что тот нехотя соглашается и делает небольшой глоток из поданной чаши. Убийца подает следующему лицу фамилии убитого им человека и таким образом обходит всех по старшинству и потом пьет сам. Этим обрядом кончается кровное угощение»...³³².

³³² Кавказ. 1876. № 56.

Система композиций осетин по кровомещению

Тагаурское общество

Сословие потерпевшего. Приводится мужской пол.	Адаты 1844 г.	Выписка 1849 г.	Сборник 1866 г.
Уазданлаг	18 раз 18 десятков коров (3240), медный чан, топор, веревка, черный баран, черная руна от одного барана; цыты-чызг, угощение (1 бык, 12 баранов)		240 быков и различное имущество, либо 2400 р.
Фарсаглаг	60 коров	324 коровы, цыты-чызг, 3 загона земли, лошадь, ружье, угощение на 30-50 человек.	320 коров, либо различное имущество, либо 1600 р.
Чужой кавдасард	60 коров	400 коров, девушка, трехдневная пахотная земля, лошадь, ружье	320 коров, либо различное имущество, либо 1600 р.
Гурзиаг	30 коров		Уплачивается стоимость холопа

Дигорское общество

Сословие потерпевшего. Приводится мужской пол.	Адаты 1844 г.	Выписка 1849 г.	Сборник 1866 г.
Старшина	15 предметов – 5 из них людьми, 5 землями, 5 железными вещами и лошадьми,		15 есерей, или душ рабов и рабынь, общей стоимостью 3900 р.; либо 4 есери по 300 р. каждый, 6 могут быть заменены имуществом на сумму 300 р. – 1 есерь – панцырем, 3 – ружье в 250 и шашкой в 250 р. 1 есерь – лошадью, 1 есерь – колчаном

	общей стоимостью как 15 душ крестьян		и панцырю в 150 р., кроме того, угощение на 100 человек, подарок серебряная ваза в 50 р. шелковая материя на 20 р. и лошадь дяде убитого
Адамихат	24 шт. рогатого скота и на каждую штуку по одному барану		1400 р., либо разное имущество, и угощение с подарком шелковой материи на 10 р.
Тумаки	24 шт. рогатого скота и на каждую штуку по одному барану		1400 р., либо разное имущество, и угощение с подарком шелковой материи на 10 р.
Холоп			Та цена за которую он куплен, если он рожден в доме владельца, то плата определяется медиаторами

Куртатинское общество

Сословие потерпевшего. Приводится мужской пол.	Адаты 1844 г.	Выписка 1849 г.	Сборник 1866 г.
Узданлаг	18 раз 18 десятков коров (3240), медный чан, топор, веревка, черный баран, черная руна от одного барана; цыты-чызг, угощение (1 бык, 12 баранов)	10 душ крестьян	240 быков и различное имущество, либо 2400 р.
Фарсаглаг	60 коров	324 коровы, цыты-чызг, 3 загона земли, лошадь, ружье, угощение на 30-50 человек.	320 коров, либо различное имущество, либо 1600 р.
Чужой кавдасара	60 коров		320 коров, либо различное имущество, либо 1600 р.
Гурзиак	30 коров		уплачивается стоимость холопа

Алагирское и наро-мамисонское общество

Сословие потерпевшего. Приводится мужской пол.	Адаты 1844 г.	Выписка 1849 г.	Сборник 1866 г.
Уазданлаг	18 раз 18 десятков коров (3240), медный чан, топор, веревка, черный баран, черная руна от одного барана. Сверх того, дочь замуж и угощение (1 бык, 12 баранов)	360 коров	324 коровы по 5 руб каждая, (алата может увеличиться в зависимости от силы и влияния алагирца) У мамисонцев – 486 коров по 5 руб., лошадь в 70 руб., пахотная земля в 120 руб, ружье в 120 руб.
Фарсаглаг	60 коров		

2.3. Трансформация института кровной мести

Судебные дела, имеющиеся в архиве, как нельзя лучше показывают те трансформации, которые происходили в период внедрения российского законодательства.

После экспедиции 1830 г. кровная месть в Осетии была строго запрещена. Князь Абхазов заставил приехать во Владикавказ все враждующие из-за кровной мести группировки, заставил их поклясться мирно решить все свои дела, посредством предоставления откупа скотом или деньгами. Более ста конфликтов, из которых некоторые длились уже более 60 лет, были прекращены³³³.

В середине 50-х годов XIX в. полковник М. Кундухов являлся начальником Военно-Осетинского округа. Будучи осетином по происхождению, он прекрасно знал все обычаи осетинского народа. По его инициативе был составлен общественный приговор, в котором приводилось 22 пункта «вредных народных обычаев», которые по его мнению должны были быть модифицированы. 13 пунктов данного приговора касалось вопро-

³³³ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М., 2010. С. 245.

са убийств. Пытаясь искоренить кровную месть, М. Кундухов предложил следующее: «...Во избежание этого зла отныне всякие убийства, как умышленные, так и неумышленные, вы, при всеобщем народном сборе, нашли необходимым и полезным без междоусобной мести подвергать законному расследованию, и если окажется, что убийство совершено с явным намерением, то виновный будет наказываться по определению русских законов, равных для сильного и слабого, неумышленное же убийство предоставится разбирательству народного суда, а кровомщение в том и другом случае строжайше воспрещается и предполагается наказание как убийцы, так и принимавших в этом участие...»³³⁴.

Наряду с реформированием законов, направленных на преодоление местных обычаев и традиций, допускающих возможность кровной мести, российская власть также предпринимала попытки регламентировать процедуры примирения, направленные на исключение этого обычая.

Месть постепенно ограничивалась повсеместно, в случаях нанесения вреда обиженный отказывался от мести и заключал с обидчиком мировые сделки, по которым последний платил требуемую плату. Такие сделки стали применяться все чаще, а месть постепенно заменялась системой композиций. Конечно, представители бедной фамилии откупиться не могли и растягивали уплату за кровь на несколько лет. Не следует однако думать, что преступник оставался без наказания.

Если раньше до заключения перемирия и получения материальной компенсации предусматривалось ответное убийство, то в новое время постепенно вводилось тюремное заключение убийцы, примирение двух фамилий, уплата денежной пени. Контроль за этим возлагался на старейших членов общества. Круг лиц, имеющих право мстить, а также тех, в отношении которых месть применялась, сузился. Изучение уголовных дел показывает, что это родные братья убитого и убийцы. Единственной причиной кровной мести являлось убийство, причем в большинстве случаев умышленное.

³³⁴ Приговор осетинского народа. Репринтное воспроизведение издания 1859 г. Владикавказ, 2011. С. 7.

Таким образом, преступник нес двойную ответственность за совершенное преступление: перед российскими законами и обычно-правовыми нормами. Дело об убийстве передавалось в российский суд, где выносился приговор согласно новому для осетин законодательству, и в то же время он подвергался кровной мести со стороны родственников убитого. Зная, что отбыв наказание, ему не избежать мести, обычно с помощью посредников, он оплачивал «цену крови», и параллельно отбывал наказание, вынесенное судом. Понимая всю сложность механизмов функционирования института кровомщения, российская администрация понимала, что тюремным заключением месть не остановить и потому в вопросах убийства принимала достаточно интересные приговоры, объединяя российскую систему наказаний и используя обычно-правовые механизмы. Обычай кровной мести практически не считался с законами государства и решением официальных судов. В 1907 г. Батчери Т-ов из с. Салугардан похитил проживающую там Гуасса Б-ву. В дороге их нагнал брат девушки. В перестрелке Б-ов был убит. Т-ов был приговорен Владикавказским окружным судом к 8 годам каторги, где и умер. Независимо от этого, родственники Т-ва в порядке обычая кровной мести уплатили 1800 р. за убийство Ба-ва и 300 р. за обеспечение девицы³³⁵.

В период трансформации во многих судебных делах проводилось следствие для выявления личности преступника. Ранее убийство кровника носило открытый характер, отомстивший приходил на могилу убитого и объявлял о свершении мести. Для исполнения своего долга перед убитым родственником в период введения российской системы наказаний месть стала совершаться тайно. При расследования преступления старшина, составляя протокол, прежде всего вносил в список подозреваемых членов враждующих фамилий. В с. Ольгинском неизвестным был убит Дз.К. Убийство совершено из кровной мести, возникшей на почве похищения братом покойного девицы Дз.³³⁶

³³⁵ Дзидзоев М. У. Указ. соч. С. 58.

³³⁶ ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 22. Д. 140. Л. 6.

28 июля 1910 г. житель с. Хумалаг Т. Ц., услышав стук у окна своей сакли, а затем голос человека, вызвавшего его на улицу, вышел на крыльцо дома. В этот момент раздался выстрел, и раненый Ц. упал, а неизвестный скрылся. О происшествии было немедленно дано знать старшине, который прибыл в дом потерпевшего и опросил его. Потерпевший подозревал фамилию Т. на том основании, что она состояла с ним в кровной вражде. Спустя два часа, потерпевший скончался. Привлеченный к следствию и допрошенный в качестве обвиняемого представитель кровной фамилии не признал себя виновным в убийстве, объяснив, что хотя фамилия и находилась в кровной вражде с потерпевшим, но в совершении означенного преступления он решительно никакого участия не принимал и кто убил потерпевшего ему неизвестно. Ввиду того, что единственной уликой против обвиняемого являлась кровная вражда, существовавшая между потерпевшим и фамилией Т., что имеющиеся данные совершенно недостаточны для его обвинения Т. в означенном преступлении, уголовное преследование указано было прекратить³³⁷.

Молодой человек А-в, танцую с девицей Н-ой, позволил себе пожать ей руку. По требованию адата такой поступок считался равносильным кровному оскорблению. Как раз в тот момент на свадьбе присутствовал родной дядя девицы Г. Произошла ссора, во время которой Г. получил смертельную рану. Убийца был привлечен к законной ответственности, пробыв несколько лет в тюрьме. Отбыв наказание, убийца не мог считать жизнь свою гарантированной от мести со стороны родных убитого. И действительно, в скором времени в него был произведен выстрел, которым ему раздробило плечо. Раненого доставили в госпиталь в безнадежном состоянии, где он и скончался. Правонарушитель остался необнаруженным³³⁸.

Согласно адату, за покушения на убийство наказания не предполагалось. Однако в начале XIX в. мы находим судебные дела, в которых за попытку убийства привлекаются к судебному

³³⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 280. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-7.

³³⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 22. Д. 79. Л. 1-4.

делу. 20 марта 1902 г. писарь с. Даргавс, проезжая с товарищем, встретил односельчан, один из которых снял с плеча берданку, вложил патрон и направил на него. Благодаря заступничеству товарища, нападение обошлось без кровопролития. Причиной означенного нападения послужила затаенная ненависть за то, что выполнявший свои обязанности писарь составил протокол, обвинявший односельчан в похищении дочери И. Л. и в покушении на убийство последнего. Ввиду изложенного, потерпевший просил привлечь к ответственности жителей Б. и Г. за покушение на убийство³³⁹.

Царское законодательство устанавливало ответственность не только за умышленное убийство, но и за убийство «без прямого умысла» (ст. 1458 Уложения о наказаниях), убийство по неосторожности (ст. 1468), убийство случайное (ст. 1470), но для родственников убитого это не имело никакого значения. Они знали лишь один закон кровной мести по адатам³⁴⁰.

Претерпев определенные трансформации, связанные с социальной эволюцией этноса, прежние нормы в новом воплощении продолжали регулировать последствия страшных преступлений. Так, уже к концу XIX в. полученная от убийства плата за кровь стала передаваться семьей убитого на общественные нужды. «В селении Какадур некий С. убил своего односельчанина Дж. Преступник отбыл наказание и вернулся домой. Односельчане, зная, что подросший сын убитого будет искать мести, решили помирить семьи. С. уплатил Дж. 600 р. за кровь его отца, из которых Дж. 120 р. подарил на нужды местной школы, а 100 р. – на церковь»³⁴¹.

Необходимо отметить, что со временем возрастала и роль священнослужителей в примирении кровников. Например, в процедуре судебного разбирательства и примирения двух фамилий К. и К. медиаторами выступили жители селения Хумалаг Дохцко Д., Сха А., Габорц Дз., Биби Г. и Кубади А., которые

³³⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 110. Оп. 1. Д. 157. Л.122.

³⁴⁰ Дзидзоев М. У. Указ. соч. С. 58.

³⁴¹ Тифлисский листок. 1911. № 61 // ППКОО. Цхинвали, 1982. Т. 2. С. 145.

после больших усилий сумели склонить К. и К. к примирению. Приглашены были медиаторы под председательством священника³⁴².

У мусульманской части населения Осетии присяга во время судебного разбирательства начала приниматься на Коране, а одним из третейских судей избирался местный мулла. Обычно примирение кровников назначалось в какой-нибудь мусульманский праздник, например, в день Большого Байрама. По свидетельствам очевидцев, в с. Эльхотово в 1902 г. примирились фамилии К. и У.³⁴³

В 1896 г. все кровники с. Христиановского дали письменное согласие на примирение. Каждый конкретный случай рассматривался группой медиаторов на предмет условий и обрядовых особенностей процесса примирения. Для примирения двух фамилий медиаторы потребовали от виновного выплатить штраф в размере 400 р. и накрыть стол для огромной массы желающих участвовать в примирении. Только удостоверившись в исполнении всех медиаторских требований, потерпевшая фамилия соглашалась сесть за стол. Обряд начинался с появления старшего из фамилии виновного, чье лицо целиком закрывалось шапкой. Он произносил речь – просьбу о прощении виновного и всех его родственников. Затем с аналогичной просьбой выступали медиаторы. Зачастую среди них оказывался сельский священник – новый фигурант древнего обряда. Он молился за упокой души убитого, просил во имя Бога простить убийцу и прекратить преследование его родни.

Старший из потерпевшей фамилии принимал от хозяев чашу пива со словами: «Царство небесное покойному, прощаю» (*Рухсаг усет! Хатыр кæнын*). Этот ритуал проделывали все представители фамилии, возвращая бокал именно правой рукой. После этого появлялся убийца и совершал тот же ритуал. Второй этап обряда примирения проходил во дворе дома, его смысловая нагрузка заключалась в примирении родственников с обеих сторон, после чего продолжалось застолье. За

³⁴² Терские ведомости. 1903. № 56.

³⁴³ Терские ведомости. 1902. № 70.

столом не произносились тосты, не было шумных разговоров. Затем близкие родственники и медиаторы отправлялись в дом убитого просить прощения у матери, жены, сестер покойного. По древней традиции обряд должен был завершаться дарением лошади потерпевшей семье. В новом варианте обряда вместо лошади дарили икону, иногда ее ставили в приходской церкви³⁴⁴.

В с. Хумалаг священник Маркозов возглавлял медиаторов, которые определили следующий порядок примирения двух семей. Все жители Хумалага разделились на две группы: одна примкнула к семье убитого, другая – к семье виновного. Последняя совершала траурное шествие на могилу убитого. Возглавлял процессию священник, за ним шли родственники, несшие железную ограду для могилы (новация, вызванная внешним влиянием, к тому же – условие медиаторов), а также лошадь в подарок матери убитого. Священник служил панихиду, после чего каждый из фамилии виновного просил прощения у покойного. Затем совершался древний обычай посвящения коня покойному. С кладбища процессия перемещалась в дом покойного, где стоя на коленях, без головного убора мужчины вымаливали прощение у родственников покойного. Рукопожатие символизировало прощение. Виновная сторона накрывала поминальный стол, что означало примирение кровников³⁴⁵.

Активное участие священников в этом обряде дало повод местной прессе писать, что обычай кровной мести потерял свой «первоначальный грозный характер» благодаря христианскому просвещению³⁴⁶.

Но и в мусульманских селах проходил аналогичный процесс. В 1892 г. житель с. Эльхотово, совершив убийство в состоянии алкогольного опьянения, был передан в руки правосудия и приговор к заключению. Отбыв наказание, но, опасаясь кровной мести, не мог вернуться в родное село и обосновался в с. Батако, что, впрочем, не гарантировало ему безопасности. Собрав

³⁴⁴ Терские ведомости. 1897. № 36.

³⁴⁵ Терские ведомости. 1903. № 56.

³⁴⁶ Терские ведомости. 1900. № 11.

группу более 100 человек из почетных стариков 7-8 селений, от Батако до Эльхотова, родственники виновного совершили паломничество на кладбище, приурочив его к празднику Малого Байрама. Проведя ночь на кладбище, депутация явилась на утреннюю молитву эльхотовцев и просила оказать посредничество в примирении. Все это время убийца с сыном ничком лежали на могиле убитого. Явившись на кладбище, старший потерпевшей стороны произнес: «Благодаря ходатайству общества и стольких стариков, прибывших из дальних селений, несмотря на преклонность своих лет, мы прощаем тебе тяготящую над тобой вину, так что с этого дня ты можешь считать себя в безопасности с нашей стороны, на страшном же суде Бог тебе судья!»³⁴⁷. После установления железной ограды на могиле состоялась церемония вымаливания прощения у родственниц убитого и поминки, устроенные виновным. Обряд завершился намазом, исполняемым эльхотовцами «с легким сердцем» и уверенностью в совершении богоугодного дела.

В 1910 г. в с. Карджин, где также проживало мусульманское население, произошло неумышленное убийство 9-летнего мальчика в результате свадебной стрельбы. Мальчик был похоронен по магометанскому обряду: могила была прикрыта досками, но еще не засыпана землей. Учитывая непредумышленный характер убийства и раскаяние стрелявшего, но опасаясь гнева родственников, предвидя их отказ от примирения, медиаторы приняли весьма оригинальное решение, предложив убийце надеть белый саван, влезть в могилу убитого мальчика и ожидать там своей участи. На второй день после похорон, по мусульманскому обычаю, родственники собрались у могилы для произнесения заупокойной молитвы местным муллой. Сюда же явились медиаторы и родственники убийцы. Родня потерпевшей семьи была настолько поражена столь зримым раскаянием, что тут же дала согласие на примирение. Интересны условия, выдвинутые медиаторами. Семья убийцы должна была приобрести для школы, в которой учился убитый мальчик «волшебный фонарь с картинками (ранний вариант диапроект-

³⁴⁷ Терские ведомости. 1900. № 16.

тора), сшить новую форму ученикам, установить в школьном дворе фонарь, а также приобрести фонарь и ковер для мечети, устроить богатые поминки. Для выполнения этих условий отводился срок в два месяца. По истечении срока было организовано траурное шествие на кладбище, в котором участвовали ученики в новой форме и с венками из живых цветов (новация в кладбищенской культуре осетин), учителя, представители с. Карджин и соседних сел, а главное – убийца, без шапки и пояса, со сложенными на груди руками, совершая при этом ритуальный плач³⁴⁸. Редко, но случалось, что и после официального примирения преследование кровника продолжалось. С целью избежать таких последствий, проводилась и такая церемония: убийца и его родня допускались к старшему потерпевшей фамилии для рукопожатия. Считалось также, что договор о примирении, заключенный во время мусульманского праздника Байрам, соблюдался особенно строго³⁴⁹.

Признавая роль и христианства, и магометанства, а также передовой осетинской интеллигенции, следует указать, что «оживление» примиренческой обрядовой практики было, прежде всего, результатом синергетического потенциала самой общины. Именно мнение и усилия общинников становились решающим фактором и для семьи потерпевшего, соглашавшейся на примирение. Об этом свидетельствует анализ сохранившихся текстов-речей посредников и потерпевших. Так, старший одной из потерпевших фамилий, завершая обряд примирения кровников, отмечал: «Мы очень благодарны за оказанное нам внимание со стороны всех здесь стоящих, даже в том случае, если бы из рода нашего погиб не один, как теперь, а несколько, и то бы не нашли силы устоять против просьбы мира (общества) ... мы не смогли бы отказать миру в мире...»³⁵⁰.

Известно, что традиционное общество игнорировало судебное наказание за убийство; оно вовсе не освобождало виновного от кровной мести. Но осознавая тяжесть и последствия

³⁴⁸ Терские ведомости. 1901. № 74.

³⁴⁹ Терские ведомости. 1901. № 74.

³⁵⁰ Терские ведомости. 1891. № 19.

кровомщения, продажность и несправедливость суда, осетинские общества адаптировали обычай примирения кровников к новой историко-культурной ситуации. Это явление наблюдалось и среди христиан, и среди мусульманского населения. Конфессиональный фактор проявлялся всего лишь во внешней, обрядовой стороне процедуры.

Однако уже это судебное учреждение наглядно продемонстрировало принципиальную несовместимость российского судопроизводства с традиционной юридической практикой северокавказских народов, поскольку изъятие из подсудности посреднического суда дел «кровомщения» и причисление их к разряду уголовных, каковыми они представлялись в соответствии с российским законодательством, не только предусматривало иную систему наказаний, несвойственную обычноправовым механизмам регулирования подобных конфликтов, но и отнимало у суда одну из важнейших его функции защитника гражданских прав общинников³⁵¹.

2.4. Традиции и инновации миротворческих практик

В конце XVIII – начале XIX в. у осетин существовала довольно обстоятельная система композиций, которая предусматривала регламентированную шкалу возмещений за все виды правонарушений. В обычном праве осетин имелись фиксированные нормы ответственности за преступления. Проанализировав источники обычного права, можно выявить некую систему композиций осетин, характерную для возмещения нанесенного ущерба – смертная казнь, наказание увечьем, имущественные штрафы, изгнание из общества, заключение брака, похищение и воспитание ребенка потерпевшего до его совершеннолетия и т.д.

Медиаторские суды определяли наказание и форму его исполнения. Особенностью традиционных юридических си-

³⁵¹ Кобахидзе Е. И. «Не единою силою оружия...»... С. 336.

стем являлась неразделенность правовых норм, регулирующих санкции за совершенные правонарушения в сфере гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений, о чем свидетельствует единая система наказаний, базовым компонентом которой были композиционные выплаты – эквивалент штрафа, являвшегося основным видом наказания у горских народов и определявшийся социальным статусом пострадавшего³⁵².

В исследуемый период сложно выявить наличие у осетин смертной казни. Путешественники отмечали рассказы о применении смертной казни среди осетин, однако никто из них не являлся свидетелем применения такой меры наказания. В. Б. Пфаф, характеризуя способы урегулирования конфликтов в Осетии, определил, что «наиболее суровыми видами наказаний являлись смертная казнь и наказание увечьем, исполнявшиеся по причине кровной мести. Осетинам не были известны такие виды наказаний, как лишение свободы и телесные наказания вне семьи»³⁵³. В сборнике адатов есть свидетельства существования смертной казни в отношении гурзиаков – несвободного сословия. «Гурзиаки находятся в полной зависимости от своих владельцев, которые могут делать с ними, что им угодно, продавать и дарить их другому поодиночке или целыми семействами, и даже умертвить их по произволу»³⁵⁴. Анализируя римское право и сравнивая с осетинским, М. М. Ковалевский утверждает, что подобно тому, как в древнем Риме *familia* включала в себя наравне со свободными и рабов, и отец семейства, неся ответственность за их действия, один имел по отношению к ним право наказывать, так среди осетин господин может безнаказанно изувечить и убить своего раба и «уæзданлаг имеет право предать смерти своего гурзиака». Этот факт повторяют сборники осетинских адатов. Вместе с тем предполагается возмездие за все преступления, совершенные последним. В адатах

³⁵² Кобахидзе Е. И. Общественный строй // Осетины. М., 2012. С. 293.

³⁵³ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 264.

³⁵⁴ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 18.

мы находим указания и на то, что за преступление, совершенное гурзиаком, отвечает его господин: если раб убил человека высшего сословия, хозяин его обязан внести полную плату за кровь все равно, как если бы убийство совершено было им самим; если раба – то его стоимость. Одним словом, ответственность переходила в этих случаях с совершившего преступление на то лицо, во власти которого он состоял³⁵⁵.

В. Б. Пфаф отмечает, что убийство родового старшины безусловно каралось смертной казнью, как необычайное злодеяние. Дом убийцы разоряли до основания³⁵⁶. О праве общинников на смертную казнь сына за убийство отца указывал и М. М. Ковалевский³⁵⁷.

Одним из видов наказания за ранения и телесные повреждения было нанесения равного по тяжести увечья. Для разрешения конфликта могло быть предоставлено право нанесения ответного ранения, равного по тяжести совершенному. Использование такой меры могло применяться в случаях, когда потерпевший не мог оплатить компенсацию, а также в случаях разносословного конфликта. Однако в большинстве случаев убедительное предпочтение при урегулировании вопроса отдавалось удовлетворению потерпевшего материальной компенсацией.

Одним из миротворческих регуляторов конфликта в осетинском обществе можно назвать женское вмешательство. Гарантом избежания смерти также служило укрытие на женской половине дома. Практиковалось и искусственное родство для урегулирования кровной мести. Форма примирения, при которой убийца, касаясь губами груди матери убитого разрешал конфликт, имела две разновидности: один из них – если вооруженный убийца после совершения преступления бежал к матери убитого и принуждал подать ему грудь. Во время этого насильственного действия родственники требовали кровной мести. Однако после касания груди виновный нарекался ее сы-

³⁵⁵ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 167.

³⁵⁶ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 269.

³⁵⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 174.

ном. В данной процедуре мать играла важную роль, говоря, что потеряет этим убийством второго сына³⁵⁸. Второй способ – после полной уплаты за кровь виновная фамилия должна была организовать угощение, во время которого обычно и происходило примирение. Данную процедуру контролировали третейские судьи, которые выносили приговор и следили за полной уплатой цены крови. После процедуры примирения убийцы с представителями нескольких авторитетных старших из виновной фамилии оставались со своими бывшими кровниками и прочими мужчинами, а все остальные с несколькими судьями отправлялись в дом убитого для примирения с женской частью фамилии: «Судья произносил речь, в которой просил мать и сестер убитого простить убийцу так же, как простили мужчины. С этими словами судья подводил убийцу к матери. Прежде чем пожать ему руку, мать говорила, что вынуждена простить ему, уступая многочисленным просьбам народа, и с сегодняшнего дня он будет ее сыном вместо убитого. В доказательство того, что она говорила, мать давала прикоснуться губами к своей груди»³⁵⁹.

Касательно народов Кавказа, Н. Я. Данилевский указывал на исключительное право женщин защищать мужчин и прекращать конфликтное столкновение³⁶⁰. Строгому табуированию подлежало совершение мести или наказание в присутствии женщины. Также, распустив волосы, без платка, становясь между дерущимися, она могла остановить кровопролитие.

Источники содержат еще один способ разрешения кровной мести. Он имел место в тех случаях, если убивший был беден: «Это род суда Божия или поединка – обиженная фамилия требует, чтобы убийца стал под ее выстрел. Третейский суд занимается формальностями, бросает жребий для всех членов семейства, не исключая мальчиков – чтобы, наверное, выбор не

³⁵⁸ Штедер А. Л. Дневник путешествия из пограничной зоны крепости Моздок во внутренний Кавказ. 1871 год. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3. Л. 8-9.

³⁵⁹ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 188-189.

³⁶⁰ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 181.

пал на лучшего стрелка. Назначалось время, место, расстояние, размеряемое шагами. Дело решалось одним ударом – убит или ранен тяжело или легко виновный, или остался невредим – какой бы результат ни был, на этом кровная месть прекращалась»³⁶¹.

В некоторых работах по этнографии имеются свидетельства наличия у осетин такой миротворческой практики, как воспитание ребенка потерпевшего. Ряд авторов описывает эту форму при урегулировании конфликта по убийству. «Кровавая месть прекращается, если убийца похищает сына убитого, становится его приемным отцом и воспитывает его», – отмечал Л. Л. Штедер³⁶². Суть сводилась к тому, что виновная сторона воспитывала ребенка, а затем по совершеннолетию возвращала с подарками. После этого акта две семьи считались родственными и не могли больше враждовать. Преимущественно брали детей 3-4 лет. При этой форме атальчества, ребенка просто похищали, так как не надеялись на согласие семьи убитого. С. Каргинов указывает, что после примирения кровник брал к себе на 3-7 лет на воспитание сына, дочь или сестру убитого, которых обязан был одевать в лучшее и хорошо кормить, а по окончании срока кровник снабжал воспитанника подарками (мальчиков – сбруей и верховой лошастью) и отправлял в родительский дом. Этнограф называет этот обычай *хъан-хассын*, т.е. вскармливание, воспитание, опека³⁶³. Дополняет информацию о данном обычае К. Кох, который указывает, что похищение и воспитание ребенка того, кто попал под кровную месть имеет место только среди осетин-мусульман³⁶⁴.

На существование этого обычая в среде адыгов указывает

³⁶¹ Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни // НА СОИГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.

³⁶² Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 33.

³⁶³ Каргинов С. Г. Кровная месть у осетин // ППКОО. Владикавказ, Т. 7. С. 590-591; см. также: Кулов Б. С. Семья и семейный быт осетин XIX – нач. XX вв // НА СОИГСИ. Ф.4. Оп. 1. Д. 93. Л. 62.

³⁶⁴ Кох К. Указ. соч. С.271.

И. А. Бабич: «Если виновный в убийстве желал примириться с родственниками убитого им человека, то либо сам, либо кто-нибудь из его товарищей тайно похищал ребенка из семьи потерпевшего»³⁶⁵. Что касается обычая похищать детей из семьи убитого для воспитания в знак примирения враждующих сторон в первой половине XIX в. у кабардинцев, то необходимо сказать, что он был только лишь закреплен в обычно-правовых нормах и записан в сборниках кабардинских древних обрядов³⁶⁶.

В обычном праве осетин есть понятие посвященный покойному (*фæлдыст*), а также самопосвящение (*хифæлдисын*). По верованиям осетин, посвященный покойнику человек в загробном мире должен был служить умершему конем, и в этом заключалась позорная для всей фамилии и унижительная для убийцы сторона акта. Особенно актуальным этот приговор был в случаях, когда совершенное убийство рассматривалось как особо тяжкое преступление, а также в случае столкновений представителей разных сословий, когда сильный мог требовать от слабого фæлдисын³⁶⁷. Суть процедуры сводилась к тому, что кровомститель острием ножа касался уха убийцы и пускал несколько капель крови на могилу убитого. Самопосвящение (*хифæлдисын*) избавляло преступника и его родственников от кровной мести, но он принимал по отношению покойнику и его родным некоторые обязательства, в числе которых было совершение поминок³⁶⁸. Одной из форм этого вида наказания

³⁶⁵ Бабич И. А. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М., 1999. С. 32.

³⁶⁶ Абазов А. Х. Образы прошлого в системе регулирования общественных отношений у кабардинцев в XIX – начале XX в.: особенности формирования и проблемы сохранения // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII среднеазиатско – кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнография, история, археология, культурология. СПб., 2013. С. 312-313.

³⁶⁷ Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С.79.

³⁶⁸ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 51.

было отрезание кровомстителем уха виновного и зарывание его в могилу убитого. В этом случае вражда считалась оконченной. В Куртатинском обществе между фамилиями Г. и Д. произошло вооруженное столкновение, в результате которого Г. убили двух человек из фамилии Д. Ныхас вынес решение, чтобы Г. заплатили Д. полную цену крови, а сверх того требовал фалдыст от фамилии Г. Первое условие – уплатить Д. цену крови – Г. согласились, а от второго условия отказались. Причина отказа заключалась в том, что посвящение человека покойнику считалось несмываемым позором и унижением человеческого достоинства, на что такая влиятельная среди осетин фамилия, как фамилия Г., пойти не могла³⁶⁹.

Одной из фиксированных мер наказания за правонарушения было изгнание преступника или его семьи из общества. Остракизм являлся одним из особо тяжких наказаний в осетинском праве. Причины применения такой меры было достаточно. Согласно архивным материалам периода середины XIX в., лишение прав было нескольких видов: лишение некоторых гражданских прав; лишение всех гражданских прав; схоже с предыдущим, но дополнено конфискацией имущества при известных преступлениях³⁷⁰. Право лишения прав имелось у ныхаса, позже у сельского схода, который принимал общественные приговоры. «... Изгнание как вид наказания применялось не только за определенные преступления, но и за беспорядочную жизнь, то есть отступление от патриархального образа жизни, а также за непризнание патриархальной власти»³⁷¹. «Из общего правила о невозмещаемости преступлений, совершенных против родственников, – пишет Ф. И. Леонтович, – осетины делают исключение для случаев отцеубийства – за убийство отца и матери сыном. Родственники, собравшись, сжигают дом и разграбляют имение. Разрушая жилище виновного, осетины тем самым побуждают его к оставлению прежнего местожи-

³⁶⁹ Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 51.

³⁷⁰ ЦГА РСО-А. Ф. 112. Оп. 1. Д. 71. Л. 249.

³⁷¹ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 265.

тельства; таким образом, это является не более как средством к насильственному удалению преступника из сообщества его единокровных»³⁷². Рассматривая систему композиций кабардинцев XVIII в., А. Х. Абазов отмечает: «Наиболее тяжкой по последствиям мерой наказания выступало изгнание преступника из общества. Если нарушитель несколько раз подвергал членов своего рода к уплате штрафов за него, общество принимало решение о выдворении такого нарушителя за свои пределы. Наказанный лишался покровительства со стороны своей патронимии. Такого человека могли безнаказанно убить. Иными словами, изгнание человека из общества означало его «политическую смерть»³⁷³.

Основным видом композиций у осетин являлись имущественные платежи, выплачиваемые скотиной или денежным эквивалентом. Система композиций широко применялась в осетинской среде. Замена кровной мести выкупом для начала существовала в натуральном виде, а со второй половины XIX в. заменялась денежной системой.

Для того, чтобы представить полную картину компенсационных выплат, необходимо обратиться к сборникам адатов. Они собирались в период внедрения российской администрации на Кавказе для того, чтобы руководство имело представление о судебных системах местного населения. Эта проблема отражена в трудах дореволюционных авторов – П. Палласа, Л. Штедера, Я. Рейнегса, Ю. Клапрота. Среди современных авторов следует указать Ф. Х. Гутнова, который дал полную характеристику собранным адатам³⁷⁴.

³⁷² Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 117.

³⁷³ Абазов А. Х. Основные виды исполнения наказаний в судебной системе Кабарды в 20-60-х гг. XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Вып. 15. Нальчик, 2008. С. 59.

³⁷⁴ Гутнов Ф. Х. Адаты осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. 2013. № 10 (49). С. 31-56; Гутнов Ф. Х. Древние обряды Дигорского общества. 1844 г. // Известия СОИГСИ. 2013. № 9 (48). С. 118-128; Гутнов Ф. Х. Нормы обычного права осетин. Часть. II. Адаты обществ Западной Осетии. Владикавказ, 2015; Гутнов Ф. Х. Обыч-

А. Яновский подробно описал процедуру разбора дел о кровной мести в медиаторском суде, а также привел систему материальных компенсаций за убийство. Так, автор указывает, что в основе размера выплаты лежит происхождение фамилии – «за убийство старейшины знатного рода ... определяется восемнадцать 18 коров и день вспахивания земли, стоящей 36 коров»³⁷⁵. В случае обоюдного убийства сильнейшая патронимия имеет то преимущество, что слабый всегда доплачивает.

Помимо происхождения автор указывал и на важное значение пола убитого. «За убийство женщины определяется плата в половину против мужчин». Размер компенсации по указанию автора также зависел от того, как было совершено убийство. «Нечаянное убийство, убийство при защите и убийство вора отмищаются одинаково с некоторою разницею в количестве назначаемой медиаторами платы»³⁷⁶.

Наиболее полный перечень материальных компенсаций приводит Ф. И. Леонтович в работе «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа». Имущественные или денежные штрафы являлись обязательными составляющими любого вида наказания. Размеры компенсаций зависели от преступления: наибольшая сумма назначалась за убийство, наименьшая – за оскорбления. Платеж производился скотом, рабами, землей, оружием, медной посудой, а позднее деньгами³⁷⁷. Считалось, что материальная компенсация удовлетворяет честь обиженной фамилии или семьи и обязывает их к прекращению дальнейшей вражды. На размер компенсации влияло несколько факторов: характер преступления, принадлежность к сословию и пол жертвы. Согласно адату «если убийца и убитая были муж и жена, то плата за кровь была

ное право осетин. Часть I. Адаты Тагаурского общества (Список Норденстренга. 1844 г.) Владикавказ, 2012; Гутнов Ф. Х. П. К. Услар и адаты западных осетин // Известия СОИГСИ. 2014. № 12 (51). С. 97-117.

³⁷⁵ Яновский А. Осетия // Обозрение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. II. С. 194.

³⁷⁶ Там же. С. 196.

³⁷⁷ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 219.

на половину меньше»³⁷⁸ и выплачивалась родственникам жены. Возраст также играл определенную роль в определении размера компенсации. А. Гакстгаузен указывает: «Отец семейства имел более цены, нежели холостой, а дворянин стоит вдвое более простолюдина»³⁷⁹.

Размер платы за кровь свободного человека равнялся 324 коровам. Что касается высшего сословия, то в Дигорском обществе баделята требовали за кровь 15 душ рабов или рабынь³⁸⁰, в общей сложности на сумму 3900 р.; в Тагаурском обществе за кровь алдара платилось 240 быков или имущество – скот, земля, оружие – общей стоимостью 2400 р.; в Алагирском участке – 324 коровы или 1620 р.³⁸¹ Исходя из сборников адатов 1849 и 1866 г., единицей измерения платы в Тагаурском обществе являлся бык, в Дигорском – раб, а в других осетинских обществах – корова.

В адатах указано, что в случае невозможности выплаты материальной компенсации плата растягивалась на несколько лет и могла переходить от отца к сыну³⁸².

Таким образом, дифференцированная шкала размеров компенсаций за различные виды правонарушений зависела от сословной принадлежности потерпевшего. За преступления против представителя высшего сословия штраф был значительно выше, чем за аналогичное преступление по отношению к простым членам общины. Во время разбора сословных прав туземцев, лица, претендовавшие на принадлежность к привилегированному сословию, считали необходимым в доказательство своей принадлежности к высшему сословию приводить факты получения какой-либо большой платы за своих убитых предков их ближайшими родственниками.

С распространением российской власти на Кавказе, основной единицей исчисления имущественных платежей стал

³⁷⁸ Там же. С. 219.

³⁷⁹ Гакстгаузен А. Указ. соч. Л. 21.

³⁸⁰ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 64.

³⁸¹ Там же. С. 65.

³⁸² Там же. С. 23.

рубль. При этом штрафы могли взиматься и в натуральном виде³⁸³. Очень часто в постановлениях о взимании штрафа он указывался и в натуральном виде, и в рублях.

К середине XIX в. постепенно трансформировалась традиционная система социальных установок. Модификации подверглись также устоявшиеся правовые нормы. Касательно характера коллизии теперь была возможность разрешения на основе юридических систем (обычноправовой, русского законодательства).

В качестве формы урегулирования малозначительных правонарушений, российская администрация довольно успешно использовала компенсационные выплаты. Проанализировав судебные дела, относящиеся к первой половине XIX в., можно сделать вывод, что большинство случаев регулировались путем имущественной пени на виновную сторону. Обязательным условием стала выплата определенной доли штрафа в общественную сумму.

Сверх выплаты установленного выкупа, который за отдельные виды преступлений взимался с обидчика, со всей его фамилии могли взыскать так называемый *бонгъан* – подарок. Его отдавала семья убийцы. К. Кох, описывая кровную месть, отмечал: «Чтобы добиться примирения с оскорбленной стороной, обидчик, как правило, делает перед началом переговоров более или менее значительный, в зависимости от обстоятельств, подарок»³⁸⁴. Пытаясь заключить перемирие, виновная сторона на похороны убитого посылала жертвенное животное. С. Каргиев пишет, что на шею жертвенного животного повязывалась красная лента из шелковой материи. По его мнению, это был символ покорности и попытка искупить свою вину³⁸⁵. Приня-

³⁸³ Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 287.

³⁸⁴ Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // ОГРИП. Орджоникидзе, 1967. С. 255.

³⁸⁵ Каргиев Б. М. Старинные обычаи и нравы осетин (из жизни жителей Куртатинского ущелья) // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 36.

тие данного подарка служило гарантом последующего примирения.

А. М. Ладыженский в работе «Адаты горцев Северного Кавказа» указывает на наличие барантования. Среди горцев Северного Кавказа, не исключая его и у осетин. Одним из понятий термина барантование является право сородичей убитого до осуществления кровомщения захватывать имущество убийцы и его сородичей³⁸⁶.

В. Б. Пфаф также указывает на данный обычай: «По миновании срока истец со старшинами отправляется во двор, на поле или пастбище должников и, не разбирая долго, отбирает, что попадает под руку, преимущественно скот, сено, хлеб на поле и т.п.»³⁸⁷. Ввиду того, что обычай барантования мог нести серьезные последствия, то часто сильные и влиятельные фамилии использовали данный обычай как средство эксплуатации более слабых фамилий.

По утверждению М. М. Ковалевского, обычай барантования связан с тем, что ввиду того, «виновник преступления обязан был скрыться, чтобы своим присутствием не раздражать родственников обиженного, а ограничение мести им одним не позволяло более мстителю пролить кровь кого-либо из родственников обидчика. Не имея возможности направить свою месть против личности преступника, мститель довольствовался захватом всего оставленного им имущества»³⁸⁸.

По замечанию Н. Дубровина, «побег убийцы позволял мстителю забрать все его жилище и семейство, кроме жены»³⁸⁹. В сборнике адатов Дигорского общества Осетии 1844 г. указывается, что родственники убитого имеют право захватить имущество виновного и разделить его между собой³⁹⁰. Данный

³⁸⁶ Ладыженский А. М. Адаты горцев Северного Кавказа. М., 1947. С. 57.

³⁸⁷ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 220.

³⁸⁸ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 9.

³⁸⁹ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871-1888. Т. 1. С. 361.

³⁹⁰ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 38.

обычай имел место даже в случаях последующей полной уплаты за убийство.

Одним из распространенных способов примирения кровников было то, что, помимо денег и прочих взиманий, виновная сторона в качестве платы за кровь могла отдать враждебной стороне девушку – *цыты-чызг*. В словаре В. И. Абаева *цыты-чызг* – девушка почета, или *фидыды чызг* – девушка примирения, выдаваемая фамилией убийцы в род убитого без калыма в знак примирения³⁹¹. Ее из фамилии кровников могли выдать замуж за мужчину из враждующей фамилии в знак полного и окончательного примирения. В этом качестве не могла выступить вдова или разведенная женщина. Случалось, что две фамилии окончательно не могли помириться даже после полной уплаты и примирительного пиршества. Тогда кровникам вменялось в обязанность выдать свою девушку замуж за представителя враждующей фамилии. По свидетельствам очевидцев, после породнения, несмотря на враждебность и злость, война прекращалась³⁹². Многие фамилии и без приговора судей передавали кровной фамилии через посредников, что в качестве примирения требовали невесту для одного из своих неженатых мужчин³⁹³. Еще одной причиной заключения брака между кровниками была несостоятельность виновной стороны выплатить кровную плату. Об этом информировался третейский судья, представляющий виновную сторону и он склонял судей к разрешению путем выдачи *цыты-чызг*. Ввиду отсутствия в сборнике адатов Дигорского общества термина *цыты-чызг*, а также отсутствия сведений в периодической печати, можно предположить, что такой вид разрешения конфликта, как брак между кровниками не был распространен в Дигорском обществе. В 1851 г. осетинский народный суд во Владикавказе приговорил некоего Ц. К. за убийство В. заплатить за пролитую кровь брату 27 быков и выдать свою сестру за него замуж. До

³⁹¹ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т.1. С. 327.

³⁹² НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 112. Л. 6.

³⁹³ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12; Д. 39 а. Л. 31.

брака своей сестры с В. две семьи торжественно помирились³⁹⁴. Также в архивных материалах описывается случай. Некий М. Г. работал у Б., за что ему должны были заплатить 10 овец, но не заплатили. М. Г. разозлился и убил мужчину из фамилии Б.. Во время примирения Б. потребовали кровный стол и девушку, но Г. на девушку не согласился и М. Г. был посажен в тюрьму, где и умер³⁹⁵. Бедная фамилия, не сумевшая выплатить кровной платы деньгами, скотом или землей, зачастую была вынуждена выдать девушку из своей среды замуж за кого-либо из близких родственников убитого³⁹⁶.

Заключительным этапом любого вида конфликта было примирительное угощение. Оно служило гарантом примирения двух сторон. Суть такого пиршества сводилась к следующему: потерпевшая сторона медиаторами уполномочивалась приготовить угощение, количество которого заранее оговаривалось. Затем назначался примирительный день, на который собирались мужские стороны фамилий. Обычно один из судей, мужчина почтенного возраста, выполнял жреческие функции. Прознося молитвы Всевышнему, он призывал стороны помириться. Следует учесть, что, несмотря на обилие еды и напитков, стороны вели себя достаточно сдержанно, так как основная суть такого пира – молитва и примирение. Количество людей при примирении зависело от вида преступления: наименьшее число – при ранениях, ссорах, наибольшее – при убийствах. В последнем случае присутствовали все мужчины фамилии, а также племянники по матери. Это делалось для того, чтобы лично примирить каждого, во избежание дальнейшего кровопролития. Приведем пример примирительного угощения по случаю кровной мести: «2 котла пива, 25-40 кувшинов араки, 1 бык, 10 баранов»³⁹⁷. Приведем пример из случая примирения кровников. Виновная в убийстве фамилия У. приготовилась к угощению потерпевшей фамилии Т. К назначенному медиа-

³⁹⁴ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 319.

³⁹⁵ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 14.

³⁹⁶ Гаглойти З. Д. Указ. соч. С. 82.

³⁹⁷ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 14.

торами дню убийца при участии всей фамилии и других родственников приготовил присужденный ему штраф в размере 400 р., накупил в огромном количестве напитков (пива), зарезал откормленного быка, также трех баранов, было зарезано около 170 кур³⁹⁸.

А. Х. Абазов приводит следующий отрывок из архивного дела: согласно приговору, было велено «... приготовить примирительное угощение из тридцати столиков и сварить бузу, положив туда три пуда меда, а также подарить Т. (родственникам убитого.) лошадь, стоящую не менее 50 рублей»³⁹⁹.

Таким образом, преступлением считались действия, направленные против личности и имущества. К преступлениям против личности относились убийство, ранение, нарушение супружеской верности женщинами, изнасилование, оскорбление действием или словом, оскорбление гостя. К имущественным преступлениям относились воровство и грабеж внутри общины. Касательно субъективной стороны преступления, не различались деяния, совершенные намеренно или неосторожно, умышленно или неумышленно. Субъектами преступлений были все свободные общинники. Исключения составляли женщины – за них отвечал муж или отец, а также рабы – за них отвечал их владелец.

Наказание имело своей целью возмещение нанесенного ущерба. Основным видом наказания являлись композиционные выплаты. Дифференцированная шкала выплат была четко слажена. Была установлена величина выплат, которая зависела от некоторых факторов, таких как тяжесть преступления, словесная принадлежность пострадавшего, пол пострадавшего. При взыскании штрафа преобладающее значение приобрел российский рубль, как основная единица исчисления стоимости причиненного преступлением ущерба. В целом для традиционного осетинского общества была характерна относитель-

³⁹⁸ Терские ведомости. 1896. № 51.

³⁹⁹ Абазов А. Х. О месте и роли третейских судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII-XIX вв. // Северо-Кавказский юридический вестник, 2014. № 1. С. 49.

но единая система наказаний, целью которой было мирное регулирование отношений в обществе.

Функциями любого способа разрешения конфликта было миротворчество: избегание кровной мести, обязательное справедливое наказание виновного, а также сохранение общественного порядка. Главной целью, которую преследовали посредники, было примирение двух фамилий и недопущение дальнейшего развития конфликта, которое могло привести к кровомщению.

Внедрение имперских судебных органов привело к существенным запретам довольно распространенного обычая кровной мести. Убийство на почве кровной вражды было запрещено и наказывалось по российскому закону. В течении рассматриваемого периода кровная месть постепенно вытесняется композициями и заменяется кровной платой. Однако полного замещения не произошло, и в большинстве случаев, перед согласием на примирение и выплате все же совершалось одно ответное убийство.

С введением российского законодательства система композиций претерпела достаточно серьезные изменения. Некоторые виды компенсаций, такие как, нанесение ответного увечья, заключение брака для приостановления кровной мести, воспитание ребенка кровника, были исключены из применения. Вводилась новая для осетинского общества система, которая не всегда удовлетворяла потерпевшую сторону. Местным обществом крайне негативно воспринимались применяемые российским судом наказания: прохождение сквозь строй, ссылки в Сибирь, незаконные расстрелы, аресты, штрафы. Они не соответствовали понятиям традиционного общества о гуманности и человеческом достоинстве. Осужденные по российским законам и российским судом вызывали у осетин сочувствие и жалость, казненные нередко прославлялись в героических песнях народа. Приговор суда не влиял на авторитет человека в традиционном обществе. Слишком очевидным для народа было игнорирование социального и национального равенства граждан перед российским государственным законом.

ГЛАВА 3. СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

3.1. Особенности семейной организации и конфликты, связанные с разделом большой семьи и наследованием имущества

В первой половине XIX в. у осетин все еще бытовала большая патриархальная семья, численность которой достигала 25-30 человек и больше. На этот факт указывают исследования различных авторов. А.Х. Хадикова в своей работе отмечает, что семейная община являла собой целостную, обособленную систему социального порядка со своим управлением, материальным распределением, а также культовой деятельностью и семейной обрядностью⁴⁰⁰. В пореформенное время у осетин еще сохранялись большие семьи, но в небольшом количестве. Распад больших семей стал носить массовый характер. Как известно, этот процесс начался еще в 20-е годы XIX в. и был связан с переселением осетин на равнину, разложением натурального хозяйства, усилением рыночных связей, ростом отходничества и прочими факторами, возвышающими роль частной собственности. В исследовании З.В. Кануковой об осетинских семьях пореформенного периода на основании посемейных списков указывается, что в процессе распада семей складывалась форма – «неразделенная семья». Последняя, в отличие от большой, состояла уже из двух поколений брачных пар, с которыми жили женатые дети. Происходил процесс распада большой семьи на малые индивидуальные семьи⁴⁰¹.

Источники подтверждают, что подчинение управителю (*хицау*, *хистæр* или *унаффæгæнæг*) – категория не столько дисциплинарного, сколько морально-нравственного порядка. Абсолютное почтение к *хицау* было фактором, усиливавшим авторитет личности. Некоторое исключение составляли члены

⁴⁰⁰ Хадикова А.Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003. С. 30.

⁴⁰¹ Канукова З.В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ, 1992. С. 144.

семьи, превосходившие его годами, но и они не были свободны от соблюдения некоторых поведенческих предписаний. Даже если руководство осуществлял более молодой *хистæр*, то почести в той же мере отдавались и в отношении прежнего главы семейной общины. Старики всегда более всех пользовались влиянием, правом воздействия на *хистæра*, возможностью оспаривать его решения, но ни в коем случае публично⁴⁰². Информанты сообщают о сохранении привилегий и в отношении лиц, в силу возрастных особенностей не способных принимать реальное участие в активной жизни семьи⁴⁰³.

Хæдзары хицау обладал неограниченной правовой властью в рамках семейной общины. М. М. Ковалевский указывал: «Глава дома – это живой закон осетинской семьи»⁴⁰⁴. В своей семье он решал вопросы общинного уровня. В ситуациях, когда правонарушение выходило за рамки обсуждения семейного совета, а приговор был вынесен общественными судьями, окончательное решение все же было оставлено за *хицау*. «Только он может казнить смертью жену или сына. *Ныхас* объявляет приговор, но казнь над членом семьи должен выполнить сам владыка ее»⁴⁰⁵. «Глава фамилии представлял из себя патриарха, к которому каждый сочлен обращался за советом в житейских делах и даже семейных. Решение главы рода безапелляционно, и неисполнение такового представлялось невозможным»⁴⁰⁶. Иными словами, преступления, которые совершались в родственной среде, находились в компетенции семейных судов.

Он оберегал честь семьи и требовал наказания за преступления, совершенные по отношению к какому-либо из ее членов. Лицо, стоявшее во главе двора, считалось его представителем во всех связях с семейной общиной, с ее соседями и вла-

⁴⁰² Хадикова А. Х. Указ. соч. С. 32-33.

⁴⁰³ ПМА.

⁴⁰⁴ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... С. 100-101.

⁴⁰⁵ Магометов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С. 31.

⁴⁰⁶ Там же. С. 35.

стями; вместе с тем, он был выразителем всех интересов семьи, не только экономических, к которым относилось снабжение ее всем необходимым, увеличение семейного достояния путем покупки или обмена, накопление запасов и приращение капитала, а также отчуждение, в случае нужды, семейного достояния; но и религиозно-нравственных и морально-этических. Помимо этого, на главу семейства возлагалась защита от оскорблений и преступлений, совершенных по отношению к кому-либо из членов семьи⁴⁰⁷.

В важных вопросах, затрагивающих интересы фамилии, например, таких, как конфликты с другими общинами, вопросы кровомщения, примирение двух поссорившихся семей и фамилий, представители фамилии собирались на фамильный совет. В качестве своего представителя фамилия выставляла авторитетного старшего мужчину, который, как правило, управлял и фамильным собранием. Его приглашали на все торжества, устраиваемые семьями родственной группы. Он же выполнял жреческие обязанности в кругу своей фамилии⁴⁰⁸.

Одна из старейших женщин семьи (*æфсин*), глава женской части семьи и распорядительница работы между женщинами. По свидетельству М. М. Ковалевского, «женщина эта стоит во главе всей женской половины; заведует кладовой и кухней, заготовлением припасов для всей семьи, хранит ключи»⁴⁰⁹. Обычно место *æфсин* занимала старшая во дворе мать или жена *хицау*, а по смерти последнего, нередко и его вдова.

Ей подчинялись все женщины без различия родственных отношений. Молодые невесты в продолжение года или более не смели разговаривать с *æфсин*⁴¹⁰. В отличие от *хицау*, *æфсин* не имела судебных полномочий⁴¹¹. Она единственная женщина, за которой было признано право прямого обращения к *хицау*, необходимое для докладов, советов, общего координирования.

⁴⁰⁷ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 1. С. 100-101.

⁴⁰⁸ Магометов А. Х. Указ. соч. С. 139.

⁴⁰⁹ Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 101.

⁴¹⁰ Терские ведомости. 1905. № 221.

⁴¹¹ Хадикова А. Х. Указ. соч. С. 38.

О происхождении института *номылус* в кавказоведческой литературе высказано несколько предположений. М. М. Ковалевский усматривает в нем следы недавней, широко распространенной полигамии⁴¹². К. Д. Кулов считает что институт *номылус* появился у осетин в период парного брака, но видит в нем также следы предшествовавшего ему группового брака. Он возражает Б. В. Скитскому, высказавшему мнение о том, что генезис института *номылус* необходимо искать в классовом обществе. По мнению К. Д. Кулова, этот древний институт трансформировался в классовом обществе и стал одной из форм эксплуатации беднейших слоев населения⁴¹³.

Правонарушения, направленные против того или другого из однофамильцев, считались оскорблением всех представителей фамилии и являлись поводом к осуществлению кровной мести любым из ее членов. В случае судебного разбирательства и выплаты композиции, она (композиция) делилась между всеми однофамильцами на неравные доли, сообразно близости их родства с потерпевшим.

Однофамильцы обязывались на суде приносить подкрепительную присягу в пользу обвиняемого каждый раз, когда последний был в их глазах невиновен в возводимом на него правонарушении.

Убийство родственников, а также преступления, совершенные детьми и женой, разбирались непосредственно теми лицами, в чьей власти они состояли; при этом речь идет о детях законной жены, а также о детях от *номылус* – кавдасардов. «Если кавдасард не повинуется хозяину своему, то этот последний имеет право наказывать его телесно; но если он изувечит или убьет его, то должен заплатить за смерть или увечье его тем из своих родственников, коим убитый или изувеченный кавда-

⁴¹² Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 232.

⁴¹³ Скитский В. В. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе, 1933. С. 11; См. также: Кулов К. Д. Матриархат в Осетии. Орджоникидзе, 1935. С. 31-32; См. также: Такоева Н. Ф. К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX – начале XX вв. // Краткие сообщения института этнографии АН ССР. М., 1959. Вып. 32. С. 24.

сард также принадлежал, ибо кавдасарды редко принадлежат одному только *уæзданлагу*, а целой фамилии. Если же убитый или изувеченный кавдасард принадлежал одному только своему убийце, то дело тем и кончено, и никакого взыскания с убийцы не будет»⁴¹⁴.

Касательно ответственности за совершенное преступление рабами, М. М. Ковалевский приводит следующее заключение: «подчиненность рабов семейным судам более полная и исключительная, чем та, в какой стоят от них свободные члены семьи. Рабы подсудны семейным советам за преступления, совершенные ими как над лицами, принадлежащими к семье и роду, так и над чужеродцами, тогда как кавдасарды и законные дети, а также *номылу*сы и жена, только за первые»⁴¹⁵.

Определение степени наказания главой семейства или *ны-хасом* основывалось на степени родства. Родитель имел абсолютную власть над детьми. Поэтому случаи убийства собственных детей по осетинскому коренному праву никогда не подлежало наказанию⁴¹⁶. Сборник адатов 1836 г. указывает на тот факт, что «если отец или мать убьют сына или дочь, то нет ни мщения, ни взыскания. Это же касалось родственников в первом колене. Только лишь за замужнюю сестру имеет право вступиться муж»⁴¹⁷. А в сборнике 1844 г. отмечалось, что родители имеют полную власть над своими детьми; они могут безнаказанно изувечить и даже убить своих детей; никто не вмешивался в процесс наказания родителей своих детей⁴¹⁸.

Однако исключением из данного аспекта внутрисемейных отношений являлось отцеубийство. Согласно адату такое преступление регулировалось следующим образом: «Родственни-

⁴¹⁴ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 27.

⁴¹⁵ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 167; См. также: Газданова В. С. Институт номылу в общественной структуре феодальной Осетии // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 116.

⁴¹⁶ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 266.

⁴¹⁷ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 4.

⁴¹⁸ Там же. С. 26.

ки, собравшись, сжигают дом и разграбляют имение. Разрушая жилище виновного, осетины тем самым побуждают его к оставлению прежнего местожительства; таким образом, это является не более как средством к насильственному удалению преступника из сообщества его единокровных»⁴¹⁹.

Касательно убийства женщины, кровомстителем выступал не муж, а ее братья и сородичи, которые получали за нее компенсацию⁴²⁰. В случае совершения убийства между родственниками, выкупная плата не предусматривалась, и не влекло кровомщения. Исключение из данного правила было убийство жены мужем. Такая ситуация допускала кровную месть со стороны родственников жены.

За совершенное преступление убийца брата отвечал перед отцом, матерью и братьями. В подавляющем большинстве случаев убийство брата братом кончалось мировой, без постороннего вмешательства⁴²¹.

Таким образом, обычное право осетин выделяло преступления, относящиеся к разбору семейных судов. Виды преступлений, не предусматривающих композицию и не вызывающих кровную месть, М. М. Ковалевский приводит в следующих категориях:

1) все категории убийства родственников, живущих совместно в одном дворе, и прежде всего отцеубийство. Исключение представляло только убийство несправедливо заподозренной жены ее мужем и убийство мужа женой. Муж и жена могли быть отомщены каждый соответственно своей патронимией, так как происходили из разных фамилий;

2) в категорию телесных повреждений, относились все виды ранений, совершенных над родственниками, в том числе и те, которые муж нанес жене;

3) преступления против половой нравственности – потеря невинности девушкой и нецеломудрия жены – подлежали на-

⁴¹⁹ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 117.

⁴²⁰ Кокиев Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа / НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп. 1. Д. 282. Л. 199.

⁴²¹ Там же. Л. 198.

казанию только семейных судов и, следовательно, не входили в круг действий, за которые полагался выкуп в пользу патронимии;

4) категория преступлений против собственности – все виды воровства, совершенного у родственника, стояли вне сферы родового возмездия как личного, так и имущественного⁴²².

Что касается конфликтных ситуаций, возникающих при разделении имущества, то обычное право четко регламентировало данный аспект. Семейные разделы происходили согласно нормам обычного права. Дележу подлежало все: земельный надел, дом, надворные постройки, поголовье скота, домашняя утварь, фамильное оружие, зерновые запасы. Исключение составляли надочажная цепь и котел. Они передавались старшему сыну. При разделе все считалось общим достоянием и шло в счет, за исключением только одежды, обуви, головных уборов, составляющих личную собственность каждого отдельного члена семьи.

В осетинском праве исследователи различали два вида имущества, имевшие свои наименования – первое, доставшееся по наследству (*фыдыбын*), второе, приобретенное (*хæзна*)⁴²³. Если члены семьи не находили удовлетворительного для всех итога дележа, то семья обращалась к посредникам, которые решали дело согласно принятому обычаю. Решение общинного суда принималось безапелляционно, даже в случае, если отдельные члены семейной общины были недовольны принятым решением, они все равно подчинялись под угрозой принятия к ним общественных санкций⁴²⁴.

При разделе большой патриархальной семьи приглашали близких родственников – например, дядю по матери, а также почетных стариков данного общества, которые назывались *уарджытæ*. Они являлись посредниками и решали спорные

⁴²² Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 168.

⁴²³ Там же. Т. 1. С. 183.

⁴²⁴ Магометов А. Х. Указ. соч. С. 188.

вопросы, возникавшие во время раздела. При разделе все имущество делилось на равные части, при этом принималось во внимание только число братьев. Имел место выдел – доля родителям, обычно отцу – часть земли, а матери – скот.

Помимо указанного, в Осетии выделяли особую долю старшему и младшему братьям. При разделе родители оставались с одним из сыновей, обычно с младшим. Как указывает Б. С. Кулов, после раздела, все братья, кроме одного, уходили из отцовского дома и поселялись на новом месте, на одной улице. Такой процесс дробления домов и патронимий увеличивал размеры поселений. Обычно при этом от селения отделялись семьи или отдельные патронимии, которые поселялись в другом месте, образуя селение. Новая образовавшаяся группа селений сохраняла как территориальную, так и хозяйственное единство⁴²⁵. Но это было не обязательным правилом: бывали случаи, когда кто-нибудь из братьев поселялся в другом селении.

Деlež недвижимого имущества производился по числу родных братьев или ими самими, или их наследниками, т.е. двоюродными братьями. Если при жизни отца, имеющего несколько сыновей, один из этих братьев желал отделиться, то он получал пай только с согласия отца из благоприобретенных земель; родовые земли делились только после смерти отца. Сам деlež как родового, так и благоприобретенного участков, производился между братьями или их наследниками в равной части. Однако при распределении семейного имущества как движимого, так и недвижимого, старший и младший братья получали большую, нежели другие братья доли. Согласно нормам права, оба вида преимущественного наследования, майорат и минорат, в осетинском обычном праве получили наименования: доля старшего (*хистæйраг*)⁴²⁶ и доля младшего (*кастæйраг*)⁴²⁷. При этом доля младшего немногим уступала доле

⁴²⁵ Кулов Б. С. Семья и семейный быт осетин 19 – нач. 20 вв. / НА ССОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 93. Л. 48.

⁴²⁶ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М., 1989. Т. 4. С. 204.

⁴²⁷ Абаев В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 589.

старшего. При определении размеров *хистæйраг* и *кастæйраг* не существовало какой-то единой для всей Осетии нормы. В каждом из осетинских обществ существовали свои нормы для наделов старшего и младшего братьев, свои определения размеров в имущественных разделах. Доли старшего и младшего определялись также в зависимости от размеров и вида имущества, подлежащего дележу. Преимущественное право старшего основывалось на том, что по смерти отца главой семьи становился его старший сын, который наследовал и привилегии. Но «старшинство», как известно, накладывало на него ответственность, которая вытекала из его функций главы семейной общины. Эти обязанности были весьма сложны и ответственны. Эти его функции выступали не только в хозяйственной и идеологической сферах, но и в общественной жизни: он один представлял весь многочисленный семейный коллектив в сельской общине, нес ответственность перед обществом за поступки каждого члена семьи и отвечал за благополучие семьи⁴²⁸. Что касается младшего брата, то его преимущественное право при разделе имущества определялось обязанностью старших братьев покровительствовать младшему и дать ему возможность стать на ноги. Если среди братьев были неженатые, то им выделялась доля их имущества на выплату калыма⁴²⁹.

Наглядный пример раздела наследства приводит А. Гакстгаузен: «старший сын получает лошадь или корову, или десятью овцами более других, а кроме того, родительский дом. Младший сын – какое-то оружие и скотину, для покупки жены, если он не женат. Остальное делится поровну между сыновьями»⁴³⁰.

Так, старший получал лучший, большой пахотный надел и еще сверх того *хæдзар*, младший – небольшой пахотный загон. Пай старшего из братьев, переходя по наследству в каждом по-

⁴²⁸ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 189-190.

⁴²⁹ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 165.

⁴³⁰ Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейно и общественной жизни // НА СОИГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

колении к старшему брату, не терял своего назначения иногда на протяжении нескольких поколений. Так как качество пахотных земель было разнообразно даже в одном и том же селении, то дележ пахотных участков производился между братьями не целыми наделами, а каждый участок делился на количество братьев, между участками ставились пограничные значки и образовалась новая борозда (*ауæдз*). За порчу таковой между смежными владельцами возникали конфликтные ситуации⁴³¹. По этому поводу есть поговорка: «*ауæдз ма раппар, уым йа быны ис сæры фæхста æмæ раембыны къæдзтæ*»⁴³² – не нарушь борозду, там под ним есть головные и локтевые кости, т.е. если будет испорчена граничная борозда, то произойдет драка, причем пострадают головы и руки (*перевод наш – Т. Д.*).

Отец занимает главенствующее положение в семье, однако в то же время не вправе прогнать сына из дому без имущественного обеспечения без выдела ему известной части семейного достояния. М. М. Ковалевский объясняет это тем, что семейное имущество не принадлежало главе дома на правах частной собственности, он его пожизненный распорядитель. Совладельцем в общем имуществе наравне с отцом является сын, который поэтому и должен был получить при оставлении им семьи свой пай, свою определенную обычаем долю. В сведениях об адате мы находим подтверждение:⁴³³ «Отец имеет право прогнать от себя сына, но в то же время должен отделить ему часть (пай) своего имения, без чего он его прогнать не может. Часть эта отделяется таким образом, что отцовское имение разделяется поровну между отцом и всеми его сыновьями и прогнанный сын получит одну часть»⁴³⁴.

Если мужской род прекращался, то все право на владение движимым и недвижимым имуществом переходило к ближай-

⁴³¹ Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области // ППКОО. Владикавказ, 2006. Кн. 6. С. 378-379.

⁴³² Ирон æмбисæндтæ / Сост. Гутиев К. Орджоникидзе, 1976. С. 78.

⁴³³ Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон... Т. 1. С. 293.

⁴³⁴ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 26.

шим родственникам по мужской линии, даже в случаях наличия прямых потомков по женской линии. Дочери получали из отцовского наследства часть движимого имущества. Она предназначалась для их содержания, а также, для погребения и поминок в случае смерти. Это называлось *мардыкæнд* или *мæрддзаг*⁴³⁵.

Устраняя женщин от наследования, осетинский обычай в то же время не исключал наследников по женской линии. При отсутствии сыновей наследников, сын, прижитый вдовой после смерти мужа, а также сын его замужней дочери – допускались к наследованию, на правах собственных детей. Еще во 2 половине XIX в. играл роль обычай усыновления внука, т.е. сына дочери. Данная традиция имела место в строго определенных случаях, например, если у отца не было сыновей, то он, в целях оставить после себя наследника, предлагал зятю поселиться в его доме, для усыновления родившегося в этом браке мальчика. Последний, присвоив родовое имя деда, наследовал ему. Однако для такого акта необходимо было согласие родных усыновителя. К тому же, имело место такое обстоятельство, что не всякий зять соглашался на поселение в доме тестя и передать ему сына. На такое предложение давал согласие зять, который не мог уплатить калым, и не мог другим способом обрести семью⁴³⁶. Эта форма усыновления отражена в сборнике адатов: «в тех случаях, когда не было наследников мужского пола, бывали примеры, что если по приговору общества одна из дочерей выходила замуж и, живя с мужем в доме своего отца, приживала сына, то последний получал право на наследство всем именем»⁴³⁷.

Иногда сделка производилась в пользу зятя, который селился в этом случае во дворе дарителя и получал название *мидæгмой* (примак). Это бывало, впрочем, лишь в том случае, если у дарителя не было сыновей и он не желал передавать имущество более отдаленному родственнику. Производящие такое

⁴³⁵ Есиев А. Указ. соч. С. 379.

⁴³⁶ Магомедов А. Х. Указ. соч. С. 151.

⁴³⁷ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 75.

отчуждение, нередко предварительно получали на него согласие родни⁴³⁸.

Касаясь вопросов наследования имущества, следует также указать о категории детей от *номылугов*. Имущественное положение кавдасардов было хуже положения законных детей. Они не являлись совладельцами отца и при жизни не получали права на выдел. Право наследования имело место только в том случае, если в роде не оставалось лиц мужского пола. С отсутствием последних кавдасарды признавались за агнатов и вступали в обладание семейным достоянием. Исследователи указывали, что в таком случае кавдасарды выходили из своего сословия и становились *фарсаглагами*⁴³⁹.

В предыдущей главе мы рассматривали вопрос об акте усыновления убийцы матерью убитого. По совершении обряда вскармливания младенца его матерью, усыновленный занимал по отношению к матери убитого тоже положение, какое занимал ее сын. При всем этом усыновленный не попадал в число наследников и не заграждал кровным родственникам непосредственного доступа к наследству⁴⁴⁰.

Номылус после смерти своего мужа имела право на содержание. Ее не выгоняли из дома унаследовавшие его дети. Также как и законная жена она имела право только на содержание и не более⁴⁴¹. После смерти мужа, вдова оставалась в его доме не менее года. Ее проживание в одном дворе с родственниками покойного могло продолжиться и более года в том случае, если она не желала вступать в новый брак и оставалась жить с детьми. Наследники покойного обязывались удержать за вдовой положение, которое она занимала при муже, другими словами, если до его кончины она считалась главной хозяйкой во дворе или *æфсин*, то оставалась ею и после его смерти. В сведениях об адате 1844 г. сказано: «...вдове такая часть имения, чтобы она могла жить там с дочерьми своими. ... вдова со своими

⁴³⁸ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. 105.

⁴³⁹ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т.1. С. 297-298.

⁴⁴⁰ Там же. С. 301-302.

⁴⁴¹ Там же. С. 235.

дочерьми должна жить у младшего сына. Когда же эти дочери выходят замуж, то братья разделяют поровну между собой полученный за них калым»⁴⁴².

Наглядный пример прав вдовы показывает приговор медиаторского суда с. Новохристианского в 1880 г. Вдова Фардаус заявила жалобу на притеснение со стороны своего деверя Можи К., вследствие чего ей пришлось вернуться в дом своего брата. Она получила следующее решение: Фардаус должна перейти в дом Можи К. и быть в нем полной распорядительницей хозяйства, как этого требует обычай. Если она пожелает уйти, то она должна получить от него 150 р. и отойти куда угодно к родственникам. Однако в случае если она выйдет замуж, то должна оставить себе 50 р., а остальные 100 р. вернуть Можи, либо лицу, за которое она выходит замуж выплачивает Можи 100 р. Если Можи прогонит ее, то должен уплатить ей 200 р. Если Фардаус умрет в доме Можи, все вещи, бывшие у ней при выходе ее в замужество, должны быть возвращены ее родственникам согласно обычному порядку. Похороны ее и поминки должны быть отнесены на счет Можи К.»⁴⁴³.

Выделившийся из семейной общины, становился неограниченным хозяином своей доли и имел право заключать различные договоры и брать на себя обязательства. Касательно конфликтных ситуаций, возникающих в договорных сделках, необходимо учесть, что для недопущения возникновения таких ситуаций, предусматривались определенные установки. Глава семьи распоряжался аспектами хозяйственной деятельности семьи. Поскольку на имущество все члены семьи имели определенные права, в индивидуальном порядке ни у кого не имелось прав владения, имуществом распоряжалась вся семья в лице старшего, но это не означало, что его допускали ущемлять общие имущественные интересы семьи⁴⁴⁴. По

⁴⁴² Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 24.

⁴⁴³ Книга на записку жалоб жителей и решений Христианского сельского суда 2-го участка Владикавказского округа / Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон... Т. 1. С. 258-259.

⁴⁴⁴ Магомедов А.Х. Указ. соч. С. 177.

свидетельству М. М. Ковалевского, семейное достояние вверялось его попечению. Однако старейшина не оставался вне всякого контроля со стороны отдельных членов семьи. Семья наблюдала за его действиями; производимые им акты изъятия и сделки по займам приобретали законную силу при условии одобрения каждым из совершеннолетних мужчин. Если последовал открытый протест со стороны кого-либо из родственников, сделка считалась недействительной, и договаривающиеся стороны оставляли все в том виде, как это было до заключения сделки⁴⁴⁵.

Хотя глава семьи являлся полновластным распорядителем всего семейного имущества, договор, им заключенный, считался недействительным, если мужская часть двора высказалась против. Право продажи части семейного имущества старшина был вправе только тогда, когда этого требовал интерес семьи. Если на продаваемое имущество претендовали два покупателя, один из которых был родственником, то договор купли-продажи заключался приоритетно с последним.

М. М. Ковалевский, проводя сравнительный анализ, считал, что также как у других народностей, осетинское договорное право исходило от признания факта главенства отца в семье и неотчуждаемости принадлежащего последней имущества, и делал следующие выводы:

1. Отец, как глава семьи, был вправе заключать договоры;
2. Законная сила договора имела с условием согласия членов семьи;
3. В условиях договора не должно были предполагать безвозмездного отчуждения семейного имущества, кроме случаев необходимости;
4. Случаем необходимости признавалось устройство поминок по умершим и различные дарения с благочестивыми целями;
5. Одаряемым лицом мог быть кто-либо из родственников того же или другого двора;
6. По отношению к благоприобретенной собственности до-

⁴⁴⁵ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С.101.

говоры могли быть заключены также и отдельными членами семьи;

7. В случае смерти главы семейства, после раздела наступала полная свобода сделок наследниками по отношению ко всем видам имущества.

Договоры заключались устно. Единственным формальным способом заключения договоров было рукобитие, т. н. «Божья рука» (*хуыцауыкбух*). По совершении рукобития сделка считалась вошедшей в законную силу. Происходила сделка обычно в присутствии свидетелей (*æвдисæн*)⁴⁴⁶, которые в случае судебного процесса должны были засвидетельствовать заключение договора.

До 1869 г. право заключать договоры не имели несвободные члены общества (*гурзиаки*). Ф. И. Леонтович в своей работе указывал, что женщины также не признавались субъектами обязательственного права в том смысле, что договоры их были недействительны без согласия их мужей или отцов⁴⁴⁷. Ответственность за выполнение женщинами заключенных соглашений, как и за прочие их действия, несли лица, в чьей власти они состояли.

Что касается вдовы, то выделенной ей долей она имела право располагать самолично путем договоров. Однако последние заключались либо с введом старшего брата покойного, который после него являлся главой двора, либо с введом того из ее сыновей, с которым она поселилась после раздела. После смерти мужа, супруга ничего не получала в наследство. Она оставалась жить у главного наследника и получала от него полное содержание. В случае отсутствия сыновей жена имела право распоряжаться всем имуществом, с правом пользоваться им, но ничего не продавать. В случае вступления во второй брак, она теряла это право. За неимением сыновей, имущество переходило к старшему в семье по мужскому колену⁴⁴⁸. Бездетная вдова, избиравшая местожительством двор своих родителей, вступала в договоры обыкновенно с их согласия.

⁴⁴⁶ Абаев В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 198.

⁴⁴⁷ Леонтович Ф. И. Указ. соч. С. 79.

⁴⁴⁸ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 34. Л. 2-2об.

Основанием к неисполнению одной из сторон принятого ею обязательства служил обман. Обыкновенным видом обмана являлось скрывание тех или других недостатков в объекте договора. Если недостатки обнаруживались после его заключения, сделка считалась недействительной. Лучшей иллюстрацией к сказанному могут служить заключаемые осетинами брачные договоры. Осетинские посредники определяли размер взысканий с не выполнившего условия соглашения двора, лишая его уплаченной части калыма. Такой платеж не был обязателен в том случае, если у засватанной девушки обнаруживались физические недостатки и болезни, которые или были скрыты от родни жениха во время сватовства, или появлялись позднее. Жених мог безнаказанно отказаться от девушки, потерявшей свое целомудрие, даже после сговора, а также в случае, если она оказывалась болезненной. Однако разрешением конфликта служило принятие присяги родителями невесты в том, что она, смотря по обстоятельствам, или сохранила свое целомудрие, или не имела тех физических недостатков, какие приписывала ей родня жениха⁴⁴⁹.

3.2. Регламентация семейно-брачных отношений

Общепринятой и самой распространенной формой заключения брака у осетин XIX-XX в. являлось сватовство по взаимному сговору между семьями жениха и невесты. Затем начиналась длительная подготовка к свадебному торжеству. Многие путешественники, побывавшие на Кавказе, описывают традиционную осетинскую свадьбу. Интересны в этом плане работы И. Д. Канукова «В осетинском ауле»⁴⁵⁰ и Г. Ф. Чурсина «Осетины»⁴⁵¹. Авторы рассказывают о браках по договору, с согласия

⁴⁴⁹ ПМА.

⁴⁵⁰ Кануков И. Д. В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе, 1985. С. 209.

⁴⁵¹ Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк // Труды ЗНА. Тифлис, 1925. С. 38.

и без согласия молодоженов, о так называемом «люлечном створе», выплате калыма, содержании приданого. В работе «Закавказский край» А. Гакстгаузен приводит размеры калыма, а также указывает на строгое соблюдение внутрисословных браков⁴⁵². В общих и специальных работах по этнографии Осетии встречаются описания традиционной свадебной обрядности осетин. Например, А. Х. Магометов довольно подробно рассматривает свадебную обрядность осетин в дореволюционный период⁴⁵³.

Семейно-брачные отношения, как и заключение брака в традиционном осетинском обществе, регламентировались целым комплексом запретов и регламентаций. Необходимо учесть, что во всех обществах Осетии имелись свои специфические особенности однако существовали некоторые общие брачные ограничения. Прежде чем перейти к рассмотрению самой процедуры заключения брачного договора, необходимо описать те виды запретов, которые соблюдались в брачных отношениях.

Осетины строго придерживались сословной эндогамии. Она являлась одним из важных ограничений заключения брака. А. Шегрен отмечал, что «...равенство браков соблюдается очень строго; старшина (наш дворянин) ни за что не выдаст свою дочь за фарсаглага... Таким же образом и фарсаглаг не выдает своей дочери за человека ниже его состоянием; а себе жену не возьмет из низшего состояния»⁴⁵⁴. Среди высшего сословия Осетии было принято заключать браки между собой, но приветствовались также браки с кабардинской знатью. К примеру, в описаниях брачных отношений в Дигорском обществе, исследователи отмечают, что жених и невеста должны были

⁴⁵² Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношения народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. СПб., 1857. Ч. 2. С. 105.

⁴⁵³ Магометов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Историко – этнографическое исследование. Орджоникидзе, 1968. С. 231.

⁴⁵⁴ Шегрен А. М. Осетинские исследования. Владикавказ, 1998. С. 35.

быть равными и по происхождению, и по положению; «поэтому у дигорцев не было примера неравных браков»⁴⁵⁵.

Зависимость заключения брака от сословной принадлежности также нашло отражение в адатах: «Тагаурские алдары в замужество из фамилий фарсаглагов и кавдасардов никого не брали, также и не отдают дочерей за означенные фамилии»⁴⁵⁶.

Сословная принадлежность была не единственным фактором, влияющим на заключение брака. Строгому табуированию подлежали браки между родственниками как по отцовской, так и по материнской линии. По утверждению этнолога И. Т. Марзоева, в осетинской традиции браки между близкими родственниками исключались, а бытовавшие случаи, когда сын женился на однофамилице своей матери или бабушки, объяснялись тем, что избранница происходила из другой, более отдаленной ветви фамилии. Данное явление автор считает влиянием ислама на осетинскую аристократию⁴⁵⁷. Некоторые фамилии, сохранявшие память о бывшей принадлежности к одному роду, предпочитали не вступать в брачные отношения. Нарушение правил экзогамии при наличии хотя бы отдаленных степеней родства вызывало осуждение. Представители этих фамилий считались кровными родственниками, имевшими отдаленного общего предка. Как указывает З. Д. Гаглойти, табуирование заключения брака господствовало в пределах квартала села или всего села, что обуславливалось бытовавшей ранее практикой расселения по родственному признаку. С течением времени в селах появились новые фамилии, однако старые традиции запретов, существовавшие во времена заселения деревни представителями одного рода, проявляли живучесть, и обычай воспрещения бракосочетания внутри одного села сохранялся до XIX в.⁴⁵⁸

При заключении брака соблюдалась очередность, как для женщин, так и для мужчин. Выбор кандидатур как невесты, так

⁴⁵⁵ В. Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 340.

⁴⁵⁶ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 40.

⁴⁵⁷ Марзоев И. Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII- нач. XX вв. Владикавказ, 2011. С. 118.

⁴⁵⁸ Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Т.1. Общественный быт осетин в XIX в. Тбилиси, 1974. С. 19.

и жениха, часто зависел от их родителей. Свадебные обряды начинались с организации сватовства. Семья молодого человека тщательно выбирала сватов из числа родственников и соседей, как правило от 3 до 5 самых авторитетных мужчин. В соответствии с традиционными представлениями семья девушки давала положительный ответ только после третьего, а то и больше визита сватов. После получения согласия на брак тотчас же назначался день официального сговора – *фидыд*⁴⁵⁹. В этот день было принято оставлять в семье задаток невесты примерно в 5 или 10 р., корову или лошадь. Только после этого сватовство считалось свершившимся, и отказ от этой договоренности мог повлечь серьезные последствия, вплоть до кровной мести. Представители зажиточных сословий Осетии преподносили отцу и матери невесты коня – *фыды-баех, мады-баех*⁴⁶⁰.

Если по какой-то причине сторона жениха расторгала помолвку, задаток не возвращался, более того, жених был вынужден нести частное наказание, которое заключалось в выплате от 25 до 50 р. в пользу стороны невесты. Для безнаказанного расторжения помолвки требовались веские причины и доказательства⁴⁶¹. К примеру, известен случай, когда некий Гаппо С., засватав Н., узнал, что она имеет близкие отношения с Б. Он потребовал возвращения задатка, на что получил отказ от отца невесты. Тогда жених обратился к старшине с просьбой разобрататься в этом деле в судебном порядке. Во время судебного слушания соседка невесты сообщила, что неоднократно была свидетелем встреч девушки и молодого человека. Суд постановил вернуть Г. задаток, а также ввиду оскорбления его чести уплатить ему 15 р.⁴⁶²

Одним из важных условий вступления в брак являлось оформление брачного договора, выразившегося в уплате ка-

⁴⁵⁹ Шанаев Дж. Т. Свадьба у северных осетин // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып.4 С. 7.

⁴⁶⁰ Багаев А. Б. Верховая лошадь в этнокультурной традиции осетин. Владикавказ, 2015. С. 83.

⁴⁶¹ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 64.

⁴⁶² Терские ведомости. 1895. №7.

лыма (*ирæд*). Калымом являлась та сумма, которую семья жениха выплачивала за невесту. Размер калыма определяли до заключения помолвки путем устного договора между семьями. Сначала эта сумма определялась свободным договором. Размеры калыма устанавливались исходя из родовитости фамилии. Установленный размер калыма для каждой фамилии оставался неизменным. Чаще всего он выплачивался мелким и крупным рогатым скотом, который являлся главным эквивалентом при обмене, а также дорогими вещами, среди которых особенно ценились медный котел для варки пива и оружие. Исследуя осетинские свадебные обычаи, А. Х. Магомедов отмечает, что «размер калыма, принимая за единицу стоимость коровы, определялся от 25 до 100 коров, в зависимости от знатности и веса той фамилии, к которой принадлежала девушка»⁴⁶³. В начале XIX в. размер калыма составлял 30-100 быков⁴⁶⁴. В сборнике адатов 1844 г. в Дигорском обществе старшине за дочь полагался калым в размере 60 голов рогатого скота, тогда как у фарсаглагов он составлял 10 голов. По получении калыма старшина раздавал по 3 головы ближайшим родственникам – братьям и дядям. В Тагаурском обществе за девушку отдавали 100 быков или 1000 р. серебром. Куртатинское общество установило калым размером в 100 коров⁴⁶⁵. Калым не соответствовал экономическому положению народа и вел к разорению сельского хозяйства – единственного источника существования. В архивных фондах сохранилось следующее описание размера калыма, который дает некий Б. Х.: «Я при сговоре подарил 20 р. и подарков на 15 р. Калым мой состоял из 15 овец, 2 быков, 2 коров. На свадьбу я предоставил жертвенное животное, мешки муки и подарки. Это был калым бедняка»⁴⁶⁶.

Зачастую сверх калыма преподносили еще и дорогие подарки, такие как сабля, ружье, хороший конь и т.д. В Куртатинском

⁴⁶³ Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVIII-XIX в.). Орджоникидзе, 1974. С. 234.

⁴⁶⁴ Терские ведомости. 1887. № 4.

⁴⁶⁵ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 40-44.

⁴⁶⁶ НА СОИГСИ. Отд. Литература. Ф. Фольклор. Д. 122. П. 92. Л. 9.

обществе имел место следующий случай: Г. С. сватал сестру Т. Т. Сверх калыма Т. Т. требовал верхового коня, а в противном случае угрожая сорвать его брак с сестрой. Жениху, влюбленному в девушку, пришлось расстаться с конем⁴⁶⁷.

В сборнике адатов 1866 г. у бадилят – высшего сословия Дигорского общества – полагался калым в 650 р., за девушку из простолюдин уплачивали 150 р. Высшее сословие Тагаурского общества установило калым в размере 420 р.⁴⁶⁸

У южных осетин З. Д. Гаглойти указывает, что через некоторое время после сватовства в дом жениха являлись представители родителей невесты для заключения соглашения о калыме. Они назывались *ирадисджыта* – получатели калыма. Переговоры о размере калыма носили характер торговли: родители невесты требовали большего, сторона жениха наоборот, добивалась снижения его. *Ирадисджыта* забирали с собой вола и корову (*фидауеджы галл аеае хъуг*) как свидетельство достигнутого соглашения, через некоторое время забирали остальной ирад⁴⁶⁹.

Как правило, калым выплачивался дробно. Сама невеста не вправе была принимать калым, так как он являлся собственностью семьи невесты. Если ее отец был в живых, то он принимал калым, если нет, то он передавался братьям невесты, а в случае отсутствия братьев, родственникам по мужской линии. Преимущество отдавалось тем, в чьем доме воспитывалась невеста⁴⁷⁰. Позже одна треть калыма отдавалась в полное распоряжение невесты. Как указывается в адатах, долю из калыма имели ближайшие родственники невесты. По три скотины отдавалось братьям отца и по две – братьям матери невесты⁴⁷¹.

Следы пережитков арийского семейного права некоторые исследователи видят в выплате платежа поселению, из кото-

⁴⁶⁷ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 107. Л. 6.

⁴⁶⁸ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 67-68.

⁴⁶⁹ Там же. С. 23.

⁴⁷⁰ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон... Т. 2. С. 245.

⁴⁷¹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 33.

рого берется невеста. Размер его был незначительным – 9 р., и известен под названием – *каувандаг*. Жених вносил поселению сумму для того, чтобы получить от него право увести с собой невесту. В этом признавались некогда известные права на нее. Последнее легко объяснимо если принять во внимание родовой характер древнейших поселений и доказывает признание обычаям в прежние времена тех прав на девушек, которые впоследствии признавались за лицами, живущими в одном дворе⁴⁷².

В эпоху пореформенной модернизации, в период перехода к товарно-денежным отношениям, роста цен, расслоения и массового обнищания людей, размер калыма резко возрос, и кроме того, его стали требовать в денежной форме.

В начале XIX столетия жениться мог тот, кто уплачивал калым в короткий срок. С замужеством девушка уходила из своего рода и подчинялась власти мужа. Она находилась на его полном содержании и не владела никаким собственным имуществом⁴⁷³.

Когда калым был уплачен, назначался день свадьбы. Брак считался заключенным с того момента, когда жених, по окончании свадебного торжества, переступал порог дома, в котором жила его невеста. Однако очень часто уплата калыма отсрочивалась. Брак не считался законным до полной уплаты калыма⁴⁷⁴.

Однако для всех сословий существовало общее правило, отразившееся в адатах. Если брак не состоялся после уплаты полного размера калыма или одной его части, то уплаченное следовало возвратить. Расторжение брачного договора подлежало обязательному аргументированию. Если семья жениха требовала возвратить уплаченный калым, то обязательно приводила весомые доводы своего решения. Так, в 1862 г. житель с. Бад Т. Н. заплатив за девушку Г. Р. полный калым, узнал о ее отношениях с соседом С. Дж. Не договорившись с родителями невесты, которые отрицали данную информацию, Т. Н. обра-

⁴⁷² Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 1. С. 260-261.

⁴⁷³ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 41.

⁴⁷⁴ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 109. Л. 29.

тился в народный суд. Выслушав показания свидетелей, которые подтвердили подозрения жениха, народный суд постановил: «вернуть калым Т. Н., а также подозреваемый уплачивает штраф в размере 80 рублей жениху и женится на Г. Р.»⁴⁷⁵.

Одним из вариантов разрешения вопроса о выплате калыма и заключении брака было такое явление, как «внутренний муж», муж, вселяющийся в дом жены (*мидæгмой*)⁴⁷⁶. Это явление было редким и считалось унижительным для мужчин. Основной причиной такой формы заключения брака была отработка калыма. На такой вид заключения брака обычно соглашался молодой человек из очень бедной семьи, а также если у него было мало родственников, которые могли оказать содействие в сборе калыма. Н. Жданов приводит следующее: «Не всякий осетин может выкрасть себе невесту и не у всякого найдутся средства для выкупа за нее. В таком случае жених должен поступить в работники к своему будущему тестю и заработать себе жену своим личным трудом. Лишь после долгого служения, иногда проработав 6-8 лет, он получает право жениться на избранной девушке»⁴⁷⁷. Обычно его брали пастухом. Отработав обусловленный договором срок, (А. Х. Хадикова указывает 5 лет), жених увозил невесту в свой дом⁴⁷⁸. Данная форма заключения брака не носила массового характера и не приветствовалась среди холостых мужчин. Осетинские поговорки отразили отношение народа к подобным бракам: *йæ каистимæ чи цæры, уый уызын йæхицæй æвзæрдæр хоны* (досл. с осет. С родственниками кто живет, тот считается хуже ежа). *Дзылы дæр ма, мидæгмоймæ чи бацыд, уымæй йæхи кадджын-дæр хоны* (досл. с осет. И чиж себя считает почетнее того, кто живет у родственников жены)⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ Пфаф В. Б. Народное право осетин // ССК. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 320-321.

⁴⁷⁶ Абаев В. И. Указ. соч. Т. 1. С. 115.

⁴⁷⁷ Жданов Н. Рассказ о кавказском племени осетинах. М., 1898. С. 58.

⁴⁷⁸ Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб., 2003. С. 191.

⁴⁷⁹ Ирон æмбисæндтæ. С. 34.

В осетинском обычном праве спорным вопросом считались обстоятельства повторного бракосочетания вдовы или разведенной женщины. На этот случай также были разработаны особые регламентации. Известно, что члены Тагаурского общества вынесли общее решение о выплате калыма за вдову только по согласию обеих фамилий. Единственным условием было то, что калым за вдову или разведенную женщину должен был быть меньше, чем за девицу. «За вдову платили по обоюдному согласию с обеих сторон, но по уменьшенной цене сравнительно с калымом, платимым за девицу. С 1830 г. по общему добровольному согласию между обществом тагаурских алдар, сделано условие платить: за девицу 300 р. серебром и лошадь, стоящую 30 р. серебром. За вдову по усмотрению же родственников и согласию их между собой»⁴⁸⁰.

В Куртатинском обществе за молодую вдову был установлен калым такого же размера, что и за девицу, то есть 100 коров; за женщину в возрасте платили не более 20 быков⁴⁸¹. В сборнике адатов 1866 г. Дигорское общество установило калым за вдову в размере 500 р.; в Тагаурском обществе алдары требовали 420 р. калыма как за девушку, так и за вдову⁴⁸².

Нередко калым присваивали себе не только родственники жены, но и родственники покойного мужа.

Сравнительная история арийских законодательств показывает нам, что процесс постепенного вымирания калыма или платы за невесту состоял в переходе его в приданое. Вместо того, чтобы оставлять за собою полученное им от жениха имущество, отец невесты обращал его в пользу последней⁴⁸³.

В исследуемый период в Осетии еще наблюдались случаи левирата. Родственники мужа были заинтересованы в заключении брака между вдовой и братом умершего, так как, во-первых, если она уходила в родительский дом или выходила замуж

⁴⁸⁰ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 40.

⁴⁸¹ Там же. С. 42-43.

⁴⁸² Там же. Вып. II. С. 69.

⁴⁸³ Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон... Т.1. С. 247.

за представителя другой фамилии, они теряли рабочую силу; во-вторых, если среди детей умершего были сыновья, то им необходимо было отдать долю отца. При левирате имуществом умершего распоряжался его брат. Следует учесть, что дети оставались в семье умершего отца. Вероятно, что основной причиной согласия вдовы на левират было именно нежелание оставлять детей.

Однако в нескольких случаях за вдовой оставалось право выбора: «Если вдова не имела детей и не хочет вновь выйти замуж, то новый муж должен заплатить семейству, из которого она выходит, половину покупной цены»⁴⁸⁴.

Ввиду того, что жена или дочь никогда не наследовали, то выходит, что вдова не получала доли после смерти мужа. Если она все-таки уходила в родительский дом, то она имела право забрать предметы из своей комнаты⁴⁸⁵. На это указывает и цитата из сочинения А. Есиева: «...жена, уходящая из дома умершего, может забрать все вещи и все убранство своей комнаты»⁴⁸⁶. Калым не возвращался, о чем свидетельствует адат: «Если вдова не пожелает остаться в доме бывшего ее мужа и уходит к родным, то калым тоже не возвращается»⁴⁸⁷.

Если у покойного было несколько братьев, то среди них вдова сама могла выбрать себе мужа. На это указывал и А. Яновский: «После смерти мужа родной брат должен жениться на оставшейся вдове, хоть бы он и был женат; впрочем, более двух таких жен иметь не позволено. Если же после покойного осталось несколько братьев, и каждый из них желает взять вдову, то спор решается ее собственным выбором»⁴⁸⁸. При левирате калым имел место. В адатах Дигорского общества этот факт

⁴⁸⁴ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 27.

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Есиев А. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин терской области // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибириков. Владикавказ, 2006. Т. VI. С. 379.

⁴⁸⁷ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С. 66.

⁴⁸⁸ Яновский А. Осетия. Обзорение российских владений за Кавказом. Ч. II. СПб., 1836. С.199.

оговаривается следующим образом: «Если брат умершего ба- дията женится на вдове покойного, то уплачивает вторичный за нее калым 150 р.», а также в сборнике адатов Тагаурского и Куртатинского обществ 1866 г.: «Если брат женится на вдове своего брата, то платит за нее вторичный калым, равняющийся 3-й части первого, т.е. 140 р.»⁴⁸⁹.

Приговором осетинского народа 1859 г. левират пытались отменить. Полковник М. Кундухов, по инициативе которого приговор был составлен, утверждал, что «вдове братья мужа удерживать или заставлять выйти замуж за кого- либо из них не могут, если она сама того добровольно не пожелает; как у христиан, так и у магометан, жена после смерти мужа остается свободно и может выходить замуж за кого ей угодно; но у христиан же выходить замуж за родственников прежнего мужа воспрещено церковным уставом»⁴⁹⁰.

Крупнейший исследователь осетинской этнографии А. Х. Магометов указывал на существование у осетин и такого обычая, как сорорат в форме вступления в брак вдовца с сестрой умершей жены⁴⁹¹. Главном фактором в данном случае были интересы детей, а также имущественный платеж – калым, который мог быть меньше.

Запреты и регламентации, принятые в осетинской традиции, а также правовые нормы брачной политики осетин были чрезвычайно развиты и, безусловно, являлись весомой частью не только семейного, но и общественного уклада.

Заключение брака не обходилось без значительных издержек для семьи невесты, которая готовила угощения для первого прихода жениха в дом невесты (*сиахсыцъид*). Поэтому, отменяя калым, общественный приговор 1879 г. решительно высказывается против и этого обычая, состоящего в том, что нареченный жених вместе со сверстниками, числом не менее 12, а чаще всего от 60 до 120 человек, отправлялись в дом не-

⁴⁸⁹ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. II. С.38.

⁴⁹⁰ Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011. С. 19.

⁴⁹¹ Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С.114.

сты и пировали там по меньшей мере 2 дня, разоряя тем самым семью невесты⁴⁹².

Одним из способов урегулирования конфликта было временное проживание жены в родительском доме. В случаях, если она была отправлена мужем, то женской частью девушки применялись меры для ее возвращения в семью и воспитательные беседы. В случаях, когда жена сама уходила (*тæргай алыгъд*) семьей мужа применялись меры для ее возвращения, такие как отправка в ее родительский дом представителей фамилии. К. Борисевич заметил данный аспект внутрисемейной жизни осетин: «Иногда же буйных жен прогоняют к родителям. Когда они одумаются – берут обратно. Таким образом предупреждается разлад между братьями из-за жен»⁴⁹³.

При расторжении брака определение вины той или другой стороны имело целью определение имущественной ответственности или судьбы калыма, данного за жену. Для расторжения брака без материального ущерба имелись некоторые причины. В случаях наличия одной из причин, брак расторгался, а калым или доля калыма возвращалась. Причины, по которым допускается расторжение брака по инициативе мужа примерно следующие: бесплодие, неуважение к свекру и свекрови, дурной нрав, болезненное состояние и т.д.

Редкое явление развода можно объяснить невыгодными экономическими последствиями – потеря рабочих рук, а также вероятность невозвращения калыма. При разводе без основательных причин калым, а впоследствии приданое, не возвращались, а также следствием безосновательного расторжения брака могла быть кровная вражда со стороны отца и братьев жены. Причина развода должна была быть сформулирована перед родственниками жены, а также родственниками мужа.

Общество, принимало участие как в заключении брака, так и в разлучении и разводе, но участвовало неодинаково. В случае заключения она участвовала лишь в качестве нотариально-

⁴⁹² Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 246.

⁴⁹³ Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. №1-2. С. 243.

го учреждения руководила действиями сторон, присутствовала при их совершении, укрепляла эти действия. В остальных двух случаях общественная власть являлась в роли судебного учреждения, выслушивала спор, оценивала доказательства и постановляла решение⁴⁹⁴.

Если жена уходила от мужа без значимых причин, то ее родственники были обязаны вернуть выплаченный за нее калым. Если муж разводился с женой, то адат определял, какую часть калыма родственники жены должны были вернуть. При основательных причинах развода муж имел право требовать от ее родственников возвращения одной трети калыма. Если муж прогонял жену по собственному желанию, он должен был выдать ей часть калыма. У осетин – христиан жена получала известное имущество: третья часть калыма отдавалась родителями в ее пользу, и этой частью муж был вправе распоряжаться только с ее согласия; в случае развода, она полностью переходила во владение жены. Осетинский обычай признавал за мужем право в любое время прогнать жену. *Ауахта, усы ауагъд* – развод по воле мужа, *хицæн канын* – разводиться. Однако только в том случае, когда указана основательная причина для развода, муж был вправе требовать возвращения 1/3 калыма, которая в противном случае перешла бы к жене⁴⁹⁵.

Умыкание (*скъæфт*, либо *чызг алыгъд*⁴⁹⁶) у осетин не являлось нормой обычного права и могло вызывать негативные последствия, вплоть до кровомщения.

Следует обратиться к трудам общественных деятелей, которые затрагивали актуальные для Осетии в XIX – начале XX в. проблемы, связанные с семейно-брачными отношениями, в местной периодической печати. Х. Уруймагов в корреспонденции остановился на проблемах похищения девушек и уплаты калыма. Невозможность выплаты калыма, по мнению автора, приводила к похищениям девушек⁴⁹⁷. В статье «Из селения Хри-

⁴⁹⁴ Кулишер М. И. Развод и положение женщины. СПб., 1896. С.87.

⁴⁹⁵ Ковалевский М. М. Указ. соч. Т. 2. С. 256.

⁴⁹⁶ ПМА.

⁴⁹⁷ Гостиева Л. К., Хадикова А. Х. Вклад Харитона Уруймагова в

стиановского» А. Медоев поднимает актуальные вопросы, которые, по его мнению, должны были быть рассмотрены на съезде осетинского народа 20 декабря 1879 г. Автор приводит факты из повседневной жизни осетин, касающиеся похищения невест, калыма и т.д.⁴⁹⁸ Он считает, что «выдавать девиц замуж против их воли родителям непростительно, но не менее родителей виноваты в этом молодые люди, строго идущие по следам своих предков... По старым обычаям человек, от которого отказывается засватанная девица, считался слабым и негодным. Раздоры по поводу подобного оскорбления продолжались иногда десятки лет, приводили к кровопролитию, в результате чего погибали целые фамилии. Следы этого обычая и теперь еще держатся...»⁴⁹⁹. И. Кесаев в статье «Из жизни осетин» приводит случай похищения девицы: после того как отец невесты отказался сократить размер калыма, половину которого жених уже уплатил, последний решил украсть засватанную девушку⁵⁰⁰.

Проанализировав данные работы, можно сделать выводы о том, что главной причиной похищения девиц исследователи называют высокий размер калыма, который являлся обязательным условием для заключения брака. Такую причинно – следственную связь авторы доказывают, приводя данные, согласно которым до повышения размера калыма в осетинском обществе умыканий было гораздо меньше или не было вообще. Крайне негативное отношение к умыканию в исследованиях объясняется тем, что кража невесты была не характерна для традиционного семейного быта осетин.

Эта острая социальная проблема была самой обсуждаемой в периодической печати пореформенного времени. Газеты «Терские ведомости», «Северный Кавказ», «Терек», «Казбек» публиковали многочисленные статьи с описанием конкретных

этнографическое осетиноведение [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: www.science-education.ru/120-15405 (дата обращения: 13.04.2015).

⁴⁹⁸ Терские ведомости. 1881. № 12.

⁴⁹⁹ Терские ведомости. 1881. № 21.

⁵⁰⁰ Терские ведомости. 1894. № 100.

ситуаций, которые сегодня являются достаточно репрезентативным источником для изучения целого ряда вопросов, связанных с трансформацией традиционной культуры, а именно такого конфликтогенного явления, как похищение девиц – его форм, последствий и способов урегулирования.

Умыкание девиц случалось по различным причинам. Семья девушки не всегда принимала сватовство молодого человека, так как обращала внимание на условия жизни жениха, на родовитость фамилии и на его возможность быстрой уплаты калыма. Если их что-нибудь не устраивало, они придумывали формальную причину, по которой не могли выдать свою дочь.

В том случае, если один из претендентов на руку девушки был из другого осетинского общества, а второй являлся односельчанином, то предпочтение отдавалось последнему⁵⁰¹.

Если несколько парней сватали одну и ту же девушку, то один из них, опасаясь выбора не в его пользу, решался на умыкание, хотя зажиточные женихи в таких случаях могли предложить семье невесты двойной калым.

Бывали случаи умыкания и без сватовства. Когда парень по какой-то причине предвидел отказ, то он договаривался с друзьями и они помогали похитить девушку.

Если у девушки были старшие незамужние сестры, то какой бы калым парень ни предлагал, он всегда получал отказ, так как младшая сестра не могла выйти замуж до тех пор, пока не выйдут старшие. В таких случаях парень решал вопрос путем умыкания девушки.

Умыкание в большинстве случаев случалось по взаимному стовору жениха и невесты. С помощью посредника они назначали дату и время похищения.

К похищению девиц прибегали бедные крестьяне с целью сокращения свадебных расходов.

Тот факт, что у осетин умыкание девиц существовало наряду с господствующей формой брака не подлежит сомнению⁵⁰².

⁵⁰¹ НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 64. Л. 61.

⁵⁰² Канукова З.В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник. Московский государственный

Попытаемся выявить способы умыканий, а также причины непризнания умыкания общепринятой формой брака на примере архивных материалов, содержащих дела, связанные с похищением невест.

Мы изучили 30 уголовных дел, возбужденных в связи с умыканием девиц в Осетии с 1872 по 1919 г. Условно умыкание можно разделить на две формы – насильственное и формальное, т. е. фиктивное.

К формальному умыканию прибегали в некоторых случаях. Причиной могло быть несогласие родителей невесты на брак, высокий калым, сословное неравенство или то обстоятельство, что девушка была засватана за другого. В июле 1901 г. житель сел. Верхний Тменикау Б. А. принес судебному следователю жалобу на своего односельчанина В. Т., который похитил из его дома дочь Варвару А. с целью вступления с нею по ее согласию, но без его разрешения в брак, что они впоследствии и сделали. Б. А. просил привлечь к уголовной ответственности за похищение как похитителя В. Т., так и согласившуюся на похищение дочь. Суд постановил В. Т. признать виновным в том, что похитил дочь Б. А. для вступления с ней в брак против воли отца, а Варвару А. в том, что согласилась на похищение. В. Т. был приговорен к аресту на три недели, а подсудимая – к уединенной жизни в доме родителей на такой же срок⁵⁰³. Еще один случай: житель с. Салугардан Асланбек Т. заявил, что ночью 11 ноября 1894 г. вооруженными похитителями, взломавшими окна и двери комнаты, была похищена его племянница Сафетка Т. В качестве подозреваемого заявитель назвал Владимира З. из с. Ардон, так как последний давно сватал девушку и уже заплатил половину калыма. Девица Т. отказалась возвращаться в свой дом и указала в протоколе, что на увоз была сама согласна. Ее родственники и те, кого послали на поиски, остались в доме Владимира З. для получения оставшейся части калыма⁵⁰⁴.

институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 73.

⁵⁰³ ЦГА РСО – А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 528. Л. 4.

⁵⁰⁴ ЦГА РСО – А. Ф. 280. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

Последствия заключения брака вопреки желанию родителей были достаточно суровы как для жениха, так и для невесты⁵⁰⁵. Семья девушки могла применить и репрессивные меры, например, лишить ее права возвращения домой в случае развода и права посещения своей семьи.

Известны случаи, когда семья невесты отказывалась брать калым, считая, что умыканием ей нанесли оскорбление. В протоколе дела по похищению девицы Н. К. приводятся слова жениха: «Родители невестки Н. и С. К. отказались принять калым из принципа, что дочь без их согласия вышла за меня замуж»⁵⁰⁶. Рождение детей являлось главным поводом для примирения враждующих сторон.

Еще одной причиной формального похищения было желание родителей с обеих сторон сократить свадебные расходы, так как умыкание не требовало сватовства и свадьбы. К такой форме брака прибегала малоимущая часть населения. Подобное умыкание не являлось поводом для уголовного дела, поскольку последнее обычно заводилось по просьбе отца или брата похищенной. В своих отчетах старшины указывали, что слышали об умыкании девушки, протоколировали случай, но на этом дело заканчивалось, так как девушка добровольно согласилась на похищение, и родители не имели ничего против.

Насильственное умыкание могло служить поводом серьезного столкновения между фамилиями в исследуемый период. Умыкание часто происходило с применением силы и всегда приводило к конфликту. Так, К. Ц. был убит в своем доме на глазах у только что похищенной им невесты ее братьями⁵⁰⁷.

Рассмотрев судебные дела, причиной возбуждения которых была насильственная форма умыкания, можно сделать следующие выводы. Похищение девушки без ее согласия редко влекло за собой заключение брака. В ходе следствия последнее слово оставалось за невестой, которая отказывалась от брака, объ-

⁵⁰⁵ Марзоев И. Т. Указ. соч. С. 254.

⁵⁰⁶ ЦГА РСО – А. Ф. 280. Оп.1. Д. 38. Л. 3.

⁵⁰⁷ ЦГА РСО – А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 350. Л. 2.

ясняя свое решение нелюбовью к жениху и тем, что она его не знала.

Дифференцированная шкала штрафных санкций по формам умыкания прослеживается и в сборниках адатов. Приведем пример адата по насильственному увозу: «У алдар за увоз девушки без согласия ее и родных последние получают вознаграждение по определению медиаторов, и кроме того с виновных взыскивается штраф в общественную сумму по 25 р. с каждого»⁵⁰⁸. «У фарсаглагов и кавдасардов за увоз девушки без согласия ее родные получают 18 коров и угощение, по определению суда или медиаторов. Если же увезенная окажется изнасилованною, то родные с виновных получают полный калым»⁵⁰⁹. Рассмотренные адаты показывают, что насильственная форма умыкания невесты расценивалась как преступление и грозила штрафом не только жениху, но и соучастникам похищения. Обязательной составляющей умыкания было заключение примирения между сторонами.

Таким образом, можно выделить следующие формы умыкания: насильственную и формальную (с согласия невесты и родителей). Большое количество жалоб во Владикавказский суд по причине похищения девушек позволяет сделать вывод о том, что умыкание не является исконным осетинским обычаем. Тем не менее, формальное умыкание не рассматривалось как преступление.

Если выплата калыма затягивалась, то умыкание невесты также могло использоваться в целях ускорить процесс. Таким образом, мнение о том, что похищение девушки было выгодно для жениха тем, что он освобождался от уплаты калыма, также маловероятно. Как свидетельствуют архивные источники, калым все равно постепенно выплачивался отцу невесты. Разница была лишь в том, что при традиционном заключении брака, калым должен был быть выплачен полностью до свадьбы, а в случаях умыкания жених выплачивал его постепенно, а также мог отсрочить выплату ввиду экономической несостоятельно-

⁵⁰⁸ Леонтович Ф. И. Указ. соч. Вып. II. С. 70.

⁵⁰⁹ Там же. С. 73.

сти. Размер калыма лишь в некоторых случаях мог быть меньше.

Негативное отношение к умыканию, которое встречается в исследованиях местной интеллигенции, можно объяснить тем, что существовала традиционная форма заключения брака, которая сопровождалась полным комплексом обрядов и ритуалов, необходимых для принятия невесты в дом жениха и установления законности брака. В свою очередь умыкание не предполагало исполнения обрядности в полном объеме.

Основной причиной умыкания девиц был возросший размер калыма в условиях капитализации экономики и обнищания крестьянства.

Проанализировав архивные материалы, мы пришли к выводу, что несмотря на распространенное мнение об отсутствии выкупа за невесту при похищении, калым во многих случаях все же выплачивался.

Таким образом, умыкание воспринималось осетинским обществом как негативное явление, вызов традиционным устоям, следствием которого становились кровная месть, судебные иски, имиджевые потери для девиц и их семей, сложные примиренческие процедуры.

Вместе с тем, умыкание невест было способом адаптации к новым экономическим условиям, а со временем стало применяться и по другим причинам, не связанным с материальным состоянием жениха, что способствовало его большему распространению.

Похищение девицы происходило следующим образом: среди родственников или соседей девушки парень находил помощника, через которого передавал информацию девушке. Через того же посредника парень узнавал, в какой комнате ночует девушка и в какое время суток какого дня лучше организовать ее похищение.

Затем он обращался за помощью к самым близким друзьям, которые, по его мнению, могли ему помочь в этом деле. Обычно это были его друзья, ровесники, которые могли быть и из других селений. Парень сначала определялся с местом, куда он

украдет девушку. Похитители невесты собирались в определенном месте тайно, чтобы никто не узнал повод и обсуждали план умыкания. Похитителей могло быть от 10 до 30 человек. Они избирали лидера, который руководил планом действий и распределением обязанностей.

Похитители всегда ставили целью осуществления своей цели: обязательно похитить девушку независимо от обстоятельств. Интересно, что иногда были жертвы со стороны похитителей, но сами они редко применяли оружие против родственников невесты, так как это считалось большим позором⁵¹⁰.

Обычно они оставляли своих лошадей недалеко от дома невесты, пробирались в ее комнату, завязывали ей рот, чтобы не кричала и не звала на помощь. Заранее ей готовили одежду, в которую она переодевалась, так как обычно умыкание происходило ночью, и она бывала в одной рубашке.

Если парень был девушке не мил, то она не подпускала его к себе и пыталась убежать. Бывали случаи самоубийства со стороны девушки, если семье не удавалось вернуть ее домой. Если семья девушки вовремя обнаруживала пропажу, то им иногда удавалось отобрать девушку. Очень часто похитителям удавалось так хорошо ее спрятать, что семья несколько месяцев не могла ее найти⁵¹¹.

Семья парня бывала озабочена тем, чтобы помириться с семьей девушки. Несмотря на то, что умыкание происходило довольно часто, процедура примирения двух фамилий была довольно болезненной. Родственники парня старались не встречаться с родственниками девушки до окончательного примирения, понимая, что нанесли серьезную обиду фамилии девушки. Если девушка была знатного происхождения, а парень нет, то ее семья могла начать кровную месть. Вот почему семья парня избегала встреч с семьей девушки до полного примирения⁵¹².

Семья жениха прилагала старание к ускорению этого процесса, поскольку считалось постыдным, если обе фамилии дол-

⁵¹⁰ Пфаф В. Б. Указ. соч. Т. 2. С. 276.

⁵¹¹ Магометов А. Х. Указ. соч. С. 307.

⁵¹² НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 88. Л. 245.

гое время не могли примириться. Для этого они обращались за помощью к авторитетным мужчинам селения, их отправляли в дом невесты для того, чтобы они извинились и примирили семьи. Делегаты семьи жениха приезжали к дому невесты, слезали с коней и засылали в дом посредника, который объяснял цель их визита. После этого глава семьи выходил к мужчинам, самый старший из которых просил извинения за дерзость, говоря, что они явились в его дом по просьбе тех, кто нанесли им тяжелую обиду и оскорбили не только его, но и всю фамилию и селение. После этого он от имени семьи просил извинить семью и фамилию. Глава семьи обычно давал ответ следующего содержания: «Нам нанесли тяжелую обиду, они нас опозорили, вломившись в дом. Мы не породнимся с этой фамилией, но вы, наши старшие, оставили свои дела и заботы, для того чтобы помирить нас и мы вас очень уважаем и стесняемся вас. Спасибо вам за то, что согласились помочь двум фамилиям и не оставили нас в беде»⁵¹³. Каждый из посредников просил не отправлять их обратно без положительного ответа, на что глава семьи отвечал, что у него есть родственники, и он не может дать ответ, не посоветовавшись с ними. Тогда посредники, поблагодарив его, уходили. В следующий раз к тем же посредникам присоединялись старшина селения или почетные старики, чьей помощью семья заручалась заранее. Происходила та же самая процедура. Глава семьи выходил обычно с мужчинами из своей фамилии и сыновьями. Старший из посредников опять приносил извинения от имени обидчиков, а после него человек из селения от имени всего селения просил фамилии помириться. Глава семьи заявлял, что не может один принять решение о примирении и не может отвечать за всю фамилию, поэтому сначала ему необходимо посоветоваться с родственниками. Посредники ставили условие, что не уйдут с его двора, пока не получат согласие на примирение и уговаривали его посоветоваться с теми, кто в доме. После совещания родственников невесты, глава семьи выходил и произносил речь следующего содержания: «Вы, наши старшие, оставили свои дела и работы для того, чтобы по-

⁵¹³ Там же. Л. 11.

мирить нас, и мы вас очень уважаем и стесняемся. Ради вас мы прощаем тех, кто нас так опозорил, такие почетные мужчины как вы не должны уходить от нас с отрицательным ответом»⁵¹⁴. После этого старшина селения благодарит семью за понимание и принятие правильного решения, за уважительное отношение к селению и фамилии, которая просит прощения. Затем старший из посредников благодарит главу семьи за подобающее к ним отношение. Затем трое мужчин из семьи невесты, двое из семьи жениха и один мужчина из посредников направляются в дом семьи жениха. Здесь для них готовят угощения. Во время посещения семьи жениха гости узнают подробности похищения девушки: кто жених, кто помогал ему в умыкании, почему он решил украсть ее, а не воспользовался принятой формой брака – сватовством и так далее. После получения ответов на свои вопросы представители семьи невесты выдвигали требования к семье жениха уплаты за похищение девушки определенной суммы. Только после уплаты этой суммы происходит окончательное примирение двух фамилий. Семья жениха готовит угощение, приглашает родителей и родственников невесты для знакомства и примирения.

Разрешения конфликтов по умыканиям в большинстве своем так и происходили, но бывали случаи, когда братья похищенной девушки врываются в дом парня и если находили кого-нибудь из мужчин, то убивали, давая повод к началу кровной мести. Бывало, что они могли украсть из фамилии или семьи парня незамужнюю девушку и выдать ее за кого-нибудь из своей фамилии. Во время сбора полевого материала нам стал известен такой случай. Некий Беппа А. похитил девицу из фамилии Ц., жительницу селения Карца. Братья Ц. устроили погоню, во время которой был убит друг Беппа Т. Но Ц. были решительно настроены отомстить. Они совершили набег на дом К-ых в с.Хумалаг, полагая, что украденную девушку прячут в доме, где жила сестра Госагиз А. Действительно, девушку прятали в этом доме, но успели увести ее в Ингушетию, где А. помогли его друзья. Тогда Ц. решились выкрасть его сестру, но не

⁵¹⁴ Там же. Л. 13.

застали ее дома. Хотели украсть жену брата Беппа Дину Дз., но к ее счастью, среди мстителей оказался близкий родственник, не допустивший ее похищения. Ц. в результате похитили девицу Чабахан А. и бросили клоч среди фамилии – «Кай хъæуы, уый йе аканад» («Пусть берет ее тот, кому она нужна»). Взял ее в жены некий Цалык Ц., с которым она прожила долгую и счастливую жизнь, несмотря на то, что их брак был результатом раздора между двумя фамилиями. Ц. долго не хотели идти на примирение, считая себя оскорбленными, особенно долго упорствовала мать девушки. Жили они несколько лет в Грозном и вернулись в Осетию с двумя детьми⁵¹⁵.

Калым был главной причиной поздних браков у осетин. Чтобы жениться, мужчина в течение ряда лет вынужден был работать, уезжать на заработки. Это стало причиной широкого распространения отходничества, в том числе и за рубеж. В прессе описан такой случай: некие А. Т. и М. Т. питали друг к другу взаимную симпатию. Т-ев, посватавшись к Т-вой, не смог сразу уплатить искомый калым и, чтобы собрать нужную сумму, уехал на заработки в Америку. Девушка долго ожидала его возвращения, но он так и не вернулся, пропав без вести⁵¹⁶.

Бывали случаи, когда родители невесты не уступали просьбе сократить размер калыма. Житель с. Гизель увез девицу, имевшую отца и братьев. Братья невесты взяли с него калым в 600 р., а отец невесты потребовал в виде подарка хорошую верховую лошадь с седлом за то, что он согласится приехать в его дом для примирения⁵¹⁷.

Калым стал тем фактором, которым помимо умыкания, в большой мере обуславливалось множество негативных последствий в жизни осетин – убийства во время погони, кровная месть, семейные раздоры, превращение женщины в предмет купли-продажи. Житель с. Карджин старик М. направлялся с семьей в Санибанское ущелье. Его дочь была просватана за жителя Беслана Б., который из-за отсутствия средств для выплаты

⁵¹⁵ ПМА.

⁵¹⁶ Новое обозрение. 1896. № 43.

⁵¹⁷ Казбек. 1901. № 29.

калыма, с товарищами устроил засаду в безлюдном месте ущелья и, напав на родителей, отнял у них свою невесту. Родители обратились к сельским властям, которые передали это дело во Владикавказский окружной суд. Похитителей наказали, но не за похищение девушки М., а за сопротивление властям⁵¹⁸.

Против калыма и других «разорительных обычаев» активно выступала и российская администрация, заинтересованная в платежеспособности населения. Она уговаривала сельские сходы принимать «приговоры» о запрете или сокращении размера калыма. В 1859 г. начальник округа обратился к собранным во Владикавказе представителям осетин с речью, которая впоследствии была разослана в виде циркуляра по всем обществам. Были затронуты вопросы местной жизни, начиная с кровной мести, калыма, поминок и т.д.⁵¹⁹ Приговоры составлялись, принимались сельскими сходами, но в реальной жизни никто не хотел начинать с себя нарушение традиции. В местной периодике зафиксировано что первыми выдавшими замуж дочерей без калыма были Татари Саламов и Хатахцко Ходов⁵²⁰.

По настоянию полковника Муссы Кундухова, начальника Военно-осетинского округа, плата на невесту была отменена самими осетинами в конце 70-х годов, и эта отмена была подтверждена общественным приговором в 1879 г. Приговор был подписан представителями Тагаурского, Куртатинского и Дигорского обществ Осетии⁵²¹.

Правоприменительная деятельность сельского схода XIX – начала XX в., который функционировал в сельских обществах Осетии, представляет особый интерес для изучения миротворческого потенциала по вопросам урегулирования социальных конфликтов. В рамках юридической этнологии исследование этого вопроса способствует пониманию особенностей правового взаимодействия обычного права осетин и российского за-

⁵¹⁸ Каргинов С. В Осетии / Кавказ. 1915. № 115.

⁵¹⁹ Северный Кавказ. 1896. № 36.

⁵²⁰ Кокиев С. В. Калым у осетин // ППКОО. Цхинвали, 1987. Т. III. С. 318.

⁵²¹ Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011. С. 20-21.

конодательства, а также помогает охарактеризовать причины и условия появления новых социальных норм, регулировавших общественные отношения на локальном уровне.

Причина трансформации вековой традиции в понятие «вредный обычай» связана в первую очередь со скачками в размерах калыма, а не в самом обычае. Калым не соответствовал экономическому положению народа и вел к разорению сельского хозяйства, которое было единственным источником существования. В эпоху пореформенной модернизации, когда начался переход к товарно-денежным отношениям, рост цен, расслоение и массовое обнищание людей, резко вырос размер калыма. Это вело к разорению сельских хозяйств, а также к нарушению традиционной формы брака⁵²². Анализ источников показал, что калым считался главной причиной умыкания девушек, так как его размеры не соответствовали экономическому положению осетинского общества в конце XIX – начале XX в.

Столь серьезное отношение к вопросу калымного обычая со стороны российской администрации, прежде всего вызвано фискальным интересом и заинтересованностью в платежеспособности населения. С помощью общественных приговоров, выносимых сельскими сходами, администрация пыталась урегулировать конфликты по выплате калыма.

Один из таких сельских сходов состоялся в феврале 1879 г. В нем принимали участие представители селений Владикавказского округа, которые постановили: «ирæд как нелепый и даже безнравственный обычай отменить, вменив брачную экипировку невесты в обязанность родителей девушки». В то же время никах, как обеспечивающий прочность магометанского брака и как религиозный обряд оставить нетронутым, «но с тем, чтобы он не имел характера калыма, то есть не пользовались бы им преждевременно родители невесты, а служил бы

⁵²² Гостиева Л.К. Этнографические очерки Андрея Медоева [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. №2. URL: <http://www.science-education.ru/117-13049> (дата обращения: 12.04.2014).

лишь обеспечением жены в случае развода по вине мужа. Виновных в нарушении сего постановления подвергать денежному штрафу в размере 200 р., каковые и обращать в сельскую сумму»⁵²³.

27 декабря 1894 г. делегаты от сельских обществ на Ардонском собрании ходатайствовали перед начальником Терской области о решении калымного вопроса. В прошении говорилось о достаточно большом размере калыма, а также приводились некоторые последствия, к которым, по мнению жителей, приводил калым:

«1. За последнее время наша молодежь, не имея возможности уплатить калым, начала практиковать систему открытых вооруженных похищений, кои изо дня в день все учащаются, внося в нашу среду бесконечные ссоры, драки, убийства.

2. Желание выплатить условленный калым бросает нашу молодежь на путь открытого конокрадства и скотокрадства.

3. Стремление нашего народа жить большими семьями, благотельно влияющее на экономическую сторону народной жизни, с каждым годом ослабевает, ведя к безалаберным разделам, главною причиною которых является калым»⁵²⁴.

Следствием прошения стало совещание начальника Владикавказского округа с доверенными сельских обществ Осетии, по итогам которого был принят приговор, регламентировавший процесс выкупа невесты.

Слово калым – *ирæд*, связанное в представлении народа с существовавшими размерами платы за невест, заменялось понятиями «экипировочные» и «сговорочные деньги» (*фидауæггаг-араæггаг*). Это касалось как христианского, так и мусульманского населения Осетии. Сумма сговорочных и экипировочных денег не должна была превышать 100 р. даже в случае обоюдного согласия брачующихся сторон увеличить размер платы. Сословный статус девушки при получении калыма не учитывался. Также постановление отменяло традиционный свадебный дарообмен. Сговорочная и экипировочная суммы

⁵²³ ЦГА РСО – А. Ф. 11. Оп. 13. Д. 162. Л. 21.

⁵²⁴ ЦГА РСО – А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 216. Л. 9.

передавались родителями жениха родителям невесты деньгами, а не скотом или каким-либо другим имуществом. При этой процедуре было обязательным присутствие двух посторонних для договаривающихся сторон лиц.

Принятый документ содержал санкции по отношению к тем, кто нарушал постановление. Исполнение наказаний за подобные правонарушения возлагалось на сельские власти, а также на 2-3 доверенных членов обществ. Особо отмечались функции местных священников, муллы. В круг их обязанностей входило приводить к присяге лиц, заподозренных в даче или получении суммы сговорочных и экипировочных денег, превышающей 100 р. В случае принятия присяги теми, от кого она потребована, брак совершался, в противном случае священник или мулла отклоняли просьбу в совершении брака до времени возврата лишней суммы.

Постановление также определяло способ урегулирования вопроса, если нарушение выявлялось после совершения обряда венчания. В таких случаях стороны подвергались штрафу на усмотрение административных властей. Принятый общественный приговор был подписан всеми делегатами этого съезда и засвидетельствован начальником Владикавказского округа. Указанные правила стали обязательными для исполнения во всех селениях, делегировавших своих представителей на этот съезд⁵²⁵.

В 1902 г. в Алагире состоялся съезд представителей осетинского народа для обсуждения «неустройств своей жизни и изыскания способов к их устранению». Инициатором организации этого съезда была российская администрация. На повестке дня стоял также вопрос о размере калыма. В принятом постановлении 6-м пунктом устанавливался размер калыма в 100 рублей, а также исключались все расходы в виде подарков со стороны жениха невесте⁵²⁶.

7 марта 1913 г. жители всех селений первого участка Владикавказского округа под председательством штаб-капитана

⁵²⁵ ЦГА РСФСР – А. Ф. 113. Оп. 1. Д. 216. Л. 14.

⁵²⁶ Тифлисский листок. 1902. № 287.

А. Редько обсуждали на сходе вопрос об уничтожении калыма. Сход признал обычай устарелым, крайне разорительным для населения, результатом которого являются кражи, грабежи, убийства, и единогласно, за исключением выборного от Хидикусского общества, решил: установить до полного уничтожения этого обычая размер калыма за девицу или вдову не свыше 200 р. В мусульманских обществах никак не должен превышать 200 р., а за разведенную женщину – 100 р. Стоимость подарков родным невесты не должна превышать сумму в 5 р. Кроме того, при заключении брака священник или мулла были обязаны приводить к присяге всех ближних родных невесты и жениха в том, что «первые не взяли и не возьмут, а вторые не платили и не заплатят более означенной суммы»⁵²⁷.

В периодической печати часто писали о деятельности должностных лиц, следивших за исполнением приговоров, а также образцовых членах обществ, которые при выдаче дочерей замуж следовали постановлениям общественных приговоров. Житель с. Цамад Дагомского прихода Ц. Ч., несмотря на запрет требования калыма, взял с М. К. выкуп за свою дочь в количестве 4 быков, 6 коров и 2 лошадей. Сельский старшина отобрал у Ч. полученный им калым и возвратил его обратно К., взяв с Ч. расписку, в которой тот дал обязательство «под опасением строгой ответственности не брать больше калым»⁵²⁸.

Более детальное исследование путей регулирования размера калыма затруднительно ввиду ограниченности источниковой базы. Судебные дела о несоблюдении решений общественного приговора рассматривались сельскими судами, однако журналы протоколов решений сельских судей не сохранились.

Таким образом, деятельность сельского схода по вопросам калыма ограничилась предложениями о сокращении его размера, но не упразднении. При установлении размера калыма не принималось во внимание наличие сословной иерархии осетинского общества. В законодательном порядке устанавливались правила приема и размера калыма, несоблюдение ко-

⁵²⁷ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 16. Л. 13.

⁵²⁸ Терские ведомости. 1895. № 152.

торых приводило к наказанию согласно законодательству Российской империи. Однако общественные приговоры, которые принимались сельскими сходами, не смогли искоренить традицию принятия калыма.

Впоследствии, в годы Советской власти, борьба против формы брака умыканием, как и против выкупа за невесту, продолжалась. В 1923 г. калым был запрещен законодательно, а за получение и уплату калыма обвиняемые приговаривались к пяти годам лишения свободы и конфискации имущества.

Каждая традиция в процессе исторического развития, особенно в переломные эпохи, приобретает новации, трансформируется, порождает промежуточные компромиссные формы. Мирный исход конфликта является следствием утраты в современном быту осетин таких последствий умыкания, как калым и кровная месть.

Таким образом, патронимическая группа представляла собой целостную, обособленную систему социального порядка со своим управлением, материальным распределением и семейной обрядностью. Управленческие функции были в руках главы и совета фамилии, состоящего из старших по возрасту мужчин, которые регулировали жизнь на основе обычно-правовой системы. Глава семьи обладал и юридическими полномочиями. В его функции входило разрешение семейных конфликтов, а также исполнение судебного постановления. Для решения таких вопросов, как распоряжение землей, продажа и покупка земли, деление наследства, система композиций в патронимии собирался фамильный совет.

Основной причиной умыкания девиц был возросший размер калыма в условиях капитализации экономики и обнищания крестьянства. Проанализировав архивные материалы, мы пришли к выводу, что несмотря на распространенное мнение об отсутствии выкупа за невесту при похищении, калым во многих случаях все же выплачивался. Таким образом, умыкание воспринималось осетинским обществом как негативное явление, вызов традиционным устоям, следствием которого становились кровная месть, судебные иски, имиджевые потери для

девиц и их семей, сложные примиренческие процедуры. Вместе с тем, умыкание невест было способом адаптации к новым экономическим условиям, а со временем стало применяться и по другим причинам, не связанным с материальным положением жениха, что способствовало его большему распространению. В законодательном порядке устанавливались правила приема и размера калыма, несоблюдение которых приводило к наказанию согласно законодательству Российской империи.

Таким образом, запреты и регламентации, принятые в осетинской традиции, а также правовые нормы брачной политики осетин были чрезвычайно развиты и, безусловно, являлись весомой частью не только семейного, но и общественного уклада.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В традиционном осетинском обществе действовала четко сформированная и организованная система самоуправления. Преимущественное право в урегулировании общественных отношений в большинстве случаев принадлежало *ныхасу*. Институт третейства, согласно сложившейся традиции, был основным и весьма эффективным регулятором правоотношений в рамках традиционного осетинского социума.

Преступлением считались действия, направленные против личности и имущества. К преступлениям против личности относились убийство, ранение, супружеская измена женщиной, изнасилование, нанесение оскорбления, нарушения обычая гостеприимства, а также имущественные преступления такие, как внутриобщинные случаи воровства и грабежа. Осетинское право не различало деяния, совершенные намеренно или неосторожно, умышленно или неумышленно. Субъектами преступлений были все свободные общинники, за исключением женщин, за которых отвечал муж, брат или отец, а также бесправных лиц – за них отвечал владелец.

Анализ архивных документов и опубликованных источников показывает, что осетинское право выделяло несколько категорий ранений: ранения лица, раны без повреждения костей и раны тяжелые и легкие. Основным требованием при разрешении конфликта оставалась обязательная материальная компенсация, а от потерпевшей стороны – согласие на примирение. Главная задача посредников заключалась в примирении двух фамилий и приостановлении развития конфликта, который мог привести к кровомщению.

Система действующих наказаний предполагала компенсирование нанесенного ущерба. Основным видом наказания являлись композиционные выплаты. Дифференцированная шкала выплат была четко налажена и зависела от таких факторов как тяжесть преступления, сословная и половая принадлежность пострадавшего. Штрафы взыскивались в денежном эквиваленте. В целом для традиционного осетинского общества

была характерна относительно однородная система наказаний, целью которой было мирное урегулирование конфликтов.

Миротворческая деятельность общества была нацелена на избегание кровной мести, обязательное справедливое наказание виновного, а также сохранение общественного порядка. Главной целью, которую преследовали посредники, было примирение двух фамилий и недопущение дальнейшего развития конфликта, которое могло привести к кровомщению.

Анализ социальных, а также семейно-патронимических конфликтов и форм их урегулирования выявил ряд специфических особенностей, главной из которых является сложное взаимодействие представления о преступлении и наказании нового российского законодательства и обычного права осетин.

В пореформенное время правовые основы деятельности сельских должностных лиц были закреплены в «Положении о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и общественных в горском населении Терской и Кубанской областей». Данный документ отражает схему сельского управления, созданную российской администрацией для Кубанской и Терской областей. Согласно разделу «О сельском общественном управлении», в каждом обществе функционировал сельский сход, сельский старшина, сельское правление, сельский суд. Сельский старшина являлся главным должностным лицом в сельском обществе Осетии в период пореформенной модернизации. Он выполнял исполнительно – распорядительные функции, контролировал многие стороны жизнедеятельности общества. Кроме того, старшина являлся посредником между административной властью и населением вверенной им территории. Архивные документы наглядно показывают, что наличие общинных институтов ограничивало произвол чиновников, а неправильный подбор лиц на должности усиливал недовольство и сопротивление сельских обществ властям. В ведении суда находились все жители селения, кроме принадлежавших к привилегированным сословиям и пользующихся особыми правами. Итогом проведенных преобразований на Северном Кавказе, которые, трансформи-

ровали местную административную систему, было приближение к российскому судоустройству.

Внедрение имперских судебных органов привело к существенным запретам довольно распространенного обычая кровной мести. В течение рассматриваемого периода кровная месть постепенно вытеснялась композициями, происходила ее замена на кровную плату. Однако полного замещения не произошло, и в большинстве случаев, перед согласием на примирение и выплату компенсации, все же совершалось одно ответное убийство.

Несколько трансформировавшись, обычай кровной мести сохранялся у осетин долгое время. Если раньше до заключения перемирия и получения материальной компенсации предусматривалось ответное убийство, то в новое время постепенно вводилось тюремное заключение убийцы, примирение двух фамилий, уплата денежной пени. Ограничению подвергался круг лиц, имевший право мстить, а также и тех, в отношении которых месть применялась. На примере уголовных дел можно определить, что к ним отнесены только родные братья убитого и убийцы, то есть фамильная месть становилась семейной. Сокращались и конфликтогенные причины, приводившие к кровной мести. В пореформенный период во многих судебных делах проводилось следствие для выявления личности преступника, так как преступление совершалось тайно. Ранее убийство на почве мести носило открытый характер и считалось доблестным исполнением долга.

С введением российского управления система композиций претерпела достаточно серьезные изменения. Некоторые виды компенсаций, такие как, нанесение ответного увечья, заключение брака для приостановления кровной мести, воспитание ребенка кровника, были исключены из применения. Вводилась новая для осетинского общества система, которая не всегда удовлетворяла потерпевшую сторону. Местным население крайне негативно принимало новые формы наказаний, представленные российской судебной практикой: прохождение сквозь строй, ссылки в Сибирь, тюремное заключение, штра-

фы. Они не соответствовали понятиям горцев о гуманности и человеческом достоинстве. Приговор суда не влиял на авторитет человека в традиционном обществе. Очевидным фактом было пренебрежительное отношение к вопросам социального и национального равенства граждан перед российским законом.

Российская администрация использовала некоторые обычно-правовые аспекты при урегулировании конфликтов. Каждое преступление требовало не только удовлетворения с помощью компенсаций, но и примирения сторон.

Семейно-родственный коллектив представлял собой целостную, обособленную систему социального порядка со своим управлением, материальным распределением и семейной обрядностью. Управленческие функции были в руках главы и совета фамилии, состоящего из старших по возрасту мужчин, которые регулировали жизнь на основе обычно-правовой системы. Глава семьи обладал и юридическими полномочиями. В его функции входило разрешение семейных конфликтов, а также исполнение судебного постановления. Для решения таких вопросов, как распоряжение землей, продажа и покупка земли, деление наследства, система композиций в патронимии собирался семейный совет.

Существенному изменению подверглись миротворческие институты и формы урегулирования конфликтов под влиянием политики Российской империи. Однако, вопросы семейного раздела имущества, бракоразводные процессы, большей частью решались по нормам обычного права. Модификации подверглась кровная месть, вызванная таким конфликтом, как изнасилование. Потерпевшая сторона настаивала на заключении брака между потерпевшей и виновным, угрожая обращением в российский суд, что приводило к тюремному заключению виновного и уплате штрафа.

Основной причиной умыкания девиц был возросший размер калыма в условиях капитализации экономики и обнищания крестьянства. Проанализировав архивные материалы, мы пришли к выводу, что несмотря на распространенное мнение

об отсутствии выкупа за невесту при похищении, калым во многих случаях все же выплачивался. Таким образом, умыкание воспринималось осетинским обществом как негативное явление, вызов традиционным устоям, следствием которого становились кровная месть, судебные иски, имиджевые потери для девиц и их семей, сложные примиренческие процедуры.

Вместе с тем, умыкание невест было способом адаптации к новым экономическим и правовым условиям. В законодательном порядке устанавливались правила приема и размера калыма, несоблюдение которых приводило к наказанию согласно законодательству Российской империи. Такая инновация, введенная новым законодательством, облегчала условия выплаты калыма и становилась причиной еще большего распространения похищения девиц, но далеко не всегда находила понимание потерпевшей стороны.

Конфликтогенным фактором становилось расторжение брака, инициатива которого принадлежала мужчине. Для того, чтобы развод не вызвал кровную месть со стороны родственником жены, необходимо было привести достаточно серьезные основания, например, бездетность, болезнь жены и так далее. Без достаточных оснований на развод, муж терял право на возвращение калыма. Дети оставались жить с отцом. Запреты и регламентации, принятые в осетинской традиции, а также правовые нормы брачной политики осетин являлись весомой частью не только семейного, но и общественного уклада.

В ходе исследования выявлено существование специфики в формах урегулирования конфликтов в разных осетинских обществах, имевших развитые локальные (ущельные) варианты традиционной социальной культуры. В миротворческих практиках Северной и Южной Осетии пореформенного времени также выявлены существенные отличия, что объяснялось различиями нормативных документов (положений о сельских сходах) в Терской области и Тифлисской губернии.

Осетинские общества во многих ситуациях вместо обращения в суд, предпочитали такие новые миротворческие формы, как вклад виновной стороны в строительство церкви или шко-

лы, в благоустройство территории села. Такие миротворческие практики позитивно воспринимались и применялись и в более поздний период. Они могут быть актуализированы и в современной жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. ИСТОЧНИКИ

1.1. Архивные материалы

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН.

Ф. 4. Этнология. Оп 1. Д. 5, 11, 12, 34, 39а, 58, 61, 64, 88, 92, 97, 98, 107, 109, 112.

Ф. 33. Фонд проф. Г. А. Кокиева. Оп 1. Д. 2, 4, 154, 185, 193.

Ф. Фольклор. Отд. Литература. Д. 122. П. 92.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания.

Ф. 11 Терское областное правление. Канцелярия общего присутствия. Оп. 1. Д. 21, 305, 487; Оп. 7. Д. 15, 141, 242; Оп. 13. Д. 162; Оп. 20. Д. 6; Оп. 21. Д. 329, 605; Оп. 22. Д. 79, 140, 276, 431, 469.

Ф. 12. Канцелярия начальника Терской области. Отделение. 1 и 2 судные столы. (1858-1870). Оп. 3. Д. 16, 310, 563.

Ф. 112. Канцелярия начальника Терской области. Судный стол. Оп. 1 Д. 71.

Ф. 113. Владикавказский окружной суд (1872-1919 гг.); Оп. 1. Д. 1, 39, 82, 86, 93, 99, 94, 111, 113, 131, 173, 179, 216, 350, 460, 528, 688.

Ф. 117. Осетино – ингушский смешанный суд (1908-1910). Оп. 1. Д. 7, 10.

Ф. 119. Терский областной прокурор (1863-1919) Оп. 1. Д. 157, 199.

Ф. 120. Прокурор владикавказского окружного суда (1884-1919); Оп. 1. Д. 181, 188.

Ф. 224. Г. Баев – городской голова г. Владикавказа за 1865-1920 гг. Оп. 1. Д. 96, 139, 216, 276.

Ф. 280. Судебный следователь Владикавказского окружного суда. Оп. 1. Д. 4, 9, 17, 38.

1.2. Опубликованные документы и материалы

Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1885. Т. X (1844-1854). – 938 с.; Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1904. Т. XII (1856-1862). – 1552 с.

Материалы по истории Осетии: Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. / Сост. Д. А. Дзагуров. Дзауджикау, Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1950. Т. III. – 349 с.

Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов, по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В. С. Гальцев. Орджоникидзе, Государственное из-во СО АССР, 1942. Т. II. – 360 с.

Между централизмом и регионализмом: административные преобразования на Центральном Кавказе в 70-х гг. XIX – начале XX в.: Сборник документов / Сост., вступ. ст., коммент. Е. И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 225 с.

Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.) / Составление, вводная часть и примечания Б. А. Калоева. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное из-во, 1967. – 319 с.

Положение о сельских (аульных) обществах, их общественном управлении и повинностях государственных и обществен-

ных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1871.

Приговор осетинского народа. Владикавказ, 2011. Репринтное воспроизведение издания 1859 г. – 25 с.

Русско-осетинские отношения в XVIII в.: Сборник документов в 2-х т. / Сост. М. М. Блиев. Т. I. 1742-1762 гг. Орджоникидзе: Ир, 1976. – 512 с.; Т. II. 1764-1784 гг. Орджоникидзе: Ир, 1984. – 455 с.

1.3. Периодическая печать

Казбек. 1901. № 29.

Казбек. 1903. № 17-18.

Новое обозрение 1889. № 1905.

Новое обозрение. 1896. № 43.

Новое обозрение. 1899. № 54.

Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. В 7 т. / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали – Владикавказ, 1981-2014.

Проблемы этнографии осетин / Отв. ред. Тменов В. Х. Владикавказ. СОНИИ ИФЭ, 1989. Вып. 1. – 207 с.

Проблемы этнографии осетин / отв. ред. Тменов В. Х. Владикавказ, СОНИИ ИФЭ, 1992. Вып. 2. – 210 с.

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. III. – 358 с.

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. IV. – 370 с.

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. VII. 3. – 70 с.

Северный Кавказ. 1896. №36.

Терские ведомости. 1881. № 12, 21.

Терские ведомости. 1894. № 5, 100.

Терские ведомости. 1895. № 7, 152.

Терские ведомости. 1896. № 51.

Терские ведомости. 1897. №36.

Терские ведомости. 1898. № 21.

Терские ведомости. 1900. №11, 16.

Терские ведомости. 1901. № 74.

Терские ведомости. 1902. № 70, 110.

Терские ведомости. 1903. №56.

Терские ведомости. 1905. № 221.

Терские ведомости. 1887. №4.

Терский календарь на 1891 год. В 2-х кн. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1890. – 467 с.

Терский календарь на 1894 г. В 2-х кн. Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1893. Кн. 1. Вып. 3. – 354 с.

Терский календарь на 1895 г. Владикавказ, Типография Терского областного правления. 1894. Вып. 4. – 399 с.

Тифлисский листок. 1902. № 287.

Тифлисский листок. 1911. № 61.

II ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4 т. М.: Наука, 1958. Т.1. – 655 с.

2. Абазов А. О месте и роли третейских судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII-XIX вв. // Северо – Кавказский юридический вестник, 2014. №1. С. 47-52.

3. Абазов А. Х. Образы прошлого в системе регулирования общественных отношений у кабардинцев в XIX – начале XX в.: особенности формирования и проблемы сохранения // Лавровский сборник: Материалы XXXVI и XXXVII среднеазиатско – кавказских чтений 2012-2013 гг. Этнография, история, археология, культурология. СПб., 2013. С. 312-313.

4. Абазов А. Х. Обычаи имущественных захватов в системе правосудия Кабарды в конце XVIII – первой половине XIX в. // История науки и техники. Москва, 2010. № 1. С. 52-58.

5. Абазов А. Х. Основные виды исполнения наказаний в судебной системе Кабарды в 20-60-х гг. XIX в. // Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 55-71.

6. Аккиева С.И. Местное самоуправление горских народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. (на основе «Положения об аульных обществах и горском населении Кубанской и Терской области и их общественном управлении») // Обычное право и правовой плюрализм на Кавказе в XIX – начале XX в.: материалы Всероссийской научной конференции. Карачаевск: КЧГУ. 2009. С. 22-28.

7. Антропология права начало и эволюция дисциплины // Юридическая антропология. Закон и жизнь / Отв. Ред Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М.: Стратегия, 2000.

8. Анцупов А.Я. Шипилов А.И. Конфликтология. Учебник для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. – 496 с.

9. Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М.: ИАЭ РАН, 2012. – 340 с.

10. Анчабадзе Ю. Д. Общественные конфликты в пореформенном адыгском ауле (1860-1880 годы) // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 3. С. 39-43.

11. Арутюнов С. А. Кавказское застолье как социальный регулятор // Одиссей: Человек в истории. 1999. С. 68-74.

12. Арутюнов С. А. Об этнокультурном воспроизводстве в республиках // Этнографическое обозрение. 1990. № 6. С. 60-64.

13. Бабич И. Л. А. М. Ладыженский – исследователь обычного права народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 152-156.

14. Бабич И. Л. Народные традиции в общественном быту кабардинцев. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995. – 128 с.

15. Бабич И. Л. Правовая культура осетин и судебные реформы в XIX-XX вв. // Этнографическое обозрение. М.: Наука, 2001. С. 50-64.

16. Бабич И. Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860-1990-е годы). М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. – 238 с.

17. Багаев А. Б. Верховая лошадь в этнокультурной тради-

ции осетин. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН И РСО-А, 2015. – 168 с.

18. Бадтиев А. А. Кровничество четырех фамилий // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1. Д. 95.

19. Баев М. Г. Тагаурское общество и экспедиция генерал – майора князя Абхазова в 1830 году. // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1989. Кн. 4. С. 195-210.

20. Беджызаты Ч., Хъуылаты С. Уацмыстаæ. Дзæуджыхъæу: Ир, 1995. – 408 с.

21. Беланже Ш. Путешествие в восточную Индию в 1825-1829 годы // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 210-217.

22. Берzenов Н. Г. Из воспоминаний об Осетии // Кавказ. 1851. № 92.

23. Берzenов Н. Г. Из записок об Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1981. Кн.1. С. 126-132.

24. Берzenов Н. Г. Очерки Осетии // Кавказ. 1850. № 15, 47, 48, 93, 95.

25. Бзаров Р. С. Три осетинских общества в середине XIX в. Орджоникидзе: Ир, 1988. – 155 с.

26. Бларамберг И. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик: Изд.центр «Эль-фа», 1999. – 398 с.

27. Блиев М. М. Осетия в первой трети XIX в. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. – 174 с.

28. Бобровников В. О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // Вестник Евразии. 2000. №1. С. 19-46.

29. Борисевич К. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // ЭО. М., 1899. №1-2. С. 225-265.

30. Ботяков Ю. М. Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. Спб.: Петербургское востоковедение, 2004. – 208 с.

31. Броневский С. Новейшие географические и историче-

ские известия о Кавказе. В 2-х частях. СПб.: Петербургское востоковедение, 1823. Ч. I. – 352с., Ч. II. – 464 с.

32. Бутаев Д.Б. В горах Осетии // Казбек, 1902. № 1398, № 1402.

33. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. В 3-х частях. СПб., 1869. Ч. I. – 548с. Ч. II. – 602 с.

34. В. Х. Кое-что о дигорцах // Кавказ. 1887. № 340.

35. Ванеев З. Н. Избранные работы по истории осетинского народа. В 2-х т. Цхинвали: Ирыстон, 1990. Т. 2. – 431 с.

36. Васильева Л.М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. Орджоникидзе: Ир, 1975. – 174 с.

37. В-Н-Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. – 41 с.

38. Гаглоев Х. Д. Из истории судопроизводства у осетин // Известия ЮОНИИ. Вып. 13. Цхинвали, 1964. С. 257-260.

39. Гаглойти З. Д. Очерки по этнографии осетин. Тбилиси: Мецниереба. 1974. – 141 с.

40. Гаджиева С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX вв. Махачкала, 1985. – 360 с.

41. Газданова В.С. Институт номылул в общественной структуре феодальной Осетии // Проблемы этнографии осетин. Владикавказ: СОНИИИФЭ, 1992. Вып. 2. С. 110-118.

42. Газданова В.С. Общественное сознание осетин по крестьянским прошениям середины XIX века // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: СОНИИ ИФЭ, 1989. С. 68-78.

43. Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни // НА СОИГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2.

44. Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношения народов, обитающих между Черным и Каспийским морями: в 2 ч. СПб., 1857. Ч. 2. – 215 с.

45. Гарданов В.К. Система композиций в обычном праве адыгов (черкесов) в XVIII- первой половине XIX вв. М.: Наука, 1964. – 334 с.

46. Гарданов В.К. Обычное право как источник для изуче-

ния социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII- начале XIX вв. // СЭ. 1960. №5. С. 12-29.

47. Гассиев А. Нечто о положении женщины у горцев-мусульман // Тифлисский вестник. 1887. № 30.

48. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876.

49. Гатуев А. Об искоренении суеверных и разорительных обычаев в Осетии // Терские ведомости. 1881. № 36.

50. Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. СПб., 1908. – 72 с.

51. Гордеев Г.С. Вероисповедание, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1981. Кн.1. – 303 с.

52. Городецкий Б.М. Осетины нагорной полосы Терской области. (Этнографическо-статистические материалы). Екатеринбург: Основа, 1908. – 16 с.

53. Гостиева Л.К. Этнографические очерки Андрея Медоева [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. №2. URL: <http://www.science-education.ru/117-13049> (дата обращения: 12.04.2014).

54. Гостиева Л.К., Хадикова А.Х. Вклад Харитона Уруймагова в этнографическое осетиноведение [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2014. №6. URL: www.science-education.ru/120-15405 (дата обращения: 13.04.2015).

55. Гутнов Ф.Х. Адааты осетин: историографические заметки // Известия СОИГСИ. 2013. №10 (49). С. 31-56.

56. Гутнов Ф.Х. Древние обряды Дигорского общества. 1844 г. // Известия СОИГСИ. 2013. № 9 (48). С. 118-128.

57. Гутнов Ф.Х. Источниковедческие проблемы нормативной этнографии Осетии // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: СОНИИИФЭ, 1989. С. 17-40.

58. Гутнов Ф.Х. Нормы обычного права осетин. Часть. II. Адааты обществ Западной Осетии. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 322 с.

59. Гутнов Ф.Х. Обычное право осетин. Часть I. Адаты Тагаурского общества (Список Норденстренга. 1844 г.) Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 167 с.

60. Гутнов Ф.Х. П. К. Услар и адаты западных осетин // Известия СОИГСИ. 2014. №12 (51). С. 97-117.

61. Данилевский Н.Я. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М.: Полиграфсервис и Т., 1846. – 197 с.

62. Дзидзоев М.У. Общественно – политическая и государственно – правовая мысль в Северной Осетии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Орджоникидзе: Ир. 1979. – 246 с.

63. Дзидзоев М.У. Демократы дореволюционной Осетии о преступлении и наказании. Орджоникидзе, 1968. – 64 с.

64. Дирр А. Об обычном праве кавказских горцев. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. – 273 с.

65. Дмитриев В.А. Насильственные действия и их проявления в традиционном и современном социуме адыгов // Антропология насилия. Отв. ред. В.В. Бочаров и В.А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 332-381.

66. Дмитриев В.А. Способы преодоления насилия в традиционном обществе горских народов Северного Кавказа // Адат. Кавказский культурный круг: традиции и современность / гл. редактор и сост. Дмитриев В.А. М. – Тбилиси, 2003. С. 24-43.

67. Дробышевский В.С., Калинин А.Ф. Введение в юридическую антропологию: Проблемы методологии права. Ч. 1. Чита: Изд-во ЧитГУ, 2004. – 135 с.

68. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6-ти т. СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871-1888. Т.1. Очерк Кавказа и народов, его населяющих. Кн. I. Кавказ. 1871. – 366 с.

69. Думанов Х.М. Обычное имущественное право кабардинцев (вторая половина XIX – начало XX в.). Нальчик: Эльбрус, 1976. – 140 с.

70. Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик: Эльбрус, 1990. – 262 с.

71. Думанов Х. М. Думанова-Крымшокалова Ф. Х. Право и судебные органы адыгов // ИВ КБИГИ. Нальчик, 2006. Вып. IV. С. 111-141.

72. Дункель-Веллинг Н. Некоторые исконные обычаи у осетин Кударо-Мамисонского ущелья // Кавказ. 1855. № 24.

73. Егизарьянц С. А. Брак у кавказских горцев // Юридический вестник. 1878. № 6-7.

74. Есиев А. Б. Обычное земельное право и право землевладения горных осетин Терской области // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Ир, 2006. Кн.4. С. 375-391.

75. Жданов Н. Рассказ о кавказском племени осетинах. М., 1898. – 63 с.

76. И. К. (Кануков Инал). Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев. К., 1876. № 148.

77. Иваненко В. Разлад между уголовным законом и народным обычаем на Кавказе и его влияние на преступность // Русская мысль. 1904. № 4-6.

78. Иззатдуст Э. Способы решения конфликта: сила оружия или сила слова? Исторический очерк. М.: Academia, 2004. – 208 с.

79. Ирон адæмон сфæлдыстад. В 2 т. / Сост. З. М. Салагаева. Владикавказ: Ир, 2007. Т.1. 719 с. Т.2. – 655 с.

80. Ирон æмбисандтæ / Сост. К. Ц. Гутиев. Орджоникидзе: Ир, 1976. – 352 с.

81. История Осетии. Владикавказ, 2012. Т. 1. История Осетии с древнейших времен до конца XVIII века. Т. 2. История Осетии в XIX- начале XX века.

82. Кажаров В. Х. Избранные труды по истории и этнографии адыгов. Нальчик: Печатный двор, 2014. – 904 с.

83. Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Наука. 1967. – 243 с.

84. Кануков И. Д. В осетинском ауле / В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 20-61.

85. Кануков И. Д. К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев // Периодическая печать Кавказа

об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвал: Ирystон. 1987. Кн. 3. С. 383-388.

86. Кануков И. Д. Кроvный стол (из Горских обрядов) / В осетинском ауле. Рассказы, очерки, публицистика. Орджоникидзе: Ир, 1985. С. 287-290.

87. Канукова З. В. Гутиева Э. Ш. Городское пространство Северного Кавказа: традиционная культура в условиях урбанизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Известия СОИГСИ. Вып. 10 (49), 2013. С. 71-82.

88. Канукова З. В. Женское пространство в пореформенной Осетии // Кавказский сборник. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Центр кавказских исследований. Москва, 2008. С. 286-299.

89. Канукова З. В. Посемейные списки осетинских крестьян как этнографический источник // Проблемы этнографии осетин / отв. ред. Тменов В. Х. Владикавказ, СОНИИ ИФЭ, 1992. Вып. 2. С. 138-152.

90. Канукова З. В. Семья // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 323-332.

91. Канукова З. В. Этнография осетинского пореформенного села. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 1992. – 115 с.

92. Каргиев Б. М. Обычаи и обряды осетин дореволюционного периода // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1. Д. 109.

93. Каргинов С. Г. В Осетии // Кавказ. 1915. № 115.

94. Каргинов С. Г. Кроvная месть у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Ир, Кн. 7. С. 580-604.

95. Карпов Ю. Ю. Народные собрания и старшины в «вольных» обществах Северной Осетии в XVIII-XIX в. / Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе: СОНИИ, 1985. С. 102-118.

96. Карпов Ю. Ю. Образы насилия в новой и новейшей истории народов Северного Кавказа // Антропология насилия / Отв. ред. В. В. Бочаров и В. А. Тишков. СПб.: Наука, 2001. С. 221-263.

97. Клапрот Ю. Осетины в начале XIX в. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6.

98. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 105-180.

99. Клычников Ю. Ю. « Хищничество » и « пленопродавство » на Северном Кавказе // История и культура народов Северного Кавказа. Сб. научных трудов. Вып. 3. Пятигорск, 2005. С. 46-68.

100. Кобахидзе Е. И. Институты власти и управления у осетин (конец XVIII-XIX вв.). Владикавказ: РИО СОИГСИ, 2008. – 246 с.

101. Кобахидзе Е. И. « Не единою силою оружия... » Осетия конца XVIII-начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2010. – 452 с.

102. Кобахидзе Е. И. Общественный строй // Осетины. М.: Наука, 2012. С. 274-293.

103. Кобахидзе Е. И. Центральный Кавказ в объединительной политике Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2016. – 258 с.

104. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе. В 2-х т. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1890. – 626 с.

105. Ковалевский М. М. Поземельные и сословные отношения горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. № 12. С. 137-154.

106. Ковалевский М. М. Современный обычай и древний закон (обычное право осетин в историко-сравнительном освещении). В 2-х т. М., 1886. Репринтное воспроизведение. Владикавказ: Алания.1995. Т.1. – 342с.; Т.2. – 412 с.

107. Ковлер А. И. Антропология права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2002. – 467 с.

108. Кокиев Г. А. Очерки по этнографии осетинского народа / НА СОИГСИ. Ф. 33. Оп.1. Д. 282.

109. Кокиев Г. А. Примирение кровников / НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп.1. Д. 88.

110. Кокиев Г. А. Нормы осетинской морали // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе: СОНИИ ИФЭ, 1989. С. 50-67.

111. Кокиев С.В. Записки о быте осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. Владикавказ: Ир, 2014. Кн.7. С. 521-547.

112. Кокиев С.В. Калым у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1987. Кн. 3. С. 317-319.

113. Косвен М. О. Из истории родового строя Юго-Осетии // СЭ. 1936. № 2. С. 3-21.

114. Косвен М. О. Преступление и наказание в догосударственном обществе. Москва – Ленинград. 1925. – 140 с.

115. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1963. – 219 с.

116. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – 260 с.

117. Кох К. Путешествие через Россию к Кавказскому перешейку в 1837 и 1838 гг. // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 222-274.

118. Красницкий К. И. Кое-что об осетинском округе и о нравах туземцев его // Кавказ. 1865. № 29-33.

119. Красницкий К. И. Проект личных и поземельных прав туземцев Осетинского округа. 1859 г. // ЦГА РСО-А. Ф. 291. Оп. 1. Д. 25.

120. Кулишер М. И. Развод и положение женщины. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1896. – 300 с.

121. Кулов Б. С. Семья и семейный быт осетин 19 – нач. 20 вв. / НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 93.

122. Лавров Д. Я. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, Кн. 4. – С. 37-99.

123. Ладыженский А. М. Алаты горцев Северного Кавказа. М., 1947. Репринтное воспроизведение. Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при ГРУ и ИСПИ РАН. Ростов н/Д., 2003. Вып.18. – 220 с.

124. Ладыженский А. М. Методы этнологического изучения

права // Этнографическое обозрение, 1995. № 4. – С. 160-161.

125. Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) // Научная мысль Кавказа. Северо-Кавказский научный центр высшей школы. 1997. № 2. С. 80-89.

126. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П. А. Зеленого, 1882. Вып. I. 437с. 1883. Вып. II. – 396 с.

127. Лиахвели Г.Т. Древнее судопроизводство у осетин // Юридическое обозрение. 1885. № 197.

128. Лиахвели Г.Т. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. Тифлис, 1886. № 292.

129. М.Г. Приговор осетин // Терские ведомости. 1879. №50.

130. Магомедов Р.М. Адамы дагестанских горцев как исторический памятник. М., 1960.

131. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Историко – этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968. – 567 с.

132. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974. – 367 с.

133. Мансуров Н.С. Кавдасарды Тагаурского общества // Новое обозрение. 1892. № 291.

134. Мансуров Н.С. Обычный суд у осетин // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон. 1982. Кн. 2. С. 122-137.

135. Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп: Меоты, 1997. – 208 с.

136. Марзоев И.Т. Привилегированные сословия на Кавказе в XVIII- нач. XX вв. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 354 с.

137. Марков Е.А. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб., М., 1887. – 694 с.

138. Ме-в А. Из сел. Христианского // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л.А. Чибиров. Цхинвал: Ирыстон, 1987. Кн. 3. С. 359-361.

139. Миллер В. Ф. В горах Осетии. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2007. – 539 с.

140. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. В 3 т. М.: Тип. Ф. Б. Миллера. 1882. Репринтное воспроизведение. Владикавказ, 1992. – 713 с.

141. Мисиков М. А. Этнографические сведения об осетинах. Владикавказ: АрвАсин, 2011. – 157 с.

142. Никишенков А. А. Крестьянское правосудие. Обычное право российского крестьянства в XIX веке – начале XX века. М.: Современные тетради, 2003.

143. Никишенков А. А. Обычное право народов России. Библиографический указатель. 1890-1998. М.: Старый сад, 1998. – 252 с.

144. Н-о А. Семейное право на Кавказе // Новое обозрение. 1896. № 4170.

145. Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии: Сборник научных статей / Отв ред.: Н. И. Новикова, В. А. Тишков. М.: Стратегия, 2002. – 400 с.

146. Осетины / отв. ред. З. Б. Цаллагова, Л. А. Чибиров. М.: Наука, 2012. – 605 с.

147. Основы конфликтологии / Под ред. А. Дмитриева. М.: Юристъ, 1997. – 200 с.

148. Очерки политической и правовой истории Северного Кавказа (XIX – начала XX в.) / отв. ред. В. В. Момотов, Л. Г. Свечникова. Ставрополь-Краснодар, 2006. – 394 с.

149. Пассек В. В. Очерки России. В 6т. Т.1. Осетинцы. СПб., 1838.

150. Письма из Осетии // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: Ирыстон, 1981. Кн.1. С. 23-48.

151. Петров Л. И. Обычное право и закон на Кавказе // Кавказский вестник. 1901. № 1. С. 27-52.

152. Прасолов Д. Н. Интеграция кабардинского общества в состав Российской империи: этнокультурные аспекты // Известия КБНЦ РАН. 2011. № 4. С. 46-52.

153. Прасолов Д. Н. Съезд доверенных сельских обществ и проблемы поземельных отношений в Нальчикском округе в конце XIX – начале XX в. // Известия КБНЦ РАН. 2013. № 4. С. 167-172.

154. Пфаф В. Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. 1. С. 178-220; 1872. Т.2. С. 258-325.

155. Пфаф В. Б. Этнологические исследования об осетинах // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1872. Т. 2. С. 80-144.

156. Рейнеггс Я. Общее историко-топографическое описание Кавказа // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 90-104.

157. Рейнке Н. М. Горские и народные суды Кавказского края // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 2. С. 4-71.

158. Свечникова Л. Г. Обычай в правовой системе народов Северного Кавказа в XIX веке. Ставрополь: изд-во СтГАУ АГрус, 2003. – 232 с.

159. Скитский Б. В. Очерки по истории осетинского народа. С древнейших времен до 1867 года. Дзауджикау: Северо-Осетинское книжное издательство, 1947. – 199 с.

160. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. М., 1958. – 244 с.

161. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX-XX в.). М.: Наука, 1983. – 263 с.

162. Собиев И. Дигорское ущелье // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 58а.

163. Сосиев З. Станица Чернаярская // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / сост. Л. А. Чибиров. Цхинвали: ИрЫстон, 1989. Кн. 4. С. 159-172.

164. Такоева Н. Ф. К вопросу о браке и свадебных обрядах у северных осетин в XIX – начале XX вв. // Краткие сообщения института этнографии АН СССР. М., 1959. Вып. 32. С. 23-29.

165. Тишков В. А. Этничность, право и закон // Человек и право: книга о летней школе по юридической антропологии Института этнологии и антропологии РАН; Комиссия по обыч-

ному праву и правовому плюрализму Международного Союза антропологических и этнологических наук. 1999. С. 189-195.

166. Толстой В. С. Сказание о Северной Осетии. Владикавказ: Иростон, 1997. – 125 с.

167. Туманов Г. М. Разбой и реформа суда на Кавказе. СПб., 1903. – 65 с.

168. Уруймагов Х. А. Еще о калыме у осетин // Казбек. 1900. № 712.

169. Уруймагов Х. А. К съезду представителей осетинского народа // Терек. 1908. № 261.

170. Уруймагов Х. А. Старый, но вечный вопрос // Терек. 1915. № 5201.

171. Утверждение русского владычества на Кавказе / под ред. Потто В. А. В 4-х т. Тифлис, 1901-1908. Т. 1. Тифлис, 1901. – 309 с.; Т. 2. Тифлис, 1902. – 527 с.

172. Фарфаровский С. В. Брак у осетин // Естествознание и география. М., 1910. №7. С. 65-72.

173. Хадикова А. Х. Традиционная культура общения осетин: этнокультурные особенности и истоки формирования // Современные проблемы науки и образования. 2014. №3; <http://www.science-education.ru> / 117-13049 (дата обращения: 12.04.2014).

174. Хадикова А. Х. Традиционный этикет осетин. СПб.: изд-во С. – Петербургского университета, 2003. – 228 с.

175. Хетагуров К. Л. Горский словесный суд // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. – С. 220-221.

176. Хетагуров К. Л. Народное совещание // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 286-287.

177. Хетагуров К. Л. Не везет нам на старшин // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 34-35.

178. Хетагуров К. Л. Неурядицы Северного Кавказа // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республиканское издательско-по-

лиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 131-159.

179. Хетагуров К. Л. Общественный приговор // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 7-16.

180. Хетагуров К. Л. Особа (этнографический очерк) // Полн. собр. соч. в 5 т. Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2000. Т. IV. С. 313-374.

181. Хоруев Ю. В. Абреки на Кавказе. Владикавказ: Олимп, 2011. – 512 с.

182. Цаголов Г. Она бежала // Казбек. 1898. № 341.

183. Цалиев А. М. О судопроизводстве в Осетии (середина XVIII – начало XX вв.) // История государства и права. 2013. № 24. С. 7-13.

184. Цалиев А. М. Чеджемов С. Р. Институты власти и правовые воззрения в Северной Осетии (конец XVIII – начало XX в.). Владикавказ: Республиканское издательско-полиграфическое предприятие им. В. А. Гассиева, 2004. – 164 с.

185. Цгоев Х. Ф. Словарь осетинской мифологии и уклада жизни. Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 599 с.

186. Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. – 711 с.

187. Чиковани Г. Д. Осетинский ныхас // КЭС. Тбилиси, 1979. Т. V. Вып. 2. С. 29-107.

188. Чурсин Г. Ф. Осетины. Этнографический очерк // Труды ЗНА. Тифлис, 1925. – 321 с.

189. Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис, 1913. – 189 с.

190. Шанаев Дж. Т. Присяга по обычному праву осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып. 7. С. 1-25.

191. Шанаев Дж. Т. Свадьба у северных осетин // Сборник

сведений о кавказских горцах. Вып.4. Тифлис, 1870. С. 1-30.

192. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной зоны крепости Моздок во внутренний Кавказ. 1871 год. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3.

193. Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 году // Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 27-70.

194. Этнографические заметки из кавказских газет, выявленные Цибировым Г.И. // НА СОИГСИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 92.

195. Яновский А.Г. Осетия // Обзорение российских владений за Кавказом, в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. II. – 401 с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКАК – Акты кавказской археографической комиссии

Вып – Выпуск

ИПО СОИГСИ – Издательско-полиграфический отдел Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

КЭС – Кавказский этнографический сборник

НА СОИГСИ – Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

ОГРИП – Осетины глазами русских и иностранных путешественников

Отд – Отдел

ПМА – Полевой материал автора

ППКОО – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах

ПСЗ РИ – Полное собрание законов Российской империи

РСО-А – Республика Северная Осетия – Алания

РЮО – Республика Южная Осетия

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах

ССК – Сборник сведений о Кавказе

СЭ – Советская этнография

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив республики Северная Осетия – Алания

ЭО – Этнографическое обозрение

ЮОНИИ – Юго-Осетинский научно-исследовательский институт

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ПОСРЕДНИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И МЕДИАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С РОССИЙСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ	25
1.1. Миротворческая деятельность осетинской сельской общины.....	25
1.2. Традиционное третейство.....	37
1.3. Российская правовая культура в разрешении конфликтных ситуаций	57
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ.....	80
2.1. Традиционные виды конфликтов, конфликтогенные факторы и медиаторские стратегии.....	80
2.2. Кровная месть: мотивы и примиренческие процедуры	109
2.3. Трансформация института кровной мести	130
2.4. Традиции и инновации миротворческих практик	139
ГЛАВА 3. СЕМЕЙНО-БЫТОВЫЕ КОНФЛИКТЫ И СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ.....	155
3.1. Особенности семейной организации и конфликты, связанные с разделом большой семьи и наследованием имущества	155
3.2. Регламентация семейно-брачных отношений.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	200
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	206
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	225

Научное издание

Дауева Тамара Тамерлановна

**КОНФЛИКТЫ И МИРОТВОРЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
В ОСЕТИНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX В.)**

Книга издана в авторской редакции

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 25.12.2017
Формат бумаги 60×84¹/₁₆. Бум. офс.
Гарнитура шрифта «Warnock». Печать цифровая.
Усл. п.л. 13,2. Тираж 300 экз. Заказ 113.

ФГБУН Северо-Осетинский институт гуманитарных
и социальных исследований
имени В.И. Абаева ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО–Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
<http://www.izvestia-soigsi.ru>

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362000, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3.